

Собрание стихотворений. Том 7. Изборник. Рукописные книги. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание стихотворений. Том 7. Изборник. Рукописные книги. Фёдор Сологуб

Изборник

Предисловие

Рожденный не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразений, я спокойно и просто открываю мою душу. Открываю, – хочу, чтобы интимное стало всемирным.

Тёмная земная душа человека пламенеет сладкими и горькими восторгами, истончается и восходит по нескончаемой лестнице совершенств в обители навеки недостижимые и вовеки вожделенные.

Жаждет чуда, – и чудо дастся ей.

И разве земная жизнь, – Моя жизнь, – не чудо? Жизнь, такая раздробленная, такая разъединённая и такая единая.

«Ибо всё и во всём – Я, и только Я, и нет иного, и не было и не будет».

«Вещи есть у меня, но ты – не вещь Моя; ты и Я – одно».

«Приди ко Мне, люби Меня».

«Я был один в моём раю..»

Я был один в моём раю,

И кто-то звал меня Адамом.

Цветы хвалили плоть мою

Первоначальным фимиамом.

И первозданное зверье,

Теснясь вокруг меня, на тело

Ещё невинное моё

С любовью дикою глядело.

У ног моих журчал ручей,

Спеша лобзать стопы нагие,

И отражения очей

Мне улыбались, благие.

Когда ступени горных плит

Роса вечерняя кропила,

Ко мне волшебница Лилит

Стезёй лазурной приходила.

И вся она была легка,

Как тихий сон, – как сон безгрешна,

И речь её была сладка,

Как нежный смех, – как смех утешна.

И не желать бы мне иной!

Но я под сенью злого древа

Заснул... проснулся, – предо мной

Стояла и смеялась Ева...

Когда померк лазурный день,

Когда заря к морям склонилась,

Моя Лилит прошла как тень,

Прошла, ушла, – навеки скрылась.

«Мы поклонялись Владыкам...»

Мы поклонялись Владыкам

И в блеске дня и в тьме божниц,

И перед каждым грозным ликом

Мы робко повергались ниц.

Владыки гневные грозили,

И расточали гром и зло,

Порой же милость возносили

Так величаво и светло.

Но их неправедная милость,

Как их карающая месть,

Могли к престолом лишь унылость,

Тоской венчанную, возвесть.

Мерцал венец её жемчужный,
Но свет его был тусклый блеск,
И вся она была – ненужный
И непонятный арабеск.
Владык встречая льстивым кликом, –
И клик наш соткан был из тьмы, –
В смятеньи тёмном и великом
Чертог её ковали мы.
Свивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.
Пилигрим
В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идёт,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперёд, –
И, чередуясь мерно, дали
Встают всё новые пред ним,
Неистошмы, как печали, –
И всё далек Ерусалим..
В путях томительной печали,
Стремится вечно род людской
В недосыгаемые дали,
К какой-то цели роковой.
И создаёт неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И всё далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.
«На Ойле далёкой и прекрасной...»
На Ойле далёкой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далёкой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит всё блаженство бытия.
Там, в сияньи ясного Маира,
Всё цветёт, всё радостно поёт.
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живёт.
Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя –
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.
«Звезда Маир сияет надо мною...»
Звезда Маир сияет надо мною,
□□□□Звезда Маир,
И озарён прекрасною звездою
□□□□Далёкий мир.
Земля Ойле плывёт в волнах эфира,
□□□□Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира
□□□□На той земле.
Река Лигой в стране любви и мира,
□□□□Река Лигой
Колеблет тихо ясный лик Маира
□□□□Своей волной.
Бряцанье лир, цветов благоуханье,
□□□□Бряцанье лир
И песни жён слились в одно дыханье,
□□□□Хваля Маир.
«Всё, чего нам здесь недоставало...»
□□□□Всё, чего нам здесь недоставало,
Всё, о чём тужила грешная земля,
□□□□Расцвело на вас и засияло,
О, Лигойские блаженные поля.
□□□□Этот мир вражда заплонила,

Этот бедный мир в унынье погружён,
□□□Нам отрадна тихая могила,
И, подобный смерти, долгий, тёмный сон.
□□□Но Лигой струится и трепещет
и благоухают чудные цветы,
□□□И Маир безгрешный тихо блещет
над блаженным краем вечной красоты.
«Когда звенят согласные напевы...»
Когда звенят согласные напевы
Ойлейских дев,
И в пляске медленной кружатся девы
Под свой напев, –
Преодолев несносные преграды,
И смерти рад,
Вперяю я внимательные взгляды
В их светлый град.
Отрад святых насытись дуновеньем,
С тебя, Ойле,
Стремлюсь опять, окованный забвеньем,
К моей земле.
Во мгле земли свершаю превращенья.
Покорен я, –
И дней медлительных влачатся звенья,
О, жизнь моя!
«Блаженный лик Маира...»
Блаженный лик Маира
Склоняется к Ойле.
Звенит призывно лира, –
И вот начало пира
В вечерней полумгле.
По мраморной дороге,
Прекрасны, словно боги,
Они выходят в сад.
У старших наги ноги
И радостен наряд,
А те, что помоложе,
Совсем обнажены,
Загар на тонкой коже,
И все они похожи
На вестников весны.
«В недосыгаемом чертоге...»
В недосыгаемом чертоге
Жила Царица красоты,
И с нею были только боги
И легкокрылые мечты.
Озарена святым блаженством,
И безмятежна, и ясна,
Невозмутимым совершенством
Сияла радостно она.
Легко сотканые одежды
Едва касались нежных плеч.
Отрадным веяньем надежды
Приветная звучала речь,
И только лёгкие мечтанья
К ней возносились от земли,
А люди, бранные созданья,
Её достигнуть не могли.
Катилось кроткое светило
Над тихим плеском горних рек,
Дневное ж солнце не всходило
Над миром радостным вовек.
Но злой Дракон, кующий стрелы,
Свою и здесь насытил злость.
Однажды в дивные пределы
Вступил нежданный, странный гость.
Смотрел он дико и сурово,
Одежда вся была в пыли.
Он произнёс земное слово,

Повеял запахом земли,
И пред Царицею смущённой,
Охвачен вихрем злых тревог,
Мольбами страсти исступлённой
Он огласил её чертог.
Смутились радостные боги,
Померкли светлые мечты,
Всё стало призрачно в чертоге
Царицы дивной красоты, –
И в тяжкой муке отвращенья
Вкусила смерть Царица грёз,
И Змей в безумстве злого мщенья
Свой лик пылающий вознёс.
Медный змий
Возроптали иудеи:
«Труден путь наш, долгий путь.
Пресмыкаясь, точно змеи,
Мы не смеем отдохнуть».
В стан усталых иудеев
Из неведомой земли
Вереницы мудрых змеев
Утром медленно ползли.
Подымался к небу ропот:
«Нет надежд и нет дорог!
Или нам наш долгий опыт
Недостаточно был строг?»
Рано утром, в час восхода,
Голодна, тоща и зла,
В стан роптавшего народа
Рать змеиная ползла.
И, раздор меж братьев сея,
Говорил крамольник злой:
«Мы отвергнем Моисея,
Мы воротимся домой».
Чешуёй светло-зелёной
Шелестя в сухой пыли,
По равнине опалённой
Змеи медленно ползли.
«Здесь в пустыне этой пыльной
Мы исчахнем и умрём.
О, вернёмся в край обильный,
Под хранительный ярём».
Вдруг, ужаленный змеёю,
Воин пал сторожевой, –
И сбегаются толпою
На его предсмертный вой.
И, скользя между ногами
Старцев, жён, детей и дев,
Змеи блещут чешуями,
Раззевают хищный зев,
И вонзают жала с ядом
В обнажённые стопы
Их враждебно-вещим взглядом
Очарованной толпы.
Умирали иудеи, –
И раскаялись они.
«Моисей, нас жалят змеи! –
Возопил народ. – Взгляни:
Это – кара за роптанье.
Умоли за нас Творца,
Чтоб Господне наказание
Не свершилось до конца».
И, по слову Моисея,
Был из меди скован змей,
И к столбу прибили змея
Остриями трёх гвоздей.
Истощили яд свой гости
И, шурша в сухой пыли,

Обессиленные злости
В логовища унесли.
Перед медным изваяньем
Преклоняется народ,
И смиренным покаяньем
Милость Божию зовёт.
«Насытив очи наготою...»
Насытив очи наготою
Эфирных и бесстрастных тел,
Земною страстной красотой
Я воплотиться захотел.
Тогда мне дали имя фрины,
И в обаяньи нежных сил
Я восхитил мои Афины
И тело в волны погрузил.
Невинность гимны мне слагала,
Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жало
В пыли ползущей клеветы.
Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.
Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.
Затмилось злобное гоненье,
Хула свиваясь умерла,
И было – старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.
«Заря-заряница...»

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
По всей земле ходила,
Все грады посещала, –
В одно село пришла,
Все рученьки оббила,
Под окнами стучала,
Приюта не нашла, –

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
Её от окон гнали,
Толкали и корили,
Бранили и кляли,
И бабы ей кричали:
«Когда б мы всех кормили,
Так что б мы сберегли?»

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
Огонь небесный жарок.
Высок, далёк, да зорок
Илья, святой пророк.
Он встал, могуч и ярок,
И грозных молний сорок
Связал в один клубок.

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
По облачной дороге,
На огненной телеге,
С зарницей на дуге,
Помчался он в тревоге, –
У коней в бурном беге
По грому на ноге.

□□Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!
И вихри закружились,
И дубы зашатались,
И молнии зажглись,
И громы разразились, –
И люди испугались,
Молиться принялись:
«Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!»
Напрасные рыдания,
Напрасные моления, –
Гневлив пророк Илья.
Не будет сострадания
Для грешного селенья, –
Конец его житья!
□□Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!
Детей людских жалея,
Сказала Пресвятая:
«Уймись, пророк Илья.
Грешат, не разумея,
Грешат, не понимая,
Но всем простила я».
□□Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!
Перед Ильёю стала,
Словами не смирила,
Да с плеч своих сняла
Святое покрывало,
И всё село покрыла,
И всех людей спасла, –
□□Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!
«Нерон сказал богам державным...»
Нерон сказал богам державным:
«Мы торжествуем и царим!»
И под ярмом его бесславным
Клонился долго гордый Рим.
Таил я замысел кровавый.
Час исполнения настал, –
И отточил я мой лукавый,
Мой беспощадно-злой кинжал.
В сияньи цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взор его пустой.
Кинжал в руке моей сжимая,
Я не был робок, не был слаб, –
Но ликовала воля злая,
Меня схватил Неронов раб.
Смолою облит, на потеху
Безумных буду я сожжён.
Внимай бессмысленному смеху
И веселися, злой Нерон!
Нюрнбергский палач
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжёлого меча.
И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли

Томительно горя.
Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришёл я в Нюрнберг.
На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.
Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.
Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.
Народную боязнь
Лишённый вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой тёмный меч.
Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
□□□Строгий судья.
Свяжу верёвкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!
Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.
И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И тёмный у меча.
Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.
Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.
Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять верёвка свяжет
□□□Тоску мою.
Стенания и слезы, –
Палач – везде палач.
О, скучный плеск берёзы!
О, скучный детский плач!
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжёлого меча!
Время битвы
Наше злое время – время лютой битвы.
Прочь кимвал и лиру! Гимнов не просите,
Золотые струны на псалтири рвите!
Ненавистны песни, не к чему молитвы.
О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте клич суровой чести,
Клич, в котором слышен голос кровной мести,
Клич, в котором дышит сила огневая.
Песни будут спеты только после боя,
В лагере победы, – там огни зажгутся,

Там с гремящей лиры звуки понесутся,
Там польётся песня в похвалу героя.
Над телами ж мёртвых, ночью после сечи,
Будет петь да плакать только ветер буйный
И, плеща волною речки тихоструйной,
Поведёт с лозою жалобные речи.

«Струясь вдоль нивы, мёртвая вода...»

Струясь вдоль нивы, мёртвая вода
Звала меня к последнему забытью.
Я пас тогда ослиные стада,
И похвалялся их тяжёлой прытью.
Порой я сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцой, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя сошла
И на поля повеяла прохлада.
Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мёртвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.

«Высока луна Господня...»

Высока луна Господня.

□□Тяжко мне.

Истомилась я сегодня

□□В тишине.

Ни одна вокруг не лает

□□Из подруг.

Скучно, страшно замирает

□□Всё вокруг.

В ясных улицах так пусто,

□□Так мертво.

Не слышать шагов, ни хруста,

□□Ничего.

Землю нюхая в тревоге,

□□Жду я бед.

Слабо пахнет по дороге

□□Чей-то след.

Никого нигде не будит

□□Быстрый шаг.

Жданный путник, кто ж он будет, –

□□Друг иль враг?

Под холодную луною

□□Я одна.

Нет, невмочь мне, – я завую

□□У окна.

Высока луна Господня,

□□Высока.

Грусть томит меня сегодня

□□И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте

□□Тишину.

Сестры, сестры! войте, лайте

□□На луну!

«Беден дом мой пасмурный...»

Беден дом мой пасмурный

Нажитым добром,

Не блестит алмазами,

Не звенит серебром,

Но зато в нём сладостно

Плакать о былом.

За моё убожество

Милый дар мне дан

Облекать все горести

В радужный туман

И целить напевами

Боль душевных ран.

Жизнь влача печальную,

Вовсе не тужу.

У окошка вечером

Тихо посижу,
Проходящим девушкам
Сказку расскажу.
Под окном поставил я
Длинную скамью.
Там присядут странницы, –
Песню им спою,
Золото звенящее
В души их пролью.
Только чаще серая
Провлечётся пыль,
И в окно раскрытое
На резной костыль
Тихо осыпается, –
Изжитая быль.
«Степь моя!..»
Степь моя!
Ширь моя!
Если отрок я,
Раскрываю я
Жёлтенький цветок,
Зажигаю я
Жёлтенький, веселенький, золотой огонек.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой земной, золотой огонь!
Степь моя!
Ширь моя!
Если дева я,
Раскрываю я
Аленький цветок,
Зажигаю я
Аленький, маленький, красный огонёк.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой ясный, красный огонь!
Степь моя!
Ширь моя!
Вею, вею я,
Раскрываю я
Жёлтенькие, аленькие цветки,
Зажигаю я
Золотые, красные огоньки.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой красный, золотой огонь!
«День туманный...»
День туманный
Настаёт,
Мой желанный
Не идёт.
□□Мгла вокруг.
На пороге
Я стою,
Вся в тревоге,
И пою.
□□Где ж мой друг?
Холод веет,
Сад мой пуст,
Сиротеет
Каждый куст.
□□Скучно мне.
Распрощался
Ты легко,
И умчался
Далеко
□□На коне.
По дороге
Я гляжу,
Вся в тревоге,
Вся дрожу, –

□□Милый мой!
Долго стану
Слёзы лить,
В сердце рану
Берeditь, –
□□Бог с тобой!
«Какие-то светлые девы...»
Какие-то светлые девы
Сегодня гостили у нас.
То не были дочери Евы, –
Таких я не видывал глаз.
я встретил их где-то далёко
В суровом лесу и глухом.
Бежали они одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоём.
И было в них много печали,
Больной, сиротливой, лесной,
И ноги их быстро мелькали,
Покрытые светлой росой.
Но руки их смелой рукою
Сложил я в спасающий крест,
И вывел их верной тропою
Из этих пугающих мест.
И бедные светлые девы
Всю ночь прогостили у нас, –
я слушал лесные напевы,
И сладкий, и нежный рассказ.
«Порой повеет запах странный...»
Порой повеет запах странный, –
Его причины не понять, –
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.
Как встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засов скрипучий вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, –
И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,
Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.
«Для кого прозвучал...»
Для кого прозвучал
Мой томительный голос?
Как подрезанный колос,
я бессильно упал.
я прошёл по земле
Неразгаданной тайной,
И как свет неслучайный
В опечаленной мгле.
я к Отцу возвращаюсь,
я затеплил свечу,
И ничем не прельщаюсь,
Ничего не хочу.
Мой таинственный голос
Для кого прозвучал?
Как подрезанный колос,
я на землю упал.
я не слышу ответа,
Одинокий иду,
И от мира не жду
Ни привета, ни света.
я затеплил свечу,
И к Отцу возвращаюсь,
Ничего не хочу,

И ничем не прельщаюсь.

«Ангельские лики...»

□□Ангельские лики,
□□Светлое хваленье,
□□Дым благоуханий, –
□□У Творца-Владыки
□□Вечное забвеньё
□□Всех земных страданий.

□□Ангел вопрошает:
«Бледный отрок, ты откуда?
Рано дни тебе наскучили».

□□Отрок отвечает:
«На земле мне было худо.
Мать с отцом меня замучили».

□□У Творца-Владыки
□□Вечное забвеньё
□□Всех земных страданий, –
□□Ангельские лики,
□□Светлое хваленье,
□□Дым благоуханий.

«Целый день бранили,
Ночью руки мне связали,
На чердак свели раздетого,
□□Долго палкой били,
Долго розгами терзали, –
Вот и умер я от этого».

□□Ангельские лики,
□□Светлое хваленье,
□□Дым благоуханий, –
□□У Творца-Владыки
□□Вечное забвеньё
□□Всех земных страданий.

«Дети радостей и света...»
Дети радостей и света,
Нет границ вам, нет завета,
□□Нет помех, –

Вы и в городе храните,
На асфальте, на граните
□□Резвый смех.

Посреди толпы болтливой
Вы с улыбкою счастливой
□□Надо мной,

И за вашу оградой
В шумный мир иду с отрадой
□□Неземной.

Лунная колыбельная

Я не знаю много песен, знаю песенку одну.

Я спою её младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожно качну.

Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихий ангел вострепнётся, улыбнётся, погрознётся шалуну,
И шалун ему ответит: «Ты не бойся, ты не дуйся, я засну».

Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну.

Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.

Он про звёздочки расскажет, он расскажет про луну,

Про цветы в раю высоком, про небесную весну.

Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,

Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,

Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, –

Тот поникнет, и не крикнет, и не пикнет, и поникнет в глубину,

И на речке с лёгким плеском круг за кругом пробежит волна в волну.

Я не знаю много песен, знаю песенку одну,

Я спою её младенцу, отходящему ко сну,

Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,

Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.

Тихая колыбельная

Много бегал мальчик мой.

Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой.
Моя ножки, задремли.
Я спю тебе, спю:
«Баю-баюшки-баю».
Тихо стукнул в двери сон.
Я шепнула: «Сон, войди».
Волоса его, как лён,
Ручки дремлют на груди, –
И тихонько я пою:
«Баю-баюшки-баю».
«Сон, ты где был?» – «За горой». –
«Что ты видел?» – «Лунный свет». –
«С кем ты был?» – «С моей сестрой». –
«А сестра пришла к нам?» – «Нет».
Я тихонечко пою.
«Баю-баюшки-баю».
Дремлет бледная луна.
Тихо в поле и в саду.
Кто-то ходит у окна,
Кто-то шепчет: «Я приду».
Я тихохонько пою:
«Баю-баюшки-баю».
Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
«Тяжело мне. Я больна.
Помоги мне, милый брат».
Тихо-тихо я пою:
«Баю-баюшки-баю».
«Я косила целый день.
Я устала. Я больна».
За окном шатнулась тень.
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
«Баю-баюшки-баю».
«Я люблю мою тёмную землю...»
Я люблю мою тёмную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но, смиренно, и тяжкие муки.
Ничего не отвергну в созданыи, –
И во всём есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтаньи,
И в обычности буйной – похмелье.
Преклоняюсь пред Духом Великим,
И с Отцом бытие моё слито,
И созданием Его многоликим
От меня ли единство закрыто!
Блажен, кто пьет напиток трезвый...»
Блажен, кто пьет напиток трезвый,
Холодный дар спокойных рек,
Кто виноградной влагой резвой
Не веселил себя вовек.
Но кто узнал живую радость
Шипучих и колючих струй,
Того влечёт к себе их сладость,
Их нежной пены поцелуй.
Блаженно всё, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, –
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознанья,
Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.
«Злое земное томленье...»
Злое земное томленье,
Злое земное житьё,

Божье ли ты сновиденье,
□□Или ничьё?
В нашем, в ином ли твореньи
К истине есть ли пути,
Или в бесплодном томленьи
□□Надо идти?
Чьим же творящим хотеньем
Неразделимо слита
С неутомимым стремленьем
□□Мира тщета?
Восторги слёз
Вошла, вздыхая, в светлый храм,
Устало стала на колени.
Звучали царские ступени,
Синел отраднй фимиам.
Горели пред распятым свечи,
И благостно глядел Христос.
Не обещал он с милым встречи,
Но утешал восторгом слёз.
И Он терпел за раной рану,
И был безумными убит.
«Я биться головой не стану
О тихий холод тёмных плит!»
Стояла долго и молилась,
Склонившись у пронзённых ног.
Тоска в покорность претворилась:
«Да будет так, как хочет Бог!»
«Белая тьма созидает предметы...»
Белая тьма созидает предметы
□□И обольщает меня.
Жадно ищу я душою просветы
□□В область нетленного дня.
Кто же внесёт в заточенье земное
□□Светоч, пугающий тьму?
Скоро ль бессмертное, сердцу родное
□□В свете его я пойму?
Или навек нерушима преграда
□□Белой, обманчивой тьмы,
И бесконечно томиться мне надо,
□□И не уйти из тюрьмы?
«Равно для сердца мило...»
Равно для сердца мило,
Равно волнует кровь –
И то, что прежде было,
И то, что будет вновь,
И тёмная могила,
И светлая любовь.
А то, что длится ныне,
Что мы зовём своим,
В безрадостной пустыне
Обманчиво, как дым.
Томимся о святыне,
Завидуем иным.
«Верю в счастье, верю снова...»
Верю в счастье, верю снова
Светлым радостям весны,
Но грустнее снов больного
Утомительные сны.
И пугливы, и тоскливы,
Как ленивый плеск волны,
Как поникнувшие ивы,
Сны о бедах старины.
«Быть простым, одиноким...»
Быть простым, одиноким,
Навсегда, – иль надолго, – уйти от людей,
Любоваться лишь небом высоким,
Лепетание слушать ветвей,
Выходить на лесные дороги

Без казны золотой, без сапог,
Позабыв городские чертоги
И толпу надоедливых, тёмных тревог.
Но на всякой тропинке
Кто-нибудь да идёт
И в руках иль корзинке
Что-нибудь да несёт.
Всюду крики, ауканье, речи,
И ребячий бессмысленный смех,
И ненужные, глупые встречи,
И бренчанье ненужных потех.
И одежды веригам подобны,
И деньгами оттянут карман,
И голодные нищие злобны,
И в домах притаился обман.
О, пустынная радость!
О, безлюдье далёких равнин!
Тишины безмятежная сладость,
И внимающий – только один.
Милый брат мой, вздымающий крылья
Выше леса и туч,
Из отчизны тупого бессилья
Унеси меня, сладкою мукой измучь..
«Ветер тучи носит...»
Ветер тучи носит,
Носит вихри пыли.
Сердце сказки просит,
И не хочет были.
Сидеть за стеною, работником быть, –
О, ветер, – ты мог бы и стены разбить!
Ходить по дорогам из камней и плит, –
Он только тревожит, он только скользит!
И мёртвые видеть повсюду слова, –
Прекрасная сказка навеки мертва.
«Неустанное в работе...»
Неустанное в работе
Сердце бедное моё, –
В несмолкающей заботе
Ты житьё куешь моё.
Воля к жизни, воля злая,
Направляет пылкий ток, –
Ты куешь, не уставая,
Телу радость и порок.
Дни и ночи ты торопишь,
Будишь, слабого, меня,
И мои сомненья топишь
В нескончаемости дня.
Я безлепицей измучен.
Житиё кляню моё.
Твой тяжёлый стук мне скучен,
Сердце бедное моё.
«Люби меня, люби, холодная луна!..»
Люби меня, люби, холодная луна!
Пусть в небе обо мне твой рог жемчужный трубит,
Когда восходишь ты, ясна и холодна.
На этой злой земле никто меня не любит.
Да будет ночь твоя в мерцании светил!
Отверженец земли, тоскующий и кроткий,
О, сколько раз во тьме я за тобой следил,
Любуясь твоей стремительною лодкой!
Потом я шёл опять в докучный ропот дня, –
И труд меня томил, и путь мой был бесцелен.
Твой свет в моей душе струился, мглисто-зелен.
Холодная луна, люби, люби меня!
«Весь дом покоен, и лишь одно...»
Весь дом покоен, и лишь одно
Окно ночное озарено.
То не лампадный отрадный свет:

Там нет отрады, и сна там нет.
Больной, быть может, проснулся вдруг,
И снова гложет его недуг.
Или, разлуке обречена,
В жестоких муках не спит жена.
Иль, смерть по воле готов призвать,
Бедняк бездольный не смеет спать.
Над милым прахом, быть может, мать
В тоске и страхе пришла рыдать.
Иль скорбь иная зажгла огни.
О злая, злая! к чему они?

«Мы – пленённые звери...»

□□Мы – пленённые звери,
□□Голосим, как умеем.
□□Глухо заперты двери,
□□Мы открыть их не смеем.
Если сердце преданиям верно,
Утешаясь лаем, мы лаем.
Что в зверинце зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаем.
К повторениям сердце привычно, –
Однозвучно и скучно кукуем.
Всё в зверинце безлично, обычно.
Мы о воле давно не тоскуем.

□□Мы – пленённые звери,
□□Голосим, как умеем.
□□Глухо заперты двери,
□□Мы открыть их не смеем.

«В томленьях жизни несчастливой...»

В томленьях жизни несчастливой
Меня забавишь только ты,
О муза дивно-прихотливой
□□□□Мечты!

В разгаре грусти безнадежной
Ты предстаёшь душе моей,
Ее пленяя лаской нежной
Мир озаряющих лучей.
Забыты жгучие обиды,
В душе смолкает гордый гнев,
Как перед взорами Киприды
□□Пленённый лев.

«Воздухом дольным дышать...»

Воздухом дольным дышать
□□Трудно и больно.
Звёзды сияют опять.
Как мне о них не мечтать!

□□Это невольюно.
Лучших в пространство миров
□□Брошено много.
Я к умиранью готов,
И недосказанных слов
□□Смолкла тревога.
Здесь невозможно цвести
□□Чистому цвету.
Тёмны земные пути,
И невозможно идти
□□К вечному свету.

«В дневных лучах и в сонной мгле...»

В дневных лучах и в сонной мгле,
В моей траве, в моей земле,
В моих кустах я схоронил
Мечты о жизни, клады сил,
И окружился я стеной,
Мой свет померк передо мной,
И я забыл, давно забыл,
Где притаились клады сил.
Порой, взобравшись по стене,
Сижу печально на окне, –

И силы спят в земле сырой,
Под неподвижною травой.
Как пробудить их? Как воззвать?
Иль им вовеки мирно спать,
А мне холодной тишиной
Томиться вечно за стеной?
«Объята мглою вещей теней...»
Объята мглою вещей теней,
Она восходит в тёмный храм.
Дрожат стопы от холода ступеней,
И грозен мрак тоскующим очам.
И будут ли услышаны моления?
Или навек от жизненных тревог
В недостижимые селенья
Сокрылся Бог?
Во мгле мерцают слабые лампы,
К стопам приник тяжёлый холод плит.
Темны столпов недвижные громады, –
Она стоит, и плачет, и дрожит.
О, для чего в усердьи богомольном
Она спешила в храм идти!
Как вознести мольбы о дольном!
Всему начертаны пути.
«Суровый звук моих стихов...»
Суровый звук моих стихов –
Печальный отзвук дальней речи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О, вдохновенье горьких слов?
Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной.
И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда
Забуть ли горечь долгих мук!
«Во мне мечты мои цветут...»
Во мне мечты мои цветут,
Восходят, блещут и заходят,
И тучи гневные несут,
И бури грозные приводят.
Всё предстоящее – лишь тень,
И всё мгновенно, всё забвенно, –
Но где ж сияет вечный день,
Какая тайна неизменна?
О чём мечтаю я землёй,
Водой, огнём и небом ясным,
Ночною быстрой тишиной,
И днём медлительным, но страстным?
Один ли я томлюсь во всём,
В томленьи вечно неутешном,
Иль жизнь иная есть в ином,
В блаженном Духе, или в грешном?
«Державные боги...»
Державные боги,
Властители радостных стран!
Устал я от трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью из ран.
«Так надо, так надо», –
Мне вещей ваш ворон твердит.
В чертогах небесных отрада, –
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.
Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили,

И к вам я иду до конца.
А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь,
Лишь только в безмолвии ночи
Мгновенною молнией в очи
Себе самовольно блеснуть.
Его отвергаю,
Я вам покориться хочу.
Живу и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,
Иду и молчу.
«Опять сияние в лампаде...»
Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.
Ликует Бог в надзвёздном граде,
А мой удел – унылый плен.
С иконы тёмной безучастно
Глаза суровые глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, –
И пожелтёлые страницы,
Заветы строгие храня,
Как безнадёжные гробницы,
Уже не смотрят на меня.
«В амфоре, ярко расцвечённой...»
В амфоре, ярко расцвечённой,
Угрюмый раб несет вино.
Неровен путь неосвещённый,
А в небесах уже темно, –
И напряжёнными глазами
Он зорко смотрит в полутьму,
Чтоб через край вино струями
Не пролилось на грудь ему.
Так я несу моих страданий
Давно наполненный фиал.
В нём лютый яд воспоминаний,
Таясь коварно, задремал.
Иду окольными путями
С сосудом зла, чтоб кто-нибудь
Неосторожными руками
Его не пролил мне на грудь.
«Я должен быть старым...»
Я должен быть старым,
И мудрым,
И ко всему равнодушным,
С каменеющим сердцем
И с презрительным взором,
Потому что Ананке,
Злая,
Открыла мне мой жребий:
Жить лишь только после смерти
Бестелесною тенью,
Лёгким звуком,
Пыльною радостью
Чудака книгочия...
А все же нагое тело
Меня волнует,
Как в юные годы.
Я люблю руки,
И ноги,
И упругую кожу,
И всё, что можно
Целовать и ласкать.
И если ты, милая,
Капризная, но вовсе не злая,
Хочешь моего ясного взгляда,
Моей светлой улыбки,
Моего лёгкого прикосновения, –

А что же больше я могу
Дать или взять? –
Знай, знай,
Мне ненавистно
Твоё нарядное платье
Скрипучего шелка
С жёлтыми кружевами,
И ароматный дар старого Пино,
И даже твои сквозные
Рукавички
С глупым и смешным названьем.
«Короткая радость сгорела...»
Короткая радость сгорела,
И снова я грустен и нищ,
И снова блуждаю без дела
У чуждых и тёмных жилищ.
Я пыл вдохновенья ночного
Больною душой ощущал,
Виденья из мира иного
Я светлым восторгом встречал.
Но краткая радость сгорела,
И город опять предо мной,
Опять я скитаюсь без дела
По жёсткой его мостовой.
«Давно мне голос твой невнятен...»
Давно мне голос твой невнятен,
И образ твой в мечтах поплёк.
Или приход твой невозвратен,
И я навеки одинок?
И был ли ты в моей пустыне,
Иль призрак лживый, мой же сон,
В укор неправедной гордыне
Врагом безликим вознесён?
Кто б ни был ты, явись мне снова,
Затми томительные дни,
И мрак безумия земного
Хоть перед смертью осени.
«Всё хочет петь и славить Бога...»
Всё хочет петь и славить Бога, –
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.
Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.
«В овраге, за тою вон рощей...»
В овраге, за тою вон рощей,
Лежит мой маленький брат.
Я оставила с ним двух кукол, –
Они его сон сторожат.
Я боюсь, что он очень ушибся,
Я его разбудить не могла.
Я так устала, что охотно
Вместе бы с ними легла.
Но надо позвать на помощь,
Чтобы его домой перенести.
Нельзя, чтобы малые дети
Ночевали одни на пути.
«Я напрасно хочу не любить...»
Я напрасно хочу не любить, –
И, природе покорствуя страстной,
□□ Не могу не любить,
Не томиться мечтою напрасной.
Чуть могу любоваться тобой,
И сказать тебе слова не смею,
□□ Но расстаться с тобой
Не хочу, не могу, не умею.

А настанут жестокие дни,
Ты уйдёшь от меня без возврата,
□□О, зачем же вы, дни!
За утратой иная утрата.
«Цветик белоснежный...»
□□Цветик белоснежный
□□У тропы тележной
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, простился с домом,
□□Ты ушёл далеча, –
□□Суждена ль нам встреча?
□□Цветик нежный, синий
□□Над немой пустыней
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, расстался с домом,
□□От тебя хоть слово
□□Я услышу ль снова?
«Отвори свою дверь...»
□□Отвори свою дверь,
И ограду кругом обойди.
□□Неспокойно теперь, –
Не ложись, не засни, подожди.
□□Может быть, в эту ночь
И тебя позовёт кто-нибудь.
□□Поспешешь ли помочь?
И пойдёшь ли в неведомый путь?
□□Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьме, за стеной
□□Станет кто-нибудь звать,
Одиноким, усталым, больной.
□□Выходи к воротам
И фонарь пред собою носи.
□□Хоть бы сгинул ты сам,
Но того, кто взывает, спаси.
«В поле не видно ни зги...»
В поле не видно ни зги.
Кто-то зовёт: «Помоги!»
□□□Что я могу?
Сам я и беден, и мал,
Сам я смертельно устал,
□□□Как помогу?
Кто-то зовёт в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!»
□□□Легче вдвоём.
Если не сможем идти,
Вместе умрём на пути,
□□□Вместе умрём!»
«Я лицо укрыл бы в маске...»
Я лицо укрыл бы в маске,
Нахлобучил бы колпак,
И в бесстыдно-дикой пляске
Позабыл бы кое-как
Роковых сомнений стаю
И укоры без конца, –
Все, пред чем не поднимаю
Незакрытого лица.
Гулкий бубен потрясая
Высоко над головой,
Я помчался б, приседая,
Дробь ногами выбивая,
Пред хохочущей толпой.
Вкруг литого, золотого,
Недоступного тельца,
Отгоняя духа злого,
Что казнит меня сурово
Скудной краскою лица.
Что ж меня остановило?
Или это вражья сила

Сокрушила бубен мой?
Отчего я с буйным криком
И в безумии великом
Пал на камни головой?
«Скучная лампа моя зажжена...»
Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.
□□Господи, если я раб,
□□Если я беден и слаб,
Если мне вечно за этим стоном
Скучным и скудным томиться трудом,
□□Дай мне в одну только ночь
□□Слабость мою превозмочь
И в совершенном созданыи одним
Чистым навеки зажечься огнем.
«Над безумием шумной столицы...»
Над безумием шумной столицы
В тёмном небе сияла луна,
И далёких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.
Но толпа проходила беспечно,
И на звёзды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.
И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от погибели чёрной
Их вещанья его не могли.
«Постройте чертог у потока...»
Постройте чертог у потока
В таинственно-тихом лесу,
Гонцов разошлите далёко,
Сберите живую красу, –
□□Детей беспокровных,
□□Голодных детей
Ведите в защиту дубровных
□□Широких ветвей.
Проворные детские ноги
В зелёном лесу побегут
И в нём молодые дороги
□□Себе обретут,
Возделают детские руки
Эдем, для работы сплетясь, –
И зой их весёлые звуки
Окличет, в кустах притаясь.
«Целуйте руки...»
Целуйте руки
У нежных дев,
Широкий плащ разлуки
На них надев.
Целуйте плечи
У милых жён, –
Покой блаженной встречи
Им возведён.
Целуйте ноги
У матерей, –
Над ними бич тревоги
За их детей.
«Ты в стране недостижимой...»
Ты в стране недостижимой, –
Я в больной долине снов.
Друг, томительно любимый,
Слышу звук твоих шагов.
Содрогаясь, внемлю речи,
Вижу блеск твоих очей, –
Бледный призрак дивной встречи,
Привидение речей.
Расторгают эвмениды

Между нами все пути.
Я изгнанник, – все обиды
Должен я перенести.
Жизнью скучной и нелепой
Надо медленно мне жить,
Не роптать на рок свирепый,
И о тайном ворожить.
«Я верю в творящего Бога...»
Я верю в творящего Бога,
В святыя заветы небес,
И верю, что явлено много
Безумному миру чудес.
И первое чудо на свете,
Великий источник утех –
Блаженно-невинные дети,
Их сладкий и радостный смех.
«Забыв о родине своей...»
Забыв о родине своей,
Мы торжествуем новоселье, –
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!
Но всё проходит, гаснут страсти,
Скучна весёлость наконец;
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти.
Всё чаще станем повторять
Судьбе и жизни укоризны.
И тихий мир своей отчизны
Нам всё отрадней вспоминать.
«Всё почивающее свято...»
Всё почивающее свято,
В смятеньи жизни – зло и грех.
Томила жизнь меня когда-то
Надеждой лживою утех.
Её соблазны были многи,
И утомленья без числа.
В великолепные чертоги
Она мечты мои звала,
И на жестокие дороги
Меня коварно увлекла.
Но близость кроткой смерти чужа,
Уснули гордые мечты.
Я жду смиренно, не тоскуя,
Благой и вещи темноты.
И если жить мне надо снова,
С собой я жизни принесу
Успокоения святого
Невозмутимую красу.
«Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик...»
Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик,
Я услышал над собою, и узнал зловещий клик.
И приникши к изголовью, обагрённый жаркой кровью,
Мой двойник, сверкая взором, издевался над любовью,
Засверкала сталь кинжала, и кинжал вонзился в грудь,
И она легла спокойно, а двойник сказал: «Забудь.
Надо быть как злое жало, жало светлого кинжала,
Что вонзилось прямо в сердце, но любя не угрожало».
«Изнемогающая вялость...»
Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска, –
В долинах – бледная усталость,
На небе – злые облака.
Не видно счастья голубого, –
Его затмили злые сны.
Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.
«В паденьи дня к закату своему...»
В паденьи дня к закату своему

□□Есть нечто мстительное, злое.
Не ты ли призывал покой и тьму,
□□Изнемогая в ярком зное?
Не ты ль хулил неистовство лучей
□□Владыки пламенного, Змия,
И прославлял блаженный мир ночей
□□И звёзды ясные, благие?
И вот сбылось, – пылающий поник,
□□И далеко упали тени.
Земля свежа. Дианин ясный лик
□□Восходит, полон сладкой лени.
И он зовёт к безгласной тишине,
□□И лишь затем он смотрит в очи,
Чтобы внушить мечту о долгом сне,
□□О долгой, – бесконечной, – ночи.
«Живы дети, только дети...»
Живы дети, только дети, –
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетённой туго сетью
Возле каждой головы.
Хоть и даст она отсрочку –
Год, неделю или ночь,
Но поставит всё же точку,
И укатит в чёрной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.
Торопись дышать сильнее,
Жди, – придёт и твой черёд.
Задыхайся, цепенея,
Леденея перед нею.
Срок пройдёт, – подставишь шею, –
Ночь, неделя или год.
«В тебя, безмолвную, ночную...»
В тебя, безмолвную, ночную,
Всё так же верно я влюблён,
И никогда не торжествую,
И жизнь моя – полдневный сон.
Давно не ведавшие встречи,
Ты – вечно там, я – снова здесь,
Мы устремляем взор далече,
В одну мечтательную весь.
И ныне, в час лукавый плена,
Мы не боимся, не спешим.
Перед тобой моя измена, –
Как легкий и прозрачный дым.
Над этим лучезарным морем,
Где воздух сладок и согрет,
Устами дружными повторим
Наш тайный, роковой завет.
И как ни смейся надо мною
Жестокий, полуденный сон, –
Я роковую тишиною
Твоих очей заморожен.
Чёртовы качели
В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает чёрт качели
Мохнатую рукой.
Качает и смеётся,
□□Вперёд, назад,
□□Вперёд, назад.
Доска скрипит и гнётся,
О сук тяжёлый трётся
Натянутый канат.
Снуёт с протяжным скрипом
Шатучая доска,

И чёрт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.
Держусь, томлюсь, качаюсь,
□□Вперёд, назад,
□□Вперёд, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От чёрта томный взгляд.
Над верхом тёмной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой».
В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой».
Я знаю, чёрт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,
Пока не перетрётся,
Крутясь, конопля,
Пока не подвернётся
Ко мне моя земля.
Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, чёрт, качели,
Всё выше, выше... ах!
«Венком из руты увенчали...»
Венком из руты увенчали
Меня суровые печали, –
И охладела мысль моя,
В душе смирилася тревога,
Сужу отчётливо и строго,
Моей неправды не тая.
Не поклоняюсь я иному,
Ни богу доброму, ни злому,
Но и не спорю тщетно с ним:
Творцу ль сердиться на созданья?
Огню ль в минуту угасанья
Роптать на пепел и на дым?
Всё благо, – только это тело
В грехах и в злобе закоснело,
Но есть могила для него, –
И смерть бесстрастно я прославлю,
И так же всё легко поправлю,
Как создал всё из ничего.
«Забыты вино и веселье...»
Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, –
Один он идёт в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.
И дверь заскрипела протяжно, –
В неё не входили давно.
За дверью и тёмно, и влажно,
Высоко и узко окно.
Глаза привыкают во мраке, –
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.
Он долго глядит на сплетенье
Непонятых знаков, и ждёт,
Что взорам его просветленье
Всезрящая смерть принесёт.
Простая песенка
□□Под остриями
□□Вражеских пик
□□Светик убитый,

Светик убитый поник.
□□Миленький мальчик
□□Маленький мой,
□□Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.
□□Били, стреляли, –
□□Ты не бежал,
□□Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.
□□Конь офицера
□□Вражеских сил
□□Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.
□□Миленький мальчик
□□Маленький мой,
□□Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.
«Вести об отчизне...»
Вести об отчизне
Верьте иль не верьте, –
Есть весна у жизни,
Есть весна у смерти.
Если розы красны,
То купавы бледны.
Небеса бесстрастны,
Мы же, люди, бедны.
Истина предстанет
Поздно или рано.
Здесь обманет, –
В смерти нет обмана.
«Есть тайна несказанная...»
Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я?
Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Дорогой незнакомую,
Среди немых болот
С медлительной истомою
Она меня ведет.
Мгновения бесследные
Над ней летят в тиши,
И спят купавы бледные,
И дремлют камыши.
Коса её запутана,
В ней жёсткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.
Дорогой потаённую,
Среди немых болот,
Где ирис, влагой сонною
Напоенный, цветет.
Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Её найду ли я?
«Там, за стеною, холодный туман от реки...»
Там, за стеною, холодный туман от реки.
Снова со мною острые ласки тоски.
Снова огонь сожигает
Усталую плоть, –
Пламень безумный, сверкая, играет,
Жалит, томит, угрожает, –
Как мне его побороть?
Сладок он, сладок мне, сладок, –
В нём я порочно полночно сгораю давно.
Тихое око бесстрастных лампадок,
Тихой молитвы внезапный припадок, –
Вам погасить мой огонь не дано.

Сладкий, безумный и жгучий,
Пламенный, радостный стыд,
Мститель нетленно-могучий
Горьких обид.
Плачет опять у порога
Бледная совесть – луна.
Ждёт не дожждётся дорога, –
И увядает она,
Лилия бедная, бледная, вечно больная, –
Лилия ждёт не дожждётся меня,
Светлого мая,
Огня.
«Мечтатель, странный миру...»
Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.
Кому-то дымный ладан
Он жжёт, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.
Он тайною завесил
Страстей своих игру, –
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.
Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд,
В прославленной долине
Его не веселят.
Поляну он находит,
Лишённую красы,
И там в мечтах проводит
Безмолвные часы.
«Как часто хоронят меня!..»
Как часто хоронят меня!
Как часты по мне панихиды!
Но нет дня меня в них обиды,
Я выше и Ночи, и Дня.
Усталостью к отдыху клонят,
Болезнями тело томят,
Печальями со света гонят,
И ладаном в очи дымят.
Мой путь перед ними не понят,
Венец многоцветный измят, –
Но, как ни поют, ни хоронят,
Мой свет от меня не затмят.
Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью, –
За грозной чертою предела
Воздвигнул я душу мою.
Великой зарёю зардела
Любовь к моему бытию.
Вселенское, мощное тело
Всемирной душе создаю.
Ладью мою вечно стремите
К свершению творческих дел, –
И если найдёте предел,
Отпойте меня, схороните!
«Никто не убивал...»
Никто не убивал,
Он тихо умер сам, –
Он бледен был и мал,
Но рвался к небесам.
А небо далеко,
И даже – неба нет.
Пойми – и жить легко, –
Ведь тут же, с нами, свет.
Огнём горит эфир,

И ярки наши дни, –
Для ночи знает мир
Внезапные огни.
Но он любил мечтать
О пресвятой звезде,
Какой не отыскать
Нигде, – увы! – нигде!
Дороги к небесам
Он отыскать не мог,
И тихо умер сам,
Но умер он как бог.
«По тем дорогам, где ходят люди...»
По тем дорогам, где ходят люди,
В часы раздумья не ходи, –
Весь воздух выпьют людские груди,
Проснётся страх в твоей груди.
Оставь селенья, иди далёко,
Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.
«Этот зыбкий туман над рекой...»
Этот зыбкий туман над рекой
В одинокую ночь, при луне, –
Ненавистен он мне, и желанен он мне
Тишиною своей и тоской.
Я забыл про дневную красу,
И во мглу я тихонько вхожу,
Еле видимый след напряжённо слежу,
И печали мои одиноко несусь.
«Не кончен путь далекий...»
Не кончен путь далекий.
Усталый, одинокий,
Сажусь я в поздний час.
Туманны все дороги,
Роса мне мочит ноги,
И мой костёр погас,
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!
Всё в этом тёмном поле
Одной покорно воле.
Вся эта ночь – моя!
И каждая былинка,
И каждая росинка,
И каждая струя, –
Всё мне согласно внемлет,
Мечтой моей дыша.
В моём томленьи дремлет
Всемирная душа.
Далёк предел высокий.
Усталый, одинокий,
Над влажною золой,
Я сам собою светел, –
Я путь себе наметил
Не добрый и не злой, –
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!
«Моя усталость выше гор...»
Моя усталость выше гор,
Во рву лежит моя любовь,
И потускневший ищет взор,
Где слёзы катятся и кровь.
Моя усталость выше гор,
Не для земли её труды...
О, тёмный взор, о, скучный взор,

О, злые, страшные плоды!
«Если б я был к счастью приневолен...»
Если б я был к счастью приневолен,
Если б я был негой опьянён,
Был бы я, как цвет тепличный, болен
И страстями безумными спалён.
Но легко мне: я живу печален,
Я суровой скорби в жертву дан.
Никаким желаньем не ужален,
Ни в какой не вдамся я обман.
И до дня, когда безмолвной тенью
Буду я навеки осенён,
Жизнь моя, всемирному томленью
Ты подобна, лёгкая, как сон.
«Передрассветный сумрак долог...»
Передрассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря, раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.
Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.
Но кто сжимает пыльный посох
Сухую старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Заворожённых тишиной!
«Суровый друг, ты недоволен...»
Суровый друг, ты недоволен,
□□Что я грустна.
Ты молчалив, ты вечно болен, –
□□И я больна.
Но не хочу я быть счастливой,
□□Идти к другим.
С тобой мне жить в тоске пугливой,
□□С больным и злым.
Отвыкла я от жизни шумной
□□И от людей.
Мой взор горит тоской безумной,
□□Тоской твоей.
Перед тобой в немом томленьи
□□Сгораю я.
В твоём печальном заточеньи
□□Вся жизнь моя.
«Предметы предметного мира...»
Предметы предметного мира, –
И солнце, и путь, и луна,
И все колебанья эфира,
И всякая здесь глубина,
И всё, что очерчено резко,
Душе утомлённой моей –
Страшилище звона и блеска,
Застенок томительных дней.
От света спешу я в чертоги,
Где тихой мечтою дышу,
Где вместе со мною лишь боги,
Которых я сам возношу.
Бесшумною тканью завешен
Чертога безмолвный порог.
Там грех мой невинно-безгрешен,
И весело-светел порок.
Никто не наложит запрета,
И грубое слово ничьё
Не бросит внезапного света
На слово иль дело моё.
Я древних заклиний не знаю
На той стороне бытия,
И если я кровь проливаю,

То кровь эта – только моя.
«Я спал от печали...»
Я спал от печали
Тягостным сном.
Чайки кричали
Над моим окном.
Заря возопила:
«Встречай со мной царя.
Я небеса разбудила,
Разбудила, горя».
И ветер, пылая
Вечной тоской,
Звал меня, пролетая
Над моею рекой.
Но в тяжёлой печали
Я безрадостно спал.
О, весёлые дали,
Я вас не видал!
«Я лесом шёл. Дремали ели...»
Я лесом шёл. Дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох, –
Мой друг далёкий, неужели
Я слышал твой печальный вздох?
И это ты передо мною
Прошёл, безмолвный нелюдим,
Заворожённый тишиною
И вечным сумраком лесным?
Я посмотрел, – ты оглянулся,
Но промолчал, махнул рукой, –
Прошло мгновенье, – лес качнулся, –
И нет тебя передо мной.
Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.
«Чем звонче радость, мир прелестней...»
Чем звонче радость, мир прелестней
И солнце в небе горячеей,
Тем скорбь дружнее с тихой песней,
Тем грёзы сердца холодней.
Холодный ключ порою жаркой
Из-под горы, играя, бьёт,
И солнца блеск надменно-яркий
Согреть не может ясных вод.
Земли таинственная сила
На свет источник извела,
И навсегда заморозила
От обаяния тепла.
Ангел благого молчания
Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, –
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.
Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.
Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два лёгких крыла.
Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, –
Только на поясе белом
Два золотые ключа.
Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный

Ты от толпы заслонил.
В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог,
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.
«Я зажгу восковую свечу...»
Я зажгу восковую свечу,
И к Творцу моему воззову,
Преклоняя главу и колени.
Бытия моего не хочу,
Жития моего не прерву,
До последней пройду все ступени.
Только воля Господня и есть,
И не я выбирал этот путь,
И куда он ведёт, я не знаю, –
И спешу я молитвы прочесть,
И не смею в ночи отдохнуть,
И главу, и колени склоняю.
«Обольщения лживых слов...»
Обольщения лживых слов
И обманчивых снов, –
Ваши прелести так сильны!
Утомителен летний зной.
На дороге лесной
Утешения тишины.
Позабудешься ты в тени, –
Отдохни и засни.
Старый сказочник не далёк.
Он с дремотою подойдёт.
Вещий лес оживёт, –
И таинственный огонёк.
Чего не было никогда,
Что пожрали года,
Что мечтается иногда, –
Снова молодо, снова здесь,
Станешь радостен весь,
В позабытую внидешь весь.
«Алой кровью истекая в час всемирного томленья...»
Алой кровью истекая в час всемирного томленья,
С лёгким звоном злые звенья разжимает лютый Змей.
Умирает с тихим стоном Царь полднего творенья.
Кровью Змея пламенея, ты жалеть его не смей.
Близок срок заворожённый размышленья и молчанья.
Умирает Змей багряный, Царь безумного сиянья.
Он царил над небосклоном, но настал печальный час,
И с протяжным, тихим стоном Змей пылающий погас.
И с бессильною тревогой окровавленной дорогой,
Все ключи свои роняя, труп Царя влечёт Заря,
И в томленьи грусти строгой месяц бледный и двурогий
Сеет мгlistые мечтанья, не грозя и не горя.
Если страшно, если больно, если жизни жаль неволью, –
Что твой ропот своевольный! Покоряйся, – жить довольно.
Все лучи померкли в небе и в ночной росе ключи, –
И опять Она с тобою. Слушай, слушай и молчи.
«В село из леса она пришла...»
В село из леса она пришла, –
Она стучала, она звала.
Её страшила ночная тьма,
Но не пускали её в дома.
И долго, долго брела она,
И тёмной ночью была одна,
И не пускали её в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла.
Она упала, – и умерла.
«Берёзка над морем...»
Берёзка над морем
На высокой скале

Улыбается зорям,
Потонувшим во мгле.
Широко, широко
Тишина, тишина.
Под скалою глубоко
Закипает волна.
О волны! О зори!
Тихо тающий сон
В вашем вечном просторе
Над скалою вознесён.
«Оргийное безумие в вине...»
Оргийное безумие в вине,
Оно весь мир смеясь колышет.
Но в трезвости и в мирной тишине
Порою то ж безумье дышит.
Оно молчит в нависнувших ветвях,
И стережёт в пещере жадной,
И, затаясь в медлительных струях,
Оно зовёт в покой прохладный.
Порою, в воду мирно погружаясь,
Вдруг власть безумия признает тело,
И чуешь ты таинственную связь
С твоей душой губительного дела.
«Преодолел я дикий холод...»
Преодолел я дикий холод
Земных страданий и невзгод,
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.
Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И всё цветущее хвалю.
Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.
«Благословляю, жизнь моя...»
Благословляю, жизнь моя,
□□Твои печали.
Как струи тихого ручья,
Мои молитвы зазвучали.
Душевных ран я не таю,
Благословив моё паденье.
Как ива к тихому ручью,
К душе приникло умиление.
«Холодная, жестокая земля!..»
Холодная, жестокая земля!
Но как же ты взрастила сладострастие?
Твои широкие, угрюмые поля
Изведали ненастье, но и счастье.
Сама ли ты надежды родила,
Сама ли их повила злаками?
Или сошла с небес богиня зла,
Венчанная таинственными знаками,
И низвела для дремлющей земли
Мечты коварные с обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?
«Блаженство в жизни только раз...»
Блаженство в жизни только раз,
□□Безумный путь, –
Забыться в море милых глаз,
□□И утонуть.
Едва надменный Савл вступил
□□На путь в Дамаск,
Уж он во власти нежных сил
□□И жгучих ласк.
Его глаза слепит огонь

□□Небесных нег,
И стройно-тонкая ладонь
□□Бела, как снег.
Над ним возник свирельный плач
□□В пылани дня:
«Жестокий Савл! О, злой палач,
□□Люби меня!»
Нет, Павла Савлом не зови:
□□Святым огнём
Апостол сладостной любви
□□Восставлен в нём.
Блаженство в жизни только раз,
□□Отрадный путь!
Забиться в море милых глаз,
□□И утонуть.
Забыв о том, как назван ты
□□В краю отцов,
Спешить к безмерностям мечты
□□На смелый зов.
О, знойный путь! О, путь в Дамаск!
□□Безумный путь!
Замкнуться в круге сладких ласк,
□□И утонуть.
«Огонь, пылающий в крови моей...»
Огонь, пылающий в крови моей,
Меня не утомил.
Ещё я жду, – каких-то новых дней,
Восстановленья сил.
Спешу забыть все виденные сны,
И только сохранить
Привычку к снам, – полуночной весны
Плакающую нить.
Всё тихое опять окрест меня,
И солнце и луна, –
Но сладкого, безумного огня
Душа моя полна.
«В светлый день похоронили...»
В светлый день похоронили
Мы склонившуюсь тень.
Кто безгласен был в могиле,
Тот воскрес в великий день, –
И светло ликует с нами,
Кто прошёл сквозь холод тьмы,
Кто измучен злыми снами
В тёмных областях зимы.
«Все эти ваши слова...»
Все эти ваши слова
Мне уж давно надоели.
Только б небес синева,
Шумные волны да ели,
Только бы льнула к ногам
Пена волны одичалой,
Сладко шепча берегам
Сказки любви небывалой.
«Твоя душа – кристалл, дрожащий...»
Твоя душа – кристалл, дрожащий
В очарованьи светлых струй,
Но что ей в жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!
В очарованиях бессилен
Горящий неизменно здесь.
Наш дольний воздух смрадно пылен,
Душе мила иная весь.
«Вы не умеете целовать мою землю...»
Вы не умеете целовать мою землю,
Не умеете слушать Мать Землю сырую,
Так, как я ей внемлю,
Так, как я её целую.

О, приникну, приникну всем телом
К святому материнскому телу,
В озареньи святом и белом
К последнему склонюсь пределу, –
Откуда вышли цветы и травы,
Откуда вышли и вы, сёстры и братья.
Только мои лобзанья чисты и правы,
Только мои святы объятья.
«В глубокий час молчания ночного...»
В глубокий час молчания ночного
Тебе я слово тайное шепну.
□□Тогда закрой глаза и снова
□□Увидишь ты мою страну.
Доверься мне опять, иди за мною,
На здешний мир не поднимая глаз,
□□Пока, объятый тихой мглою,
□□Полночный светоч не угас, –
И всё, о чём душа твоя томится,
И для чего не надо слёз и слов,
□□Перед тобою загорится
□□В ночной стране безмолвных снов.
«Широкие улицы прямы...»
Широкие улицы прямы,
И пыльно, и мглисто в дали,
Чуть видны далёкие храмы, –
О, муза, ликуй и хвали!
Для камней, заборов и пыли
Напевы звенящие куй,
Забудь про печальные были, –
О, муза, хвали и ликуй!
Пройдут ли, внезапны и горды,
Дерзнувшие спорить с судьбой, –
Встречай опьяневшие орды
Напевом, зовущим на бой.
«Люби меня ясно, как любит заря...»
Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и лёгкой мечтой
И тихо погасни за мглистой чертой.
Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети, –
Помедлим с тобою на тёмном пути.
Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь, – не бойся, не лги.
«Безгрешный сон...»
□□□Безгрешный сон,
□□Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясные, взошли на небосклон,
□□□И о далёком возвещали.
□□□Отрадный свет,
□□И на земле начертанные знаки!
Вам, сёстры ясные, земля моя в ответ
□□□Взрастила грезящие маки.
□□□В блестящем дне
□□Отрада есть, – надежда вдохновенья.
О, сёстры ясные, одна из вас ко мне
□□□Сошла в тумане сновиденья!
«Ты незаметно проходила...»
Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла,
Как незажжённое кадило,
Благоухать ты не могла.
Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,

И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.
Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты.
И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.
Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась,
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.
«Дышу дыханьем ранних рос...»
Дышу дыханьем ранних рос,
Зарёю ландышей невинных:
Вдыхаю влажный запах длинных
□□Русалочьих волос, –
Отчётливо и тонко
Я вижу каждый волосок;
Я слышу звонкий голосок
□□Погибшего ребёнка.
Она стонала над водой,
Когда её любовник бросил.
Её любовник молодой
На шею камень ей повесил.
Заслышав шорох в камышах
Его лады и скрип от весел,
Она низверглась вся в слезах,
А он еще был буйно весел.
И вот она передо мной,
Всё та же, но совсем другая.
Над озарённой глубиной
□□Качается нагая.
Рукою ветку захватив,
Водю заревою плещет.
Забыла тёмные пути
В сияньи утреннем, и блещет.
И я дышу дыханьем рос,
Благоуханием невинным,
И влажным запахом пустынным
□□Русалкиных волос.
«Не понимаю, отчего...»
Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Встаёт какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.
Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, –
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье, и свободу?
И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обрести я мысль и слово,
И мир создать себе живой?
Окрест меня всё жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня в полях весна
Благоухания колышет.
Но не понять мне, отчего
В природе мёртвенной и скудной
Воссоздаётся властью чудной
Духовной жизни торжество.
«Все были сказаны давно...»
Все были сказаны давно
Заветы сладостной свободы, –
И прежде претворялись воды
В животворящее вино.

Припомни брак еврейский в Кане,
И чудо первое Христа, –
И омочи свои уста
Водю, налитой в стакане.
И если верный ученик
В тебе воскреснет, – ток прозрачный
Рассеет сон неволи мрачной,
Ты станешь светел и велик.
Что было светлюю водю,
То сердцем в кровь претворено.
Какое крепкое вино!
Какою бьёт оно струёю!
«Из мира чахлой нищеты...»
Из мира чахлой нищеты,
Где жёны плакали и дети лепетали,
Я улетаю в заоблачные дали
В объятьях радостной мечты,
И с дивной высоты надменного полёта
Преображал я мир земной,
И он сверкал передо мной,
Как тёмной ткани позолота.
Потом, разбуженный от грёз
Прикосновеньем грубой жизни,
Моей мучительной отчизне
Я неразгаданное нёс.
«Всё было беспокойно и стройно, как всегда...»
Всё было беспокойно и стройно, как всегда,
И чванились горы, и плакала вода,
И булькал смех девичий в воздушный океан,
И басом объяснялся с мамашей грубиян,
Пищали сто песчинок под дамским башмаком,
И тысячи пылинок врываются в каждый дом.
Трава шептала сонно зелёные слова.
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть ку-ку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,
Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей,
И красили уж небо в берлинскую лазурь,
Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, как прежде, думал, что я – большой поэт,
Что миру будет явлен мой незакатный свет.
«Жизнь проходит в лёгких грёзах...»
Жизнь проходит в лёгких грёзах,
Вся природа – тихий бред, –
И не слышно об угрозах,
И не видно в мире бед.
Успокоенное море
Тихо плещет о песок.
Позабылось в мире горе,
Страсть погибла, и порок.
Век людской и тих, и долог
В безмятежной тишине,
Но – зачем откинут полог,
Если въявь, как и во сне?
«Не плачь, утешься, верь...»
□□ Не плачь, утешься, верь,
Не повторяй, что умер сын твой милый, –
Не вовсе он оставил мир постылый.
□□ Он тихо стукнет в дверь,
□□ С приветными словами
Войдёт к тебе и станет целовать
Тебя, свою утешенную мать,
□□ Безгрешными устами.
□□ Лишь только позови,
Он будет приходить к тебе, послушный,
Всегда, как прежде, детски-простодушный,
□□ Дитя твоей любви.

«Я томился в чарах лунных...»

□□Я томился в чарах лунных,
Были ясны лики дивных дев,
И звучал на гусях златострунных
□□Сладостный напев.
□□В тишине заворожённой
От подножья недоступных гор
Простирался светлый и бессонный,
□□Но немой простор.
□□К вещей тайне, несказанной
Звал печальный и холодный свет,
И струился в даль благоуханный,
□□Радостный завет.

«Полуночная жизнь расцвела...»

Полуночная жизнь расцвела.
На столе заалели цветы.
Я ль виновник твоей красоты,
Иль собою ты так весела?
В озарении бледных огней
Полуночная жизнь расцвела.
Для меня ль ты опять ожила,
Или я – только данник ночей?
Я ль тебя из темницы исторг
В озарение бледных огней?
Иль томленья томительных дней –
Только дань за недолгий восторг?

«Над усталую пустыней...»

Над усталую пустыней
Развернулся полог синий,
В небо вышел месяц ясный.
Нетревожный и нестрастный.
Низошла к земле прохлада,
И повеяна отрада.
В мой шатёр, в объятья сна,
Тишина низведена.
С внешней жизнью я прощаюсь,
И в забвенье погружаюсь.
Предо мною мир нездешний,
Где ликует друг мой вешний,
Где безгрешное светило,
Не склоняясь, озарило
Тот нетленный, юный сад,
Где хвалы его звучат.

«Здесь, на этом перекрёстке, в тихий, чуткий час ночной...»

Здесь, на этом перекрёстке, в тихий, чуткий час ночной
Ты стояла предо мною, озарённая луной,
И, бессмертными словами откровенье роковое
Повторяя, говорила, что на свете только двое,
Что в созданьи многоликом только я и только ты
В споре вечном и великом сплетены, но не слиты.
Обе тёмные дороги в ожидании молчали.
Ночь внимала и томилась от восторга и печали.
И в сияньи непорочном, в полуночной тишине
Все дыханья, вновь желанья возвращались все ко мне.
Только ты одна таилась, не стремилась ты нашей встрече,
Вещим снам противореча, вечно близко и далече.

«Я уведу тебя далёко...»

Я уведу тебя далёко
От шумных, тесных городов.
Где в многолюдстве одиноко,
Где рабство низменных трудов.
Уйдём к долине безмятежной
На берега пустынных вод.
Когда свершится неизбежный
Звезды таинственный восход.
И там, на берегу потока,
Под лёгкий лепет камыша,
От тёмной суеты далёко,

Прохладой свежую дыша,
Там, на путях очарованья
В безмолвный час поймёшь и ты
Неотразимые призыванья
Миры объемлющей мечты.
«Луны безгрешное сиянье...»
Луны безгрешное сиянье,
Бесстрастный сон немых дубрав,
И в поле мглистом волхвованье,
□□Шептанье трав...
Сошлись полночные дороги.
На перекрёстке я опять, –
Но к вам ли, демоны и боги,
□□Хочу воззвать?
Под непорочную луною
Внимая чуткой тишине,
Всё, что предстало предо мною,
□□Зову ко мне.
Мелькает белая рубаха, –
И по траве, как снег бледна,
Дрожа от радостного страха,
□□Идёт она.
Я не хочу её объятий,
Я ненавижу прелесть жён,
Я властью неземных заклятий
□□Заворожён.
Но говорит мне ведьма: «Снова
Вещаю тайну бытия.
И нет и не было Иного, –
□□Но я – Твоя.
Сгорали демоны и боги,
Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги
□□Добра и зла».
Упала белая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха,
□□Стоит она.
«Восходит Змий горящий снова...»
Восходит Змий горящий снова,
И мечет грозные лучи.
От волхвованья ночного
Меня ты снова отлучи.
Труды подьёмлю, – на дороги
Пойду безумен, зол и мал,
Забыв полночные чертоги,
Где я словам твоим внимал.
Но из земли возникнут снова
Твои холодные ключи, –
Тогда меня, всегда земного,
Ты в тихий сумрак заключи.
«Водой спокойной отражены...»
□□Водой спокойной отражены,
□□Они бесстрастно обнажены
□□При свете тихом ночной луны.
Два отрока, две девы творят ночной обряд,
И тихие напевы таинственно звучат.
Стопами белых ног едва колеблют струи,
И волны, зыбясь у ног, звучат как поцелуи.
□□Сияет месяц с горы небес,
□□Внимает гимнам безмолвный лес,
□□Пора настала ночных чудес.
Оставлены одежды у тёмного пути.
Свершаются надежды, – обратно не идти.
Таинственный порог, заветная ограда, –
Переступить порог, переступить им надо.
□□Их отраженья в воде видны,
□□И все движенья повторены

□□В замороженных лучах луны.

Огонь, пылавший в теле, томительно погас, –
В торжественном пределе настал последний час.
Стопами белых ног, омытыми от пыли.
Таинственный порог они переступили.

«Ты печально мерцала...»

Ты печально мерцала
Между ярких подруг,
И одна не вступала
В их пленительный круг.
Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,
И молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.
Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живёшь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжёшь.

«Надо мною, как облако...»

Надо мною, как облако
Над вершиной горы,
Ты пройдёшь, словно облако
Над вершиной горы,
В многоцветном сиянии,
В обаяньи святом,
Ты промчишься в сиянии,
В обаяньи святом.
Стану долго, безрадостный,
За тобою глядеть, –
Утомлённый, безрадостный,
За тобою глядеть,
Тосковать и печалиться,
Безнадёжно грустить,
О далёком печалиться,
О бесследном грустить.

«Вот минута прощальная...»

Вот минута прощальная
До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?
Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?
Для того ли скиталась
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалась
С их немой тишиной?
И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.

«Есть тропа неизбежная...»

Есть тропа неизбежная
На крутом берегу, –
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу,
Улыбается сладкая,
И бежит далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только с нею легко.
Пробежит, – зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется

Золотое кольцо...
Рокового, заклятого
Не хотеть бы кольца,
Отойти б от крылатого,
Огневого гонца.
«Ночь настанет, и опять...»
Ночь настанет, и опять
Ты придёшь ко мне тайком,
Чтоб со мною помечтать
О нездешнем, о святом.
И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь колыхать
Преодо мною свет и тьму.
Буду спать или не спать,
Буду помнить или нет, –
Станет радостно сиять
Для меня нездешний свет.
«Любит ночь моя туманы...»
Любит ночь моя туманы,
любит бледный свет луны,
и гаданья, и обманы,
и таинственные сны.
Любит девушек весёлых
Вдруг влюбить в свою луну,
и русалок любит голых,
Поднимающих волну.
и меня немножко любит, –
Зазовёт меня к луне,
Зацелует, и погубит,
и забудет обо мне.
«Мечта далёких вдохновений...»
Мечта далёких вдохновений,
любовь к иному бытию,
Стреми вдали от воплощений
Твою эфирную ладью.
С моим болезненным томленьем
Святой тоски не сочетаю,
Обрадуй призрачным явленьем
и, невозвратная, растай.
«Где безбрежный океан...»
Где безбрежный океан,
Где одни лишь плещут волны,
Где не ходят чёлны, –
Там есть фея Кисиман.
На волнах она лежит,
Нежась и качаясь,
Плещет, блещет, говорит, –
С нею фея Атимаис.
Атимаис, Кисиман –
Две лазоревые феи.
Их ласкает океан.
Эти феи – ворожеи.
К берегам несёт волну,
Колыхаясь, забавляясь,
Ворожащая луну
Злая фея Атимаис.
Пенит гневный океан,
Кораблям ломая донья,
Злая фея Кисиман,
Ворожащая спросонья.
Злые феи – две сестры –
Притворяться не умеют.
Бойся в море злой поры,
Если обе чары деют.
«Не трогай в темноте...»
Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, –

Быть может, это – те,
Кому привольно дома.
Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнёт зелёный глаз,
Царапнет быстрый ноготь, –
Прокинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? Мучить? нежить?
Куда ты ни пойдёшь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснёшь.
Но что же будет после?
Прозрачною щекой
Прильнёт к тебе сожитель.
Он серую тоской
Твою затмит обитель.
И будет жуткий страх, –
Так близко, так знакомо,
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.
«Злая ведьма чашу яда...»
Злая ведьма чашу яда
Подаёт, – и шепчет мне:
«Есть великая отрада
В затаённом там огне.
Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, –
Не боишься? так по воле
Пей её или не пей.
Будут боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрёшь,
Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.
Встанешь с пола худ и зелен
Под конец другого дня.
В путь пойдёшь, который велен
Духом скрытого огня.
Кое-что умрёт, конечно,
У тебя внутри, – так что ж?
Что имеешь, ты навечно
Всё равно не сбережёшь.
Но зато смертельным ядом
Весь пропитан, будешь ты
Поражать змеиным взглядом
Неразумные цветы.
Будешь мёртвыми устами
Ты метать потоки стрел,
И широкими путями
Умертвлять ничтожность дел».
Так, смеясь над чашей яда,
Злая ведьма шепчет мне,
Что бессмертная отрада
Есть в отравленном огне
«В тихий вечер, на распутьи двух дорог...»
В тихий вечер, на распутьи двух дорог
Я колдунью молодую подстерёг,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.
Преодо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмёшь, –
С ним не бойся, – не захочешь, не умрёшь.
Этот камень всё на шее ты носи,
И другого талисмана не проси.

И прозрачна, и светла.
Из далёкой вышины
Звёзды первые видны.
Между небом и землёй
За туманную чертой
Сны вечерние легли,
Сторожа покой земли.
«Зачем возрастаю?»
«Зачем возрастаю? –
Снегурка спросила меня. –
Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу весёлую стаю,
Растаю, по камням звеня.
И ты позабудешь меня».
Снегурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко;
Растаешь, узнаешь, умрёшь без укора,
Уснёшь глубоко.
«В чародейном, тёмном круге...»
В чародейном, тёмном круге,
□□ всё прости, что было днём,
Дал я знак Моей подруге
□□ тихо вспыхнувшим огнём.
И она пришла, как прежде,
□□ под покровом темноты.
Позабыл я все вопросы,
□□ и спросил я: «Кто же ты?»
И она с укором кротким
□□ посмотрела на Меня.
Лик её был странно бледен
□□ в свете тайного огня.
Вкруг неё витали чары
□□ нас обнявшего кольца, –
И внезапно стал Мне внятен
□□ очерк близкого лица.
«В бедной хате в Назарете...»
В бедной хате в Назарете
Обитал ребёнок-Бог.
Он однажды на рассвете,
Выйдя тихо за порог,
Забавлялся влажной глиной, –
Он кускам её давал
Жизнь и образ голубиный,
И на волю отпускал, –
И неслись они далёко,
И блаженство бытия
Возвещала от востока
Новозданная семья.
О, Божественная Сила,
И ко мне сходила ты
И душе моей дарила
Окрылённые мечты, –
Утром дней благоуханных
Жизни трепетной моей
Вереницы новозданных
Назаретских голубей.
Ниспошли ещё мне снова
В жизнь туманную мою
Из томления земного
Сотворённую семью.
«Наивно верю временам...»
Наивно верю временам,
Покорно предаюсь пространствам, –
Земным изменчивым убранствам
И беспредельным небесам.
Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, –
Противоречий я хотел,

Мечта владычицею стала.
В жемчуги, злато и виссон,
Прелестница безумно-злая,
Она рядит, не уставая,
Земной таинственный мой сон.
«Ты не бойся, что темно...»
Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, –
Всё невинно, всё смешно,
Всё Божественной игрою
Рождено и суждено.
Для торжественной забавы
Я порою к вам схожу,
Собираю ваши травы,
И над ними ворожу,
И варю для вас отравы.
Мой напиток пей до дна.
В нём забвенья всех томлений;
Глубина его ясна,
Но великих утолений
Преисполнена она.
Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Всё иное – неизменно,
Нет спасенья, нет вины,
Всё легко и всё забвенно.
«Высоко я тебя поставил...»
Высоко я тебя поставил,
Светло зажёлг, облёк в лучи,
Всемирной славою прославил,
Но от склонений не избавил,
И в яркий жар твой я направил
Неотразимые мечи.
Горишь ли ты над небосклоном,
Иль утомлённый клонишь лик,
Мои мечи с тяжёлым звоном
Тебя разят, – и долгим стоном
Моим ответствуя законам,
Ты к алым областям приник.
И уж напрасно хочешь целым
Остаться ты, надменный Змей,
Святым, торжественным и белым, –
Я волю дал восстаньям смелым.
Стремись же к пламенным пределам,
И, тяготей, пламеней.
«Гляжу на нивы, на деревья...»
Гляжу на нивы, на деревья,
На реки, долы, стены круч,
И на воздушные кочевья
Свинцовых и жемчужных туч, –
И терпеливою душою
Их тайну постигаю я:
За их завесою цветною
Родные снятся мне края.
«В весенний день мальчишка злой...»
В весенний день мальчишка злой
Пронзил ножом кору берёзы, –
И капли сока, точно слёзы,
Текли прозрачную струей.
Но созидаящая сила
Ещё изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, –
Они, как прежде, колыхались,
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.
«Я дорогой невинной и смелою...»
Я дорогой невинной и смелою
Прохожу, ничего не тая.

Что хочу, то могу, то и делаю, –
□□Вот свобода моя.

Научитесь хотению упорному,
Наберитесь ликующих сил,
Чтоб зовущий к пристанищу чёрному

□□Вас косою не скосил, –
И поверьте великим вещаниям,
Что свобода не ведаёт зла,
Что она только ясным желаньям
□□Силу жизни дала.

«Надо мной голубая печаль...»

Надо мной голубая печаль,
И глядит она в страхе высоком
Полуночным таинственным оком
На земную туманную даль.
Бездыханно-холодные травы
Околдованы тихой луной,
И смущён я моей тишиной,
Но стези мои тайные правы.
Не об этом ли шепчут ручьи,
Что в моих неподвижных туманах
Беспорочно в томительных странах
Пронесу помышленья мои?

«Есть соответствия во всём...»

Есть соответствия во всём, –
Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слёзы мы найдём,
И если жаждем утешенья,
Бежим далёко от людей.
Среди лесов, среди полей
Покой, безмыслие, забвеньё.
Ветвями ветер шелестит,
Трава травую так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.
Так, доверяясь природе,
Наперекор судьбе, во всём
Мы соответствия найдём
Своей душе, своей свободе.

«Люблю моё молчанье...»

Люблю моё молчанье
В лесу во тьме ночей
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.
Люблю росу ночную
В сырых моих лугах
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарёю алой
Весёлый холодок,
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонёк.

Тогда успокоенье
Нисходит на меня,
И что мне всё томленье
Пережитого дня!

Я всем земным простором
Блаженно замолчу
И многозвёздным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.

«Час ночной отраден...»

□□Час ночной отраден
Для бесстрашного душой.

Воздух нежен и прохладен,
□□Тёмен мрак ночной.
□□Только звёзд узоры,
Да вдали кой-где огни
Различают смутно взоры.
□□Грусть моя, усни!
□□Вся обычность скрыта,
Тьмою скрыты все черты.
Ночь – безмолвная защита
□□Мне от суеты.
□□Кто-то близко ходит,
Кто-то нежно стережёт,
Чутких глаз с меня не сводит,
□□Но не подойдёт.
«Чернеет лес по берегам...»
Чернеет лес по берегам.
Один сию я в челноке,
И к неизвестным берегам
Я устремляюсь по реке.
На небе ясная луна,
А на реке туман встаёт.
Сияет ясная луна,
И кто-то за лесом поёт.
О, ночь, единственная ночь!
Успокоительная сень!
Как пережить мне эту ночь?
К чему мне свет? К чему мне день?
«Мы скучной дорогою шли...»
Мы скучной дорогою шли
□□По чахлой равнине.
Уныло звучали шаги
□□На высохшей глине,
А рядом печально росли
□□Берёзки на кочках.
Природа больная! Солги
□□В колосьях, в цветочках.
Обмана мы жаждем и ждём,
□□Мы жаждем обмана.
Мы рвёмся душой к небесам
□□Из царства тумана.
Мы скучной дорогой идём
□□Вдоль скудного поля.
Томительно грезится нам
□□Далёкая воля.
«Ты ко мне приходила не раз...»
Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час,
И всегда утешала меня.
Ты мою отгоняла печаль,
И вела меня в ясную даль,
Тишиной и мечтой осеня.
И мы шли по широким полям,
И цветы улыбались нам,
И, смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас – потерянный рай,
Что я светлый и радостный май,
И что ты – молодая весна.
«О, жизнь моя без хлеба...»
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
Иду. Смеётся небо,
Ликует в небе Бог.
Иду в широком поле,
В уныньи тёмных роц,
На всей на вольной воле,
Хоть бледен я и тощ.
Цветут, благоухают
Кругом цветы в полях,

И тучки тихо тают
На ясных небесах.
Хоть мне ничто не мило,
Всё душу веселит.
Близка моя могила,
Но это не страшит.
Иду. Смеётся небо,
Ликует в небе Бог.
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!

«Камыш качается...»
Камыш качается,
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.
Едва колыхнется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несёт мне весть,
Что подвиг сладостный
И светлый есть.

На небе чистая
Моя звезда
Зажглась лучистая,
Горит всегда,
И сны чудесные
На той звезде, –
И сны небесные
Со мной везде.
«Он шёл путём зелёным...»
Он шёл путём зелёным
В неведомую даль.
За ним с протяжным стоном
Влеклась его печаль,
Цеплялась за одежду,
Хотела удержать,
Последнюю надежду
Старалась отогнать.
Но тихие лампы
Архангелы зажгли,
Суля ему отрады
В неведомой дали.
И нежное дыханье
В безрадостную тьму
Блаженное мечтанье
Навевало ему.

«Ты ничего не говорила...»
Ты ничего не говорила, –
Но уж и то мне был укор.
К смиренным травам ты склонила
Твоё лицо и кроткий взор,
И от меня ушла неспешно,
Вдыхая слабый запах трав.
Твоя печаль была безгрешна,
И тихий путь твой не лукав.

«Своеволием рока...»
□□Своеволием рока
Мы на разных путях бытия, –
□□Я – печальное око,
Ты – весёлая резвость ручья;
□□Я – томление злое,
Ты – прохладная влага в полях,

□□Мы воистину двое,
Мы на разных, далеких путях.
□□Но в безмолвии ночи,
К единению думы склоняя,
□□Ты закрой свои очи,
Позабудь наваждения дня, –
□□И в блаженном молчаньи
Ты постигнешь закон бытия, –
□□Всё едино в созданыи,
Где сознанью возникнуть, там я.
«Под звучными волнами...»
Под звучными волнами
Полночной темноты
Далёкими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветёт любовь моя,
И счастья земного
Как прежде жажду я.
Но песней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцелуя
Томительно таю.
Обвеянный прохладой
В немом её саду
За низкую оградой
Тихохонько иду.
Глухих ищу тропинок,
Где травы проросли, –
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И песни не пою,
Но сердцем призываю
Желанную мою.
И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.
Глаза её тоскуя
Во тьму мою глядят.
В ночи её бессонной
Внезапные мечты, –
В косе незаплетённой
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять её не смею,
Таю любовь мою.
«Опять заря смеяться стала...»
Опять заря смеяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свежей зелени роса.
Ты гордый стыд преодолела,
Ты победила сонм тревог,
И пышных платьев не надела,
И не обула нежных ног.
Конец исканиям мятежным.
Один лишь путь, смиренный – прав.
К твоим ногам, в лобзаныи нежном,
Приникли стебли тихих трав.
И свежесть утренней прохлады
Тебя лаская обняла.
Цветы душисты, птицы рады,
Душа свободна и смела.
«Вдали от скованных дорог...»
Вдали от скованных дорог,
□□В сиянии заката,
Прикосновеньем нежным ног

□□Трава едва примята.
Прохлада веет от реки
□□На знойные ланиты, –
и обе стройные руки
□□Бестрепетно открыты.
И разве есть в полях цветы,
□□И на небе сиянье?
Улыбки, шёпот, и мечты,
□□И тихое лобзание.
«Прозрачный сок смолистый...»
Прозрачный сок смолистый,
Застывший на коре.
Пронизан воздух мгlistый
Мечтаньем о заре.
Скамейка у забора,
Далёкий плеск реки.
Расстаться надо скоро...
Пожатие руки...
Ты скрылась в тень густую
В замолкнувшем саду.
Гляжу во мглу ночную,
Один в полях иду.
Застенчивой весною,
Стыдяся белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.
Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханьи вешних чар,
И в поле ты, босая, –
В платочке голова, –
Пойдёшь, цветкам бросая
Весёлые слова.
«Любовью лёгкою играя...»
Любовью лёгкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем Божий рай.
Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.
С тобою на лугу несмятом
Целуясь в тени берёз,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.
Резвей весёлого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко, звонко,
Как не лепечет и ручей.
Любовью лёгкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край,
И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла
Ты к светлой чаше подставляла
И пену сладкую лила,
Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.
И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!
«Близ одинокой избушки...»

Близ одинокой избушки
Молча глядим в небеса.
Глупые стонут лягушки,
Мочит нам платье роса.
Все отсырели дороги, –
Ты не боишься ничуть,
И загорелые ноги
Так и не хочешь обуть.
Сердце торопится биться, –
Твой ожидающий взгляд
Рад бы ко мне обратиться, –
я ожиданию рад.
«Прохладная забава...»
Прохладная забава, –
Скамейка челнока,
Зелёная дубрава,
Весёлая река.
В простой наряд одета,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лето
Улыбкою хваля.
Я тихо подымаю
Два лёгкие весла.
Твои мечты я знаю, –
Душа твоя светла.
Ты слышишь в лепетаньи
Прозрачных, тихих струй
Безгрешное мечтанье,
Невинный поцелуй.
«Тропинка вьётся...»
□□Тропинка вьётся,
□□Река близка,
И чья-то песня раздаётся
□□Издадека.
□□Из-за тумана
□□Струясь, горя,
Восходит медленно и рано
□□Моя заря.
□□И над рекою
□□Проходишь ты.
Цветут над мутной глубиною
□□Твои мечты.
□□И нет печали,
□□И злых тревог, –
Росинки смехом задрожали
□□У милых ног.
«По жестоким путям бытия...»
По жестоким путям бытия
Я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа – моя,
Для меня наряжается мир.
Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запылённые ноги мои.
И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.
«Прошли пред вами времена...»
Прошли пред вами времена,
Свершились знаменья и сроки,
И начертали письмена
На свитках пламенных пророки.
И в довершенье чудесам
Страданья подвига подъямлю,
И, человеком ставши, сам
Пришёл на стынущую землю

Святые зерна божества
Вложить в двусмысленные речи,
Открыть законы единства
И тождества противоречий.
Освобождая от греха,
От лютых кар несовершенства,
Я в звоне каждого стиха
Дарю вам радуги блаженства.
«Путь мой трудный, путь мой длинный...»
Путь мой трудный, путь мой длинный.
Я один в стране пустынной,
Но услады есть в пути,
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.
Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поёт мне ветер вольный
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.
«Околдовал я всю природу...»
Околдовал я всю природу,
И оковал я каждый миг.
Какую страшную свободу
Я, чародействуя, постиг!
И развернулась без предела
Моя предвечная вина,
И далеко простёрлось тело,
И так разверзлась глубина!
Возвав к первоначальной силе,
Я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам.
«День сгорал, недужно бледный...»
День сгорал, недужно бледный
□□И безумно чуждый мне.
Я томился и метался
□□В безнадежной тишине.
Я не знал иного счастья, –
□□Стать недвижимым, лечь в гробу.
За метанья жизни пленной
□□Клял я злобную судьбу.
Жизнь меня дразнила тупо,
□□Возвещая тайну зла:
Вся она, в гореньи трупа,
□□Мной замышлена была.
Это я из бездны мрачной
□□Вихри знойные воззвал,
И себя цепями жизни
□□Для чего-то оковал.
И среди немых раздолий,
□□Где царил седой Хаос,
Это Я своею волей
□□Жизнь к сознанию вознёс.
«В долгих муках разлученья...»
В долгих муках разлученья
Отвергаешь ты меня,
Забываешь час творенья,
Злою карою забвенья
День мечтательный казня.
Что же, злое, злое чадо,
Ты ко мне не подойдешь?
Или жизни ты не радо?
Или множества не надо,
И отдельность – только ложь?
Не для прихоти мгновенной
Я извёл тебя из тьмы,

Чтобы в день, теперь забвенный,
Но когда-то столь блаженный,
Насладились жизнью мы.
В беспредельности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушёл я от творенья,
Поднял бремя воплощенья,
Стал таким же, как и ты.
«Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч...»
Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч, –
Мы не ждали, не гадали, не искали на земле и в небе встреч.
Обагрив землю кровью, мы любовью возрастили те цветы,
Где сверкало, угрожая, злое жало безнадёжной красоты.
И в пустынях терпеливых нами созданной земли
В напряжении мечтанья и желанья вдруг друг друга мы нашли,
Для печали и для боли, для безумия, для гроз...
Торжество безмерной Воли, это Я тебя вознёс.
«На гибельной дороге...»
На гибельной дороге
Последним злом греша,
В томительной тревоге
Горит Моя душа.
Святое озаренье
Унылых этих мест,
Сияло утешенье,
Яснейшая из звёзд.
Но, чары расторгая
Кругом обставших сил,
Тебя, надежда рая,
Я дерзко погасил.
И вот – подьёмлю стоны,
Но подвиг Мой свершу:
Бессмертные законы
Бесстрастно напишу.
Творенья не покину,
Но, всё ко Мне склоня,
Дам заповедь едину:
Люби, люби Меня.
Венчан венцом терновым,
Несметные пути
Воздвигну словом новым,
Но всё – ко Мне идти.
Настал конец утехам,
Страдать и Мне пора, –
Гремят безумным смехом
Долина и гора.
Но заповедь едину
Бесстрастно Я простёр
На темную долину,
На выси гордых гор.
«Он не знает, но хочет...»
Он не знает, но хочет, –
Оттого возрастает, цветёт,
Ароматные сладости точит,
И покорно умрёт.
Он не знает, но хочет.
Непреклонная воля
Родилась во тьме.
Только выбрана доля –
Та иль эта – в уме,
Но темна непреклонная воля.
Умереть или жить,
Расцвести ль, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли,
Всё равно – умереть или жить.
«Мой ландыш белый вянет...»
Мой ландыш белый вянет,

Но его смерть не больная.
Его ничто не обманет,
Потому что он хочет не зная,
И чего хочет, то будет,
Чего не будет, не надо.
Ничто его не принудит,
И увяданье ему отрада.
Единая Воля повсюду,
И к чему мои размышленья?
Надо поверить чуду
Единого в мире хотенья.
«И я возник из бездны дикой...»
И я возник из бездны дикой,
□□И вот цвету,
И созидаю мир великий, –
□□Мою мечту.
А то, что раньше возникало, –
□□Иные сны, –
Не в них ли кроется начало
□□Моей весны?
Моя мечта – и все пространства,
□□И все чреды,
Весь мир – одно моё убранство,
□□Мои следы.
И если ныне в бедном теле
□□Так тесно мне, –
Утешусь я в ином пределе,
□□В иной стране.
«В последнем свете злого дня...»
В последнем свете злого дня,
В паденьи сил, в затменьи Бога,
Перед тобой Моя дорога.
Приди ко Мне, люби Меня.
В мирах всё призрачно и тленно,
Но вот я заповедь даю,
Она вовеки неизменна:
Люби Меня и жизнь Мою.
Я – всё во всём, и нет Иного.
Во Мне родник живого дня.
Во тьме томления земного
Я – верный путь. Люби Меня.
«То не слёзы, – только росы, только дождь...»
То не слёзы, – только росы, только дождь,
Не раздумье, – только тени тёмных рощ,
И не радость, – только блещет яркий змей, –
Всё же плакать и смеяться ты умеи!
Плоть и в свете неподвижна и темна,
Над огнями бездыханна, холодна.
В тёмном мире неживого бытия
Жизнь живая, солнце мира – только я.
«Не говори, что здесь свобода...»
Не говори, что здесь свобода,
И не хули моих вериг, –
И над тобою, мать-природа,
Мои законы Я воздвиг.
Я начертал мои законы
На каждом камне и стволе.
Звени, ручей, лобзая склоны,
Влачись по низменной земле.
Ласкайся к змею золотому,
Прозрачный пар, стремися ввысь,
Но к лону тёмному, земному
В свой срок послушно воротись.
Простора нет для своеволия, –
В свой срок и птицам, и цветам
Я, жизнь им давший и раздолья,
В земле успокоенье дам.
«Нет, не одно только горе...»

Нет, не одно только горе, –
Есть же на свете
Алые розы и зори,
И беззаботные дети.
Пусть в небесах догорают
□□Зори так скоро,
Пусть наши розы роняют
□□Скоро уборы,
Пусть омрачаются рано
Властию зла и обмана
Детские взоры, –
Розы, и зори, и дети
Будут на пасмурном свете.
«Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?...»
Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?
Дивные и мудрые книги,
таинственные очарования музыки,
умилительные молитвы,
невинные, милые детские лица,
сладостные благоухания,
и звёзды, – недоступные, ясные звёзды!
О, фрагменты счастья, не взял ли я вас от жизни!
Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?
Ты жалуешься:
«Кратким,
и более горьким, чем сладким,
обманом промчалась жизнь,
и её нет».
Успокойся, сердце мое, замолчи.
Твои биения меня утомили.
И уже воля моя отходит от меня.
«Белый мой цветок, таинственно-прекрасный...»
Белый мой цветок, таинственно-прекрасный,
Из моей земли, из чёрной ты возник,
На меня глядишь ты, нежный и безгласный,
И понятен мне безмолвный твой язык.
Ты возник из тьмы, моей мечте навстречу,
Ты зовёшь туда, откуда вышел ты, –
Я твоим вещаньям не противоречу,
К твоему дыханью наклонив мечты.
«Хмельный, ельный запах смол...»
Хмельный, ельный запах смол
На дорогу вновь прольётся.
Снова небу тихий дол
Безмятежно улыбнётся.
Там, где берег над рекой
Обовьётся полукругом,
Я пройду с моей тоской
Над росистым, мгlistым лугом.
Я прильну к земле опять
В равнодушии усталом
Хоть немного помечтать
О нездешнем, небывалом,
И Божественная Мать
С лёгким, белым покрывалом
Мне подарит снова сны
Утешающей весны.
Елисавета
Елисавета, Елисавета,
□□Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
□□Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
□□На страстный зов.
В стране далёкой Елисавета,
□□В стране отцов.
Её могила, её могила
□□В краю ином.

Она скончалась. Её могила –
□□Ревнивый дом.
Победа смерти не победила
□□Любви моей.
Сильна могила, её могила. –
□□Любовь сильней.
Елисавета, Елисавета,
□□Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
□□Я весь в огне
Слова завета, слова завета
□□Не нам забыть.
С тобою вместе, Елисавета,
□□Нам надо быть.
Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
□□Пора пришла.
Земное злое растает бремя,
□□Как сон, как мгла.
Земное бремя, – пространство, время
□□Мгновенный дым.
Земное, злое расторгнем бремя,
□□И победим!
Елисавета, Елисавета,
□□Приди ко мне.
Я умираю, Елисавета,
□□Я весь в огне.
Тебя я встречу в блистаньи света,
□□Любовь моя.
Мы будем вместе, Елисавета,
□□И ты, и я.
«Поёт печальный голос...»
Поёт печальный голос
Про тишину ночную,
Глядит небесный лебедь
На линию земную.
На ней роса мерцает
От четырёх озёр.
В лазоревое море
Она подьметлет взор.
Поёт печальный голос
О чём-то непонятном.
Пред смертью ль горний лебедь.
В пути ли невозвратном?
Она в печали нежной,
Она как снег бела,
Её волна колышет,
Её лелеет мгла.
«Чиста любовь моя...»
□□Чиста любовь моя,
□□Как ясных звёзд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье
□□Люблю одну тебя,
□□Неведомая дева,
Невинной страсти не губя
Позором ревности и гнева.
□□И знаю я, что здесь
□□Не быть с тобою встрече:
Твоя украшенная весь
От здешних тёмных мест далече.
□□А мой удел земной –
□□В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.
«В мерцаньи звёзд нисходит на меня...»
В мерцаньи звёзд нисходит на меня
Иных, нездешних дум святое обаянье.
Благословляю ночь за кроткое мерцанье

□□Небесного огня.

□□Мянутся там иные поколенья,
Но воля их и жизнь их нашей не чужда,
И где-то между них горит моя звезда

□□Заветом возрожденья.

□□Всё то, к чему в земной холодной мгле
Стремился долго я, стремился безнадежно,
Всё светит мне теперь так радостно и нежно

□□На той святой земле.

□□Подъемятся внимательные взоры
И там, как здесь мои, к далёким небесам,
И тайну дивную вещают также там

□□Бесстрастных звёзд узоры.

□□И к тем очам нисходит мой привет,
Моей земной души чистейшее дыханье,
Благословляю ночь за кроткое мерцанье,

□□За безмятежный свет.

«Я к ней пришел издалека...»

Я к ней пришел издалека.

□□Окрест, в полях, прохлада.

И будет смерть моя легка

□□И слаще яда.

Я взоры тёмные склонил.

□□В траву роса упала.

Ещё дышу. Так мало сил.

□□Так жизни мало.

Туман восходит, – и она

□□Идёт, так тихо, в поле.

Поёт, – мне песнь её слышна, –

□□Поёт о воле.

Пришёл. Она ко мне близка.

□□В её очах отрада.

И смерть в руке её легка

□□И слаще яда.

«Я влюблён в мою игру...»

Я влюблён в мою игру.

Я играя сам сгораю,

И безумно умираю,

И умру, совсем умру.

Умираю от страданий,

Весь измученный игрой,

Чтобы новою зарёй

Вывести новый рой созданий.

Снова будут небеса, –

Не такие же, как ваши, –

Но опять из полной чаши

Я рассею чудеса.

«Невинный цвет и грешный аромат...»

Невинный цвет и грешный аромат

□□□□□□Левкоя

Пленительным желанием томят

□□□□□□Покоя.

Так сладостно склоняться в полусне

□□□□□□Под тенью

К желанному и радостному мне

□□□□□□Забвенью, –

Простивши всё, что было в жизни злом

□□□□□□И мукой,

Стереть и память даже о былом

□□□□□□Разлукой.

«Живи и верь обманам...»

Живи и верь обманам,

И сказкам и мечтам.

Твоим душевным ранам

Отрадней в них бапъзам.

И жизни переменной

Нектар кипучий пей,

Напиток сладкопенный

желаний и страстей.
За грани жизни дольной
Очей не устремляй,
И мыслью своевольной,
Природы не пытай.
Вещают тайну тени.
Для смелого ума
В них смертные ступени,
Предсказанная тьма.
О, смертный, верь обманам,
И сказкам, и мечте,
Дивись мирским туманам,
Как вечной красоте.
«Мы были праздничные дети...»
Мы были праздничные дети,
□□Сестра и я.
Плела нам радужные сети
□□Коварная Змея.
Стояли мы, играть не смея
□□На празднике весны.
У злого, радостного Змея
□□Отравленные сны
Хоть бедных раковин случайно
□□Набрать бы у ручья, –
Нет, умираем, плача тайно,
□□Сестра и я.
«Настало время чудесам...»
Настало время чудесам.
Великий труд опять подъямлю.
Я создал небеса и землю,
И снова ясный мир создам.
Настало творческое время.
Земное бремя тлеет вновь
Моя мечта, моя любовь
Восставит вновь иное племя.
Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мне опять мою свободу
Для созидания отдай.
«Звёзды, приветствуйте брата!..»
Звёзды, приветствуйте брата!
В вашей блаженной стране
Всё совершится когда-то,
Что б ни пригрезилось мне.
Бездна небес не преграда, –
Всё совершится опять.
Что ж из того, что мне надо
Здесь, на земле, почивать!
В вашей блаженной пустыне
Снова пригрезится мне
Всё, что мне грезится ныне
В этой безумной стране.

Гимны Родине

1

О Русь! В тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
□□О родина моя!
Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.
Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.

Тебе, отчизна, стон и радость,
и безнадёжность, и покой.
Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
□□Слагаю гимны я.

2

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
я не боюсь и не стыжусь.
И все твои пути мне милы,
и пусть грозит безумный путь
и тьмой, и холодом могилы,
я не хочу с него свернуть.
Не заклинаю духа злого,
и, как молитву наизусть,
Твержу всё те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

3

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.
Свобода победы ликует
в чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскует
вдали от родимой земли.
В безумных, в напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.
Рукописные книги стихов
Стихи о милой жизни
«На что мне пышные палаты...»
На что мне пышные палаты
и шёлк изнеженных одежд?
В полях мечты мои крылаты,
Подруги сладостных надежд.
Они летят за мной толпами,
Когда, цветам невинным брат,
я окрылёнными стопами
Иду, куда глаза глядят.
Слагать стихи и верить смело
Тому, кто мне дарует свет,
и разве есть иное дело,
иная цель, иной завет?
«Снова покачнулись томные качели...»
Снова покачнулись томные качели.
Мне легко и сладко, я люблю опять.
Птичььи переклички всюду зазвенели.
Мать-Земля не хочет долго тосковать.
Нежно успокоит в безмятежном лоне
всякое страданье Мать сыра Земля,
и меня утешит на последнем склоне,
Простодушным зельем уберёт поля.
Раскачайтесь выше, зыбкие качели!
Рейте, вейте мимо, радость и печаль!
зацветайте, маки, завивайтесь, хмели!
Ничего не страшно, ничего не жаль.
«Мне боги праведные дали...»
Мне боги праведные дали,
Сойдя с лазоревых высот,
и утомительные дали,
и мёд укрепный дольных сот.
Когда в полях томленье спело,
на нивах жизни всхожий злак,
Мне песню медленную спело

Молчанье, сеющее мак.
Когда в цветы впивалось жало
Одной из медотворных пчёл,
Серпом горящим солнце жало
Созревшие колосья зол.
Когда же солнце засыпало
На ложе облачных углей,
Меня молчанье засыпало
Цветами росными полей,
И вокруг меня ограды стали,
Прозрачней чистого стекла,
Но твёрже закалённой стали,
И только ночь сквозь них текла,
Пьяна медлительными снами,
Колыша ароматный чад.
И ночь, и я, и вместе с нами
Мечтали рои вешних чад.
«В прозрачной тьме прохладный воздух дышит...»
В прозрачной тьме прохладный воздух дышит,
Вода кругом, но берег недалёк,
Вода челнок едва-едва колышет,
И тихо зыблет лёгкий поплавок.
Я – тот, кто рыбу ночью тихо удит
На озере, обласканном луной.
Мне дрозд поёт. С чего распелся? Будит
Его луна? Иль кто-нибудь иной?
Смотрю вокруг. Как весело! Как ясно!
И берег, и вода, – луне и мне
Всё улыбается и всё прекрасно.
Да уж и мне не спеть ли в тишине?
«Только солнце встало...»
Только солнце встало,
Я уже в лесу.
Ландышей немало
Я домой несусь.
Распустились ясно,
Аромат простой.
С ними так согласно,
Что иду босой.
Кто-то шепчет дрожью
Свежего куста:
«Жизнь по слову Божью
Быть должна проста».
Шепчет, тихо вея,
Ветки шевеля:
«Что тебя милее,
Мать сыра Земля?»
Баллада о высоком доме
Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше лучше видны дали,
Выше, ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Вышина нужна орлам.
Лист, ногою смятый, тлеет
На песке, томясь в печали.
Крот на свет взглянуть не смеет,
Звёзды не ему мерцали.
Ты всходи по ступеням,
Слушай радостные вести.
Притаившись в каждой нише,
И к ликующей невесте

Приникай всё ближе, тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.
Сердце к солнцу тяготеет,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину, – там
Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеятся афиши,
Злость припуталась к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам.
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.
Послание:

Поднимай, строитель, крыши
Выше, выше к облакам.
Пусть снуют во мраке мыши,
Высота нужна орлам.
Баллада о милой жизни
Многообразные отравы
Судьба нам в чаши налила,
Но все пути пред нами правы.
Мы любим жуткие забавы,
Пленяют сердце мрак и мгла.
Бредём по диким буеракам,
Напоенным зловещим мраком,
Где только белена бела,
Где притаилися удавы,
Но ожиданья не лукавы,
И жизнь на всех путях мила.
На простодушные муравы
Весна улыбочиво легла.
В прудах колеблются купаваы.
Нисходит лебедь величавый
На глади водного стекла,
И на воде, блестящей лаком,
Круги бегут послушным знаком
Движений белого крыла.
Детей шумливые оравы
Бегут в тенистые дубравы,
И жизнь на всех путях мила.
Соборов золотые главы,
Дворцов гранитные тела,
Вещанья изваянной славы,
А ночью хитрые облавы
И низких замыслов зола, –
Угрюмый город с мутным зраком
Чуть усыплен дремучим маком,
И бред из каждого угла,
И воды с крыш струятся, ржавы,
Но и в болезнях всё ж мы здоровы,
И жизнь на всех путях мила.
Послание:

Мой друг, тоска идёт зевакам,
Приличны лай и вой собакам,
Смешна унылость для орла.
На сорных берегах канавы
Сквозь камень прорастают травы,
И жизнь на всех путях мила.
«В норе темно и мглисто...»
В норе темно и мглисто,
Навис тяжёлый свод,
А под норю чисто

Стремленья горных вод.
Нору мою оставлю,
Построю крепкий дом,
И не простор прославлю,
Не светлый водоём,
Прославлю я ограда,
И крепость новых стен,
И мирные отрады,
И милый сердцу плен.
Тебя, оград строитель,
Прославить надо мне.
Ликующий хранитель,
Живи в моём огне.
Все ночи коротая
В сырой моей норе
И утром насекая
Заметки на коре,
Скитаяся в пустыне,
В пыли дневных дорог,
В безрадостной гордыне
Я сердцем изнемог.
Устал я. Сердцу больно.
Построить дом пора.
Скитаний мне довольно!
Прощай, моя нора!
Хочу я новоселья,
Хочу свободных слов,
Цветов, огней, веселья,
Вина, любви, стихов!
«Под лёгкою мглою тумана...»
Под лёгкою мглою тумана
Теперь обращается в когда-то.
Сладостней нет обмана,
Чем эта сказка заката.
Люди дневные, глядите ж,
Как мерцают золотые главы,
И таинственный город Китеж
В сиянии вечной славы.
Горестна для сердца утрата,
Не хочет оно быть терпеливым,
Но не умерло то, что когда-то
Верным воздвиглось порывом.
Стремитесь во мглистые дали,
Не верьте, что время необратимо, –
В томленьях творческой печали
Минувшее не проходит мимо.
В неисчислимых обителях Бога
Пространство и время безмерно.
Не говорите, что сокровищ там много, –
Там всё сохранилось верно.
«Я испытал превратности судеб...»
Я испытал превратности судеб,
И видел много на земном просторе,
□□Трудом я добывал свой хлеб,
□□И весел был, и мыкал горе.
На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
□□И пусть таящийся во мгле
□□Меня стремительно повержет.
Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, –
□□Мой труд. Иных земных наград
□□Не жду за здешний дикий холод.
Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Пётр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» – меня он вниз
□□Железным посохом не сбросит.
Скажу: «Слагал романы и стихи,

И утешал, но и вводил в соблазны,
□□И вообще мои грехи,
□□Апостол Пётр, многообразны.
Но я – поэт». – И улыбнётся он,
И разорвёт грехов рукописанье.
□□И смело в рай войду, прощён,
□□Внимать святое ликованье,
Не затеряется и голос мой
В хваленьях ангельских, горящих ясно.
□□Земля была моей тюрьмой,
□□Но здесь я прожил не напрасно.
Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
□□В благоуханье райских трав
□□Вольётся благовонным дымом.
Туманы над Волгою
«Туманы над Волгою милой...»
Туманы над Волгою милой
Не спорят с моею мечтой,
И всё, что блистая томило,
За мгlistую никнет чертой.
Туманы над милою Волгой
В забвении тусклых болот
Пророчат мне счастья недолгий,
Но сладостно-ясный полёт.
«Сквозь туман едва заметный...»
Сквозь туман едва заметный
Тихо блещет Кострома,
Словно Китеж, град заветный, –
Храмы, башни, терема.
Кострома – воспоминанья,
Исторические сны,
Легендарные сказанья,
Голос русской старины,
Уголок седого быта,
Новых фабрик и купцов,
Где так много было скрыто
Чистых сил и вещей снов.
В золотых венцах соборов
Кострома, светла, бела,
В дни согласий, в дни раздоров
Былью русскою жила.
Но от этой были славной
Сохранила что она?
Как в Путивле Ярославна,
Ждёт ли верная жена?
«Туман и дождь. Тяжёлый караван...»
Туман и дождь. Тяжёлый караван
Лохматых туч влачится в небе мгlistом.
Лесною гарью воздух горько пьян,
И сладость есть в дыхании смолистом,
И радость есть в уюте прочных стен,
И есть мечта, цветущая стихами.
Печальный час, и ты благословен
Любовью, сладкой памятью и снами.
«Пал на небо серый полог...»
Пал на небо серый полог,
Серый полог на земле.
Путь во мгле безмерно долог.
Долог путь в туманной мгле.
Веет ветер, влажный, нежный,
Влажно-нежный, мне в лицо.
Ах, взошёл бы, безмятежный,
На заветное крыльцо!
Постоял бы у порога,
У порога в светлый дом,
Помечтал бы хоть немного,
Хоть немного под окном,

И вошёл бы, осторожный,
Осторожно в тот приют,
Где с улыбкой бестревожной
Девы мудрые живут!
«Узнаёшь в тумане зыбком...»
Узнаёшь в тумане зыбком
Всё, чем сердце жило прежде,
Возвращаешься к улыбкам
И к мечтательной надежде.
Кто-то в мочки пару серег,
Улыбаясь, продевает
И на милый, светлый берег
Тихой песней призывает
Посидеть на куче брёвен,
Где тихонько плещут волны,
Где песочный берег ровен,
Поглядеть рыбачьи чёлны,
Рассказать, чем сердце жило,
Чем болело и горело,
И кого оно любило,
И чего оно хотело.
Так мечтаешь, хоть недолго,
О далёкой, об отцветшей.
Имя сладостное Волга
Сходно с именем ушедшей.
В тихий день воспоминанья
Так утешны эти дали,
Эти бледные мерцанья,
Эти мгlistые вуали.
Одна любовь
«Снова покачнулись томные качели...»
Снова покачнулись томные качели.
Мне легко и сладко, я люблю опять.
Птички переклички всюду зазвенели.
Мать-Земля не хочет долго тосковать.
Нежно успокоит в безмятежном лоне
Всякое страданье Мать сыра Земля,
И меня утешит на последнем склоне,
Простодушным зельем уберёт поля.
Раскачайтесь выше, зыбкие качели!
Рейте, вейте мимо, радость и печаль!
Зацветайте, маки, завивайтесь, хмели!
Ничего не страшно, ничего не жаль.
«Твоя любовь – тот круг магический...»
Твоя любовь – тот круг магический,
Который нас от жизни отделил.
Живу не прежней механической
Привычкой жить, избытком юных сил.
Осталось мне безмерно малое,
Но каждый атом здесь объят огнём.
Неистошимо неусталое
Пыланье дивное, – мы вместе в нём.
Пойми предел, и устремление,
И мощь вихреобразного огня,
И ты поймёшь, как утомление
Безмерно сильным делает меня.
«Две пламенные вьюги...»
Две пламенные вьюги
В безумстве бытия,
То были две подруги,
Любовь и Смерть моя.
Они кружились обе,
Огонь и дым вия.
Влеклась за ними в злобе
Бессильная змея.
Когда они теснее
Сплетались предо мной,
Душе моей яснее

Являлся мир иной.
Пространств холодных бремя
Свивалось пеленой,
И умирало время
Для жизни неземной.
Разбиты ледяные
Оковы бытия.
В обители иные
Восхищен снова я.
Ликут две подруги,
Любовь и Смерть моя,
Стремительные вьюги
В блаженстве бытия.
«Что мне весна, что радость юга...»
Что мне весна, что радость юга,
Прибой волны, поля, цветы,
□□Когда со мною ты,
□□Прекрасная подруга!
Теплее солнечных лучей
Лучи очей твоих прекрасных,
И поцелуи горячей
Небесных сводов ясных.
«Сквозь вещей сумрак настроений...»
Сквозь вещей сумрак настроений
Ко мне всегда приходишь ты,
И неизбежность повторений
Слагает те же всё черты.
Одно и то же любим вечно,
Одна и та же всё мечта,
Одним стремленьем бесконечно
Душа живая занята,
И радость светлых вдохновений,
С земной сплетаяся мечтой,
Вливает яды настроений
Всё в тот же кубок золотой.
«Грести устали мы, причаляли...»
Грести устали мы, причаляли,
□□И вышли на песок.
Тебя предчувствия печалили,
□□Я был к тебе жесток.
Не верил я в тоску прощания,
□□Телесных полный сил,
Твою печаль, твоё молчание
□□Едва переносил.
Безумный полдень, страстно дышащий,
□□Пьянящий тишину,
И ветер, ветви чуть колышущий
□□И зыблущий волну,
Завесой шаткой, обольстительной
□□Весь мир обволокли,
И грех мне сладок был пленительной
□□Прохладою земли.
«Не весна тебя приветит...»
Не весна тебя приветит,
Не луна тебе осветит
Полуночные мечты.
Не поток тебя ласкает,
Не цветок тебя венчает,
Даришь радость только ты.
Без тебя всё сиротеет,
Не любя, всё каменеет,
Никнут травы и цветы.
Вешний пир им не отрада,
Здесьней неги им не надо,
Жизнь даруешь только ты.
Не судьбе земля покорна,
Лишь в тебе живые зёрна
Безмятежной красоты.

Дочь высокого пыланья,
В ночь земного пребывания
Льёшь святое пламя ты.
«Предвестие отрадной наготы...»
Предвестие отрадной наготы
В твоей улыбке озарённой встречи,
Но мне, усталому, пророчишь ты
Заутра после нег иные речи.
И я скольжу над вьюгой милых ласк
Мечтой, привыкнущей ко всем сплетеньям,
И, не спеша войти в святой Дамаск,
На перекрёстке медлю за куреньем.
Ты подожди, прелестница, меня,
Займись хитро сплетённую косою.
Я в твой приют войду на склоне дня,
Когда поля задремлют под росюю.
А ранним утром мне расскажешь ты,
Смущённая, наивно хмуря брови,
Что предвещают алые цветы,
О чём пророчит знойный голос крови.
«Хотя сердца и ныне бьются верно...»
Хотя сердца и ныне бьются верно,
□□Как у мужей былых времён,
Но на кострах, пылающих безмерно
□□Мы не сжигаем наших жён.
И, мёртвые, мы мудро миром правим:
□□Благословив закон любви,
Мы из могилы Афродите славим:
«Живи, любимая, живи!»
И если здесь, оставленная нами
□□Кольца любви не сбережёт,
И жадными, горящими устами
□□К ночному спутнику прильнёт, –
Не захотим пылающего мщенья,
□□И, жертвенный отвергнув дым,
С улыбкою холодного презренья
□□Нам изменившую простим.
«Приди ты поздно или рано...»
Приди ты поздно или рано,
Всё усложни или упрости
Словами правды иль обмана, –
Ты мне всегда желанный гость.
Люблю твой взор, твою походку
И пожиманье тонких плеч,
Когда в мечтательную лодку
Тебя стремлюсь я увлечь,
Чтобы, качаясь на влаге
Несуществующей волны,
Развивши паруса и флаги,
На остров плыть, где реют сны,
Бессмертно ясные навеки,
Где радость розовых кустов
Глубокие питают реки
Среди высоких берегов,
Где весело смеются дети,
Тела невинно обнажа,
Цветами украшая эти
Твои чертоги, госпожа.
«Бессмертную любовью любит...»
Бессмертную любовью любит
И не разлюбит только тот,
Кто страстью радости не губит,
Кто к звёздам сердце вознесёт,
Кто до могилы пламенеет, –
Здесь на земле любить умеет
Один безумец Дон-Кихот.
Он видит грубую Альдонсу,
Но что ему звериный пот,

Который к благодному солнцу
Труды земные вознесёт!
Пылая пламенем безмерным,
Один он любит сердцем верным,
Безумец бедный, Дон-Кихот.
Преображает в Дульцинею
Он деву будничных работ
И, преклоняясь перед нею,
Ей гимны сладкие поёт.
Что юный жар любви мгновенной
Перед твоею неизменной
Любовью, старый Дон-Кихот!
«С неистощённой радостью проснусь...»
С неистощённой радостью проснусь,
□□И стану снова ясно-молод,
□□И ты забудешь долгий холод,
Когда к недолгой жизни я вернусь.
□□Целуя милое лицо
Для счастья вновь ожившими устами,
Тебя потешу зыбкими мечтами,
□□Сплетя их в светлое кольцо.
Небо голубое
И это небо голубое,
И эта выпренная тишь!
И кажется, – дитя ночное,
К земле стремительно летишь,
И радостные взоры клонишь
На безнадёжную юдоль,
Где так мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.
А всё-таки стремиться надо,
И в нетерпении дрожать.
Не могут струи водопада
Свой бег над бездной задержать,
Не может солнце стать незрячим,
Не расточать своих лучей,
Чтобы, рождённое горячим,
Всё становиться горячеей.
Порыв, стремленье, лихорадка, –
Закон рождённых солнцем сил.
Пролей же в землю без остатка
Всё, что от неба получил.
«Для тебя, ликующего Феба...»
Для тебя, ликующего Феба,
Ясны начертанья звёздных рун.
Светлый бог! Ты знаешь тайны неба,
Движешь солнцы солнц и луны лун.
Что тебе вся жизнь и всё томленье
На одной из зыблемых земель!
Но и мне ты даришь вдохновенье.
Завиваешь вакхов буйный хмель,
И мечтой нетленной озлатило
Пыльный прах на медленных путях
Солнце, лучезарное светило.
Искра ясная в твоих кудрях.
От тебя, стремительного бога,
Убегают, тая, силы зла,
И твоя горит во мне тревога.
Я – твоя пернатая стрела.
Мне ты, Феб, какую цель наметил,
Как мне знать, и как мне разгадать!
Но тобою быстрый лёт мой светел,
И не мне от страха трепетать.
Пронесусь над косными путями.
Прозвучу, как горняя свирель,
Просияю зоркими лучами,
И вонжусь в намеченную цель.
«В ясном небе – светлый Бог Отец...»

В ясном небе – светлый Бог Отец,
Здесь со мной – Земля, святая Мать.
Аполлон скуёт для них венец,
Вакх их станет хмелем осыпать.
Вечная качается качель,
То светло мне, то опять темно.
Что сильнее, Вакхов тёмный хмель,
Или Аполлоново вино?
Или тот, кто сеет алый мак,
Правду вечную один хранит?
Милый Зевс, подай мне верный знак,
Мать, прими меня под крепкий щит.
«Пробегают грустные, но милые картины...»
Пробегают грустные, но милые картины,
Сотни раз увиденный аксаковский пейзаж.
□□Ах, на свете всё из той же самой глины,
□□И природа здесь всегда одна и та ж!
Может быть, скучает сердце в смене повторений,
Только что же наша скука? Пусть печалит, пусть!
□□Каждый день кидает солнце сети теней,
□□И на розовом закате тишь и грусть.
Вместе с жизнью всю её докучность я приемлю,
Эти речки и просёлки я навек избрал,
□□И ликует сердце, оттого что в землю
□□Солнце вновь вонзилось миллионом жал.
«Ты хочешь, девочка луна...»
Ты хочешь, девочка луна,
Идущая с крутого неба
Отведать горного вина
И нашего земного хлеба.
Одежды золотая сеть
Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твоё медлительное тело.
Вкусив таинственную смесь
Того, что в непонятном споре
Разделено навеки здесь,
Поёшь ты в благодатном хоре.
Твой голос внятен только мне,
И, опустив глаза, я внемлю,
Как ты ласкаешь в тишине
Мечтательною песней землю.
«Только мы вдвоём не спали...»
Только мы вдвоём не спали,
Я и бледная луна.
Я был тёмен от печали,
А луна была ясна.
И луна, таясь, играя
Сказкой в зыблемой пыли,
Долго медлила у края
Тьмою дышащей земли.
Но, восторгом опьянённый,
Я взметнул мою луну
От земли, в неё влюблённой,
Высоко на крутизну.
Что порочно, что безгрешно,
Вместе всё луна сплела, –
Стала ночь моя утешна,
И печаль моя – светла.
«Ветер наш разгульный...»
Ветер наш разгульный,
Ветер наш земной,
Песни богохульной
Надо мной не пой.
Кто подобен ветру,
Тот потупит взгляд.
Стих покорен метру,
Сердце бьётся в лад.

Правит нашим миром
Светлый Аполлон.
Сердцу, песням, лирам
Жизнь дарует он.
Все земные доли
Он из солнца льёт.
Он и ветру в поле
Указал полёт.
Ветер, ветер вольный,
Вождь летучих туч,
Ты не силой дольной
Волен и могуч.
«Улыбались, зеленея мило, сосенки...»
Улыбались, зеленея мило, сосенки,
□□Октябрю и Покрову,
□□А печальные березыньки
Весь убор сронили в ржавую траву.
Ах, зелёные, весёлые бессмертники,
□□Позавидую ли вам?
□□Разве листья-кратколетники
Наклонять не слаще к свежим муравам?
И не слаще ль вместе с нашей тёмной матерью
□□Умирать и воскресать?
□□Разве сердцу не отраднее
О былом, о вешнем втайне помечтать?
«На всё твоё ликующее лето...»
На всё твоё ликующее лето
Ложилась тень осенних перемен,
И не было печальнее предмета,
Чем ожидаемый подснежный плен.
Но вот земля покрылась хрупким снегом,
Покорны реки оковавшим льдам,
И вновь часы земные зыбким бегом
Весенний рай пророчествуют нам.
А зимний холод? Сил восстановитель.
Как нектар, полной грудью воздух пей.
А снежный плен? Засеянных полей
Он – верный друг, он – жизни их хранитель.
«Кукушка кукует...»
□□Кукушка кукует.
Забавится сердце приметам.
□□Весна поцелует
Устами, едва разогретыми,
□□Лесные опушки
Цветеньем мечты обнесёт, –
□□К чему же кукушки
Протяжный, медлительный счёт?
□□Зарёю вечерней
Поёт соловей, заливаётся.
□□Душа суеверней.
Светло и отрадно мечтается.
□□Нездешняя радость
Наполнила даль бытия.
□□К чему ж эта сладость
В призывной тоске соловья?
«Не знаю лучшей доли...»
Не знаю лучшей доли, –
С сумою, с посошком
Идти в широком поле
Неспешно босиком.
Вздыхают томно травы
В канавках вдоль дорог.
Бесшумные дубравы
Не ведают тревог.
Не спорит здесь с мечтами,
Не шепчет злую быль
Под голыми ногами
Податливая пыль.

В истоме знойной лени
Даря мне холодок,
Целует мне колени
Прозрачный ручеёк.
И струями омытым
Ногам не страшен жар,
И никнет к ним, открытым
Всем ветеркам, загар.
Легки и звонко-зыбки,
Стихи в душе звенят,
Как ландышей улыбки,
Как томный запах мят.
И всем я чужд отравам,
Когда иду босой
По придорожным травам,
Обрызганным росой.
«Упоённый смуглой наготою...»
Упоённый смуглой наготою
И безмерной радостью горя,
Из фонтана чашей золотую
Черпал воду юный сын царя,
И устами, алыми, как зори,
Лобызая влажные края,
Он смотрел в лазоревое море,
Где смеялась мудрая змея.
А на тело, девственно-нагое,
Любовалась томная земля,
Лёгкой ласки в полуденном зное
И невинной радости моля,
Чтоб он вышел на её дороги,
Солнечное милое дитя,
Хрупкой травкой о нагие ноги
С безмятежным смехом шелестя.
Чары слова
Канон бесстрастия
Поэт, ты должен быть бесстрастным,
Как вечно справедливый Бог,
Чтобы не стать рабом напрасных,
Ожесточающих тревог.
Воспой какую хочешь долю,
Но будь ко всем равно суров.
Одну любовь тебе позволю,
Любовь к сплетению верных слов.
Одною этой страстью занят,
Работай, зная наперёд,
Что жала слов больнее ранят,
Чем жала пчёл, дающих мёд.
И муки, и услады слова, –
В них вся безмерность бытия.
Не надо счастья иного.
Вот круг, и в нём вся жизнь твоя.
Что стоны плачущих безмерно
Осиротелых матерей?
Чтоб слово прозвучало верно,
И гнев, и скорбь в себе убей.
Любить, надеяться и верить?
Сквозь дым страстей смотреть на свет?
Иными мерами измерить
Всё в жизни должен ты, поэт.
Заставь заплакать, засмеяться,
Но сам не смейся и не плачь.
Суда бессмертного бояться
Должны и жертва, и палач.
Всё ясно только в мире слова,
Вся в слове истина дана,
Всё остальное – бред земного,
Бесследно тающего сна.
«Душа моя, благослови...»

Душа моя, благослови
И упоительную нежность,
И раскалённую мятежность,
И дерзновения любви.
К чему тебя влечёт наш гений,
Твори и в самый тёмный день,
Пронзая жуть, и темь, и тень
Сияньем светлых вдохновений.
Времён иных не ожидай, –
Иных времён и я не стою, –
И легкокрылою мечтою
Уродства жизни побеждай.
«Оттого так прост и ясен...»
Оттого так прост и ясен
Ваш состав, мои стихи,
Что слагались вы сами,
А не я вас сочинял.
Верен путь мой иль напрасен,
От вехи и до вехи,
О стихи мои, меж вами
Трудный путь я пролагал.
Посмеётся гордый ясен
Над нестройностью ольхи, –
Я, стихи, утешен вами,
Вас векам я завещал.
Мой закат, багров и красен,
На седые ляжет мхи, –
Ваш восток пылает снами,
Переливно-синь и ал.
«Стихи, умеете вы литься...»
Стихи, умеете вы литься,
Как слёзы в трогательный час.
Кто не хотел молиться,
Тот не постигнет вас.
Приноситесь нежданно,
Утешите скользья,
Порой звучите странно,
Но вас забыть нельзя.
Вам ведомы очарованья,
Каких не знает точность слов,
И жуткость волхвованья,
И трепет сладких снов.
Как ни горю мечтами,
Слагать вас не могу.
Слагаетесь вы сами
На вечном берегу.
Там солнце пламенно пылает,
Цветы нетленные там есть.
Оттуда долетает
И к нам святая весть.
«Знойно туманится день...»
Знойно туманится день,
Гарью от леса несёт,
Тучи лиловая тень
Тихо над Волгой ползёт.
Знойное буйство, продлись!
Длись, верховный пожар!
Чаша земная, курись
Неистошимо чар!
Огненным зноем живу,
Пламенной песней горю,
Музыкой слова зову
Я бирюзу к янтарю.
Тлей и алей, синева,
В буйном кружении вьюг!
Я собираю слова,
Как изумруд и жемчуг.
«Птичка низко над рекою...»

Птичка низко над рекою
Пронеслась, крылом задела
Всколыхнувшуюся воду
И лазурную стезёю
Снова быстро полетела
На простор и на свободу.
Ветер вольный, быстролётный
На дороге взвевял пылью,
Всколыхнул кусты и воду
И помчался, беззаботный,
Над земною скучной былью
На простор и на свободу.
Людам песенку сложил я,
Словно лодочку столкнул я
С отмели песочной в воду,
И о песне позабыл я,
И опять мечте шепнул я:
«На простор и на свободу!»
«Трое ко мне устремились...»
Трое ко мне устремились,
Трое искали меня,
Трое во мне закружились,
Пламенной вьюгой звеня, –
Ветер, дающий дыханье,
Молния, радость очей,
Облачный гром, громыханье
Вещих небесных речей.
Вихорь, восставший из праха
В устали томных дорог,
Все наваждения страха
В буйных тревогах я сжёг.
В огненной страсти – услада,
Небо – ликующий храм,
Дни – сожигаемый ладан,
Песня – живой фимиам.
«Если замолкнет хотя на минуту...»
Если замолкнет хотя на минуту
□□Милая песня моя,
Я погружаюсь в сонную смуту,
□□Горек мне бред бытия.
Стонет душа, как в аду Евридика.
□□Где же ты, где же, Орфей?
Сумрачна Лета, и каркает дико
□□Ворон зловещий над ней.
Всё отгорело. Не надо, не надо
□□Жизни и страсти земной!
Есть Евридике одна лишь отрада,
□□Жаждет услады одной.
Стройный напев, вдохновенные звуки
□□Только услышит она, –
Пляшет, подъявля смятенные руки,
□□Радостью упоена.
Вновь пробуждается юная сила
□□Жить, ликовать и любить,
Солнце дневное, ночные светила
□□С равным восторгом хвалить,
Знать, что вовеки светла и нетленна
□□Сладкая прелесть любви.
С песнею жизнь и легка и блаженна.
□□Песня, ликуй и живи!
Милая песня любви и свободы,
□□Песня цветущих полей,
Пей на меня твои ясные воды,
□□Лепетом звучным лелей!
«Я испытал превратности судеб...»
Я испытал превратности судеб,
И видел много на земном просторе,
□□Трудом я добывал свой хлеб,

□□И весел был, и мыкал горе.
На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
□□И пусть таящийся во мгле
□□Меня стремительно повержет.
Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, –
□□Мой труд. Иных земных наград
□□Не жду за здешний дикий холод.
Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Пётр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» – меня он вниз
□□Железным посохом не сбросит.
Скажу: «Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
□□И вообще мои грехи,
□□Апостол Пётр, многообразны.
Но я – поэт». – И улыбнётся он,
И разорвёт грехов рукописанье.
□□И смело в рай войду, прощён,
□□Внимать святое ликованье,
Не затеряется и голос мой
В хваленьях ангельских, горящих ясно.
□□Земля была моей тюрьмой,
□□Но здесь я прожил не напрасно.
Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
□□В благоуханье райских трав
□□Вольётся благовонным дымом.

Кануны

«Тяжёлыми одеждами...»
Тяжёлыми одеждами
Закрыв мечту мою,
Хочу я жить надеждами,
О счастья пою.
Во дни святого счастья
Возникнет над землёй
Великого безвластия
Согласный, вечный строй.
Не будет ни царящего,
Надменного меча,
Ни мстящего, разящего
Безжалостно бича.
В пыли не зашевелится
Вопрос жестокий: чьё?
И в сердце не прицелится
Безумное ружьё.
Поверженными знаками
Потешится шутя
В полях, шумящих злаками,
Весёлое дитя.
«День безумный, день кровавый...»
День безумный, день кровавый
Отгорел и отзвучал.
Не победой, только славой
Он героев увенчал.
Кто-то плачет, одинокий,
Над кровавой грудой тел.
Враг народа, враг жестокий
В битве снова одолел.
Издеваясь над любовью,
Хищный вскормленник могил,
Он святою братской кровью
Щедро землю напоил.
Но в ответ победным крикам
Восстаёт, могуч и яр,
В шуме пламенном и диком
Торжествующий пожар.

Грозно пламя заметалось,
Выметая, словно сор,
Всё, что дерзко возвышалось,
Что сулило нам позор.
В гневном пламени проклятья
Умирает старый мир.
Славьте, други, славьте, братья,
Разрушенья вольный пир!

Жалость

Пришла заплаканная жалость
И у порога стонет вновь:
«Невинных тел святая алость!
Детей играющая кровь!
За гулким взрывом лютой злости
Рыданья детские и стон.
Страшны изломанные кости
И шёпот детский: „Это – сон?“»
Нет, надо мной не властно жало
Твоё, о жалость! Помню ночь,
Когда в застенке умирала
Моя замученная дочь.
Нагаек свист, и визг мучений,
Нагая дочь, и злой палач, –
Всё помню. Жалость, в дни отмщений
У моего окна не плачь!

Парижские песни

I

Раб французский иль германский
Всё несёт такой же гнёт,
Как в былые дни спартанский,
Плетью движимый, илот.
И опять его подруга,
Как раба иных времён,
Бьётся в петлях, сжатых туго,
Для утех рантьерских жён.
Чтоб в театр национальный
Приезжали, в Орéга,
Воры бандою нахальной,
Коротая вечера, –
Чтоб огни иллюминаций
Звали в каждый ресторан
Сволочь пьяную всех наций
И грабителей всех стран, –
Ты во дни святых восстаний
Торжество победы знал
И, у стен надменных зданий,
Умирая, ликовал.
Годы шли, – теперь взгляни же
И пойми хотя на миг,
Кто в Берлине и в Париже
Торжество своё воздвиг.

II

□□Здесь и там вскипают речи,
□□Смех вскипает здесь и там.
□□Матовы нагие плечи
□□Упоённых жизнью дам.
Сколько света, блеска, аромата!
Но кому же этот фимиам?
Это – храм похмелья и разврата,
Храм бесстыдных и продажных дам.
□□Вот летит за парой пара,
□□В жестах отменяя стыд,
□□И румынская гитара
□□Утомительно бренчит.
Скалят зубы пакостные франты,
Тешит их поганая мечта, –
Но придут иные музыканты,
И пойдёт уж музыка не та,

□□И возникнет в дни отмщенья,
□□В окровавленные дни,
□□Злая радость разрушенья,
□□Облечённая в огни.
Все свои тогда свершит угрозы
Тот, который ныне мал и слаб,
И кровавые рассыплет розы
Здесь, на эти камни, буйный раб.
«Тяжёлый и разящий молот...»
Тяжёлый и разящий молот
На ветхий опустился дом.
Надменный свод его расколот,
И разрушенье, словно гром.
Все норы самовластных тайн
Раскрыл ликующий поток,
И если есть меж нами Каин,
Бессилен он и одинок.
И если есть среди нас Иуда,
Бродящий в шорохе осин,
То и над ним всевластно чудо,
И он мучительно один.
Восторгом светлым расторгая
Змеиный ненавистный плен,
Соединенья весть благая
Создаст ограды новых стен.
В соединении – строенье,
Великий подвиг бытия.
К работе бодрой станьте, звенья
Союзов дружеских куя.
Назад зовущим дети Лота
Напомнят горькой соли столп.
Нас ждёт великая работа
И праздник озарённых толп.
И наше новое витийство,
Свободы гордость и оплот,
Не на коварное убийство,
На подвиг творческий зовёт.
Свободе ль трепетать измены?
Дракону злomu время пасть.
Растают брызги мутной пены,
И только правде будет власть!
«Милая мать, ты – Мадонна...»
Милая мать, ты – Мадонна,
А твой сын – младенец Христос.
Учи его умирать без стона,
Учи его страдать без слёз.
Больше ничего от тебя не надо,
Его судьбы ты никогда не поймёшь.
Завидишь сени Гефсиманского сада, –
Сама вонзи себе в сердце нож.
Земле
В блаженном пламени восстанья
Моей тоски не утоля,
Спешу сказать мои желанья
□□Тебе, моя земля.
Производительница хлеба,
Разбей оковы древних меж,
И нас, детей святого неба,
Простором вольности утешь.
Дыханьем бури беспощадной,
Пожаром ярим уничтожь
Заклятья собственности жадной,
Заветов хитрых злую ложь.
Идущего за тяжким плугом
Спаси от долга и от клятв,
И озари его досугом
За торжествами братских жатв.
И засияют светлой волей

Труда и сил твои поля
Во всей безгранности раздолий
□□Твоих, моя земля.
Баллада о высоком доме
Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше лучше видны дали,
Выше, ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Вышина нужна орлам.
Лист, ногою смятый, тлеет
На песке, томясь в печали.
Крот на свет взглянуть не смеет,
Звёзды не ему мерцали.
Ты всходи по ступеням,
Слушай радостные вести.
Притаившись в каждой нише,
И к ликующей невесте
Приникай всё ближе, тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.
Сердце к солнцу тяготеет,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину, – там
Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеятся афиши,
Злость припуталась к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам.
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.
Послание:

Поднимай, строитель, крыши
Выше, выше к облакам.
Пусть снуют во мраке мыши,
Высота нужна орлам.
Heures mélancoliques
«Le jour n'est charmant qu'à sa fin...»
Le jour n'est charmant qu'à sa fin,
Il est calme, le dernier âge.
Croyez bien les paroles sages:
Le jour n'est charmant qu'à sa fin.
Les tumultes vont au matin,
Méchants Sataniques mirages.
Le jour n'est charmant qu'à sa fin,
Il est calme, le dernier âge.
«Quelle joie, presque enfantine...»
Quelle joie, presque enfantine,
Marcher nu-pieds par le chemin,
Bien qu'un sac léger à la main!
Quelle joie, presque enfantine?!
Bien loin de la fierté maligne
Chanter les hymnes au matin.
Quelle joie, presque enfantine,
Marcher nu-pieds par le chemin!
«Tout défeuillé, comme à Paris en hiver...»
Tout défeuillé, comme à Paris en hiver,
Le boulevard s'étend, devant les fenêtres.

Dans un petit café j'écris ces mes vers
Qui sonnent toujours en pénétrant mon être.
Le voudrais bien être loin, tres loin d'ici,
Dans cette ville de sainte Geneviève,
Où j'oublierai tous mes méchants soucis,
Où je découvrirai l'azur de mes rêves,
Où je trouverai la force de t'aimer,
Ma Bussie, ma malheureuse patrie!
Si je ne reviens à toi jamais, jamais,
Tu sera toujours ma douce rêverie.

Suicide Ardent

Dans cette ville où la mort fangeuse règne,
Croyez vous, bleuâtres feux, que je vous craigne?

Je couvrirai mon poêle avec vous, feux,
Quels que vous ayez été rouges ou bleux.
M'arrive-t-il l'aventure malheureuse?
Je murmurerai à soi une berceuse.

Le ne veux pas qu'il fasse chez moi tres froid.

Quant au reste, ce tout est égal pour moi.

«En court vêtement...»

En court vêtement
Nu-pieds et nu-jambes
Faisant mes iambes
Le marche gaîment.
La douce poussière,
Si fine et légère,
Prend mes exacts pas
Que sur cette route
Tres longtemps, sans doute,
On ne verra pas.
Silence, silence!
Même le vent dort.
Seul un soleil d'or
Au ciel se balance.

Утешения

«Бессмертную любовью любит...»

Бессмертную любовью любит
И не разлюбит только тот,
Кто страстью радости не губит,
Кто к звёздам сердце вознесёт,
Кто до могилы пламенеет, –
Здесь на земле любить умеет
Один безумец Дон-Кихот.

Он видит грубую Альдонсу,
Но что ему звериный пот,
Который к благостному солнцу
Труды земные вознесёт!

Пылая пламенем безмерным,
Один он любит сердцем верным,
Безумец бедный, Дон-Кихот.

Преображает в Дульцинею
Он деву будничных работ
И, преклоняясь перед нею,
Ей гимны сладкие поёт.

Что юный жар любви мгновенной
Перед твоею неизменной
Любовью, старый Дон-Кихот!

«Предвестие отрадной наготы...»

Предвестие отрадной наготы
В твоей улыбке озарённой встречи,
Но мне, усталому, пророчишь ты
Завтра после нег иные речи.

И я скольжу над вьюгой милых ласк
Мечтой, привыкнущей ко всем сплетеньям,

И, не спеша войти в святой Дамаск,
На перекрёстке медлю за куреньем.

Ты подожди, прелестница, меня,
Займись хитро сплетённую косою.

Я в твой уют войду на склоне дня,
Когда поля задремлют под росой.
А ранним утром мне расскажешь ты,
Смущённая, наивно хмуря брови,
Что предвещают алые цветы,
О чём пророчит знойный голос крови.
«Хотя сердца и ныне бьются верно...»
Хотя сердца и ныне бьются верно,
□□Как у мужей былых времён,
Но на кострах, пылающих безмерно
□□Мы не сжигаем наших жён.
И, мёртвые, мы мудро миром правим:
□□Благословив закон любви,
Мы из могилы Афродите славим:
«Живи, любимая, живи!»
И если здесь, оставленная нами
□□Кольца любви не сбережёт,
И жадными, горящими устами
□□К ночному спутнику прильнёт, –
Не захотим пылающего мщенья,
□□И, жертвенный отвергнув дым,
С улыбкою холодного презренья
□□Нам изменившую простим.
«Снова покачнулись томные качели...»
Снова покачнулись томные качели.
Мне легко и сладко, я люблю опять.
Птичьи переклички всюду зазвенели.
Мать-Земля не хочет долго тосковать.
Нежно успокоит в безмятежном лоне
Всякое страданье Мать сыра Земля,
И меня утешит на последнем склоне,
Простодушным зельем уберёт поля.
Раскачайтесь выше, зыбкие качели!
Рейте, вейте мимо, радость и печаль!
Зацветайте, маки, завивайтесь, хмели!
Ничего не страшно, ничего не жаль.
«В прозрачной тьме прохладный воздух дышит...»
В прозрачной тьме прохладный воздух дышит,
Вода кругом, но берег недалёк,
Вода челнок едва-едва колышет,
И тихо зыблет лёгкий поплавок.
Я – тот, кто рыбу ночью тихо удит
На озере, обласканном луной.
Мне дрозд поёт. С чего распелся? Будит
Его луна? Иль кто-нибудь Иной?
Смотрю вокруг. Как весело! Как ясно!
И берег, и вода, – луне и мне
Всё улыбается и всё прекрасно.
Да уж и мне не спеть ли в тишине?
«Мне боги праведные дали...»
Мне боги праведные дали,
Сойдя с лазоревых высот,
И утомительные дали,
И мёд укрепный дольных сот.
Когда в полях томленья спело,
На нивах жизни всхожий злак,
Мне песню медленную спело
Молчанье, сеющее мак.
Когда в цветы впивалось жало
Одной из медотворных пчёл,
Серпом горящим солнце жало
Созревшие колосья зол.
Когда же солнце засыпало
На ложе облачных углей,
Меня молчанье засыпало
Цветами росными полей,
И вокруг меня ограды стали,
Прозрачней чистого стекла,

Но твёрже закалённой стали,
И только ночь сквозь них текла,
Пьяна медлительными снами,
Кольша ароматный чад.
И ночь, и я, и вместе с нами
Мечтали рои вешних чад.
«Птичка низко над рекою...»
Птичка низко над рекою
Пронеслась, крылом задела
Всколыхнувшуюся воду
И лазурную стезёю
Снова быстро полетела
На простор и на свободу.
Ветер вольный, быстролётный
На дороге взвевял пылью,
Всколыхнул кусты и воду
И помчался, беззаботный,
Над земною скучной былью
На простор и на свободу.
Людям песенку сложил я,
Словно лодочку столкнул я
С отмели песочной в воду,
И о песне позабыл я,
И опять мечте шепнул я:
«На простор и на свободу!»
«В норе темно и мглисто...»
В норе темно и мглисто,
Навис тяжёлый свод,
А под норю чисто
Стремленье горных вод.
Нору мою оставляю,
Построю крепкий дом,
И не простор прославлю,
Не светлый водоём,
Прославлю я ограды,
И крепость новых стен,
И мирные отрады,
И милый сердцу плен.
Тебя, оград строитель,
Прославить надо мне.
Ликующий хранитель,
Живи в моём огне.
Все ночи коротая
В сырой моей норе
И утром насекая
Заметки на коре,
Скитаяся в пустыне,
В пыли дневных дорог,
В безрадостной гордыне
Я сердцем изнемог.
Устал я. Сердцу больно.
Построить дом пора.
Скитаний мне довольно!
Прощай, моя нора!
Хочу я новоселья,
Хочу свободных слов,
Цветов, огней, веселья,
Вина, любви, стихов!
Баллада о милой жизни
Многообразные отравы
Судьба нам в чаши налила,
Но все пути пред нами правы.
Мы любим жуткие забавы,
Пленяют сердце мрак и мгла.
Бредём по диким буеракам,
Напоенным зловещим мраком,
Где только белена бела,
Где притаилися удавы,

Но ожиданья не лукавы,
И жизнь на всех путях мила.
На простодушные муравы
Весна улыбочиво легла.
В прудах колеблются купаваы.
Нисходит лебедь величавый
На глади водного стекла,
И на воде, блестящей лаком,
Круги бегут послушным знаком
Движений белого крыла.
Детей шумливые оравы
Бегут в тенистые дубравы,
И жизнь на всех путях мила.
Соборов золотые главы,
Дворцов гранитные тела,
Вещанья изваянной славы,
А ночью хитрые облавы
И низких замыслов зола, –
Угрюмый город с мутным зраком
Чуть усыплен дремучим маком,
И бред из каждого угла,
И воды с крыш струятся, ржавы,
Но и в болезнях всё ж мы здоровы,
И жизнь на всех путях мила.
Послание:

Мой друг, тоска идёт зевакам,
Приличны лай и вой собакам,
Смешна унылость для орла.
На сорных берегах канавы
Сквозь камень прорастают травы,
И жизнь на всех путях мила.
«В лунном озарении...»
В лунном озарении,
В росном серебре
Три гадают отрока
На крутой горе.
Красный камень на руку
Положил один, –
Кровь переливается
В глубине долин.
Красный камень на руку
Положил второй, –
Пламя полыхается
В стороне родной.
Красный камень на руку
Третий положил, –
Солнце всходит ясное,
Вестник юных сил.
Странник, пробиравшийся
Ночью на восток,
Вопрошает отроков:
«Кто оставит срок?»
Отвечают отроки:
«Божий человек,
Мечут жребий ангелы,
День, и год, и век.
В землю кровь впитается,
Догорит огонь,
Колесницу вывезет
В небо светлый конь».
Лиза и Колен
«Бойся, дочка, стрел Амура...»
«Бойся, дочка, стрел Амура.
Эти стрелы жал больней.
Он увидит, – ходит дура,
Метит прямо в сердце ей.
Умных девушек не тронет,

далеко их обойдёт,
Только глупых в сети гонит
И к погибели влечёт».
Лиза к матери прижалась,
Слёзы в три ручья лия,
И, краснея, ей призналась:
«Мама, мама, дура я!
Утром в роще повстречала
Я крылатого стрелка
И в испуге побежала
От него, как лань легка.
Поздно он меня заметил,
И уж как он ни летел,
В сердце мне он не уметил
Ни одной из острых стрел,
И когда к моей ограде
Прибежала я, стена,
Он махнул крылом в досаде
И умчался от меня».
«Как мне с коленом быть, скажи, скажи мне, мама...»
Как мне с коленом быть, скажи, скажи мне, мама.
О прелестях любви он шепчет мне упрямо.
□□Колен всегда такой забавный,
□□Так много песен знает он.
□□У нас в селе он самый славный,
□□И знаешь, он в меня влюблён,
И про любовь свою он шепчет мне упрямо.
Что мне сказать ему, ах, посоветуй, мама!
□□Меня встречая у опушки,
□□Он поднимает свой рожок,
□□И кукованию кукушки
□□Он вторит, милый пастушок.
Он про любовь свою всё шепчет мне упрямо...
Но что же делать с ним, скажи, скажи мне, мама.
□□Он говорит: «Люби колена.
□□Душа влюблённая ясна,
□□А время тает, словно пена,
□□И быстро пролетит весна».
Всё про любовь свою он шепчет мне упрямо.
Что мне сказать ему, ах, посоветуй, мама!
□□Он говорит: «Любви утехам
□□Пришла пора. Спеши любить,
□□И бойся беззаботным смехом
□□Мне сердце томное разбить».
Люблю ли я его, – меня он спросит прямо.
Тогда что делать с ним, скажи, скажи мне, мама.
«Вижу, дочь, ты нынче летом...»
«Вижу, дочь, ты нынче летом
От колена без ума,
Но подумай-ка об этом,
Что тебе сулит зима.
У Амура стрелы метки,
Но ещё грозит беда:
Был же аист у соседки,
Не попал бы и сюда». –
«Мама, я не унываю.
Чтобы ту беду избыть,
Я простое средство знаю:
Надо аиста убить.
Что же мне тужить о ране!
Как она ни тяжела,
У Амура есть в колчане
И на аиста стрела».
«Соловей...»
□□Соловей
□□Средь ветвей
Для подружки трели мечет,
□□И ручей

□□Меж камней
Ворожит, журчит, лепечет.
□□Не до сна!
□□Ах! весна
И любовь так сладко ранят.
□□Тишина
□□И луна
Лизу в рощу к другу манят.
Мама спит, –
□□И спешит
Лиза выскочить в окошко,
□□И бежит,
□□И шуршит,
И шуршит песком дорожка.
□□У ручья
□□Соловья
Слушай, милому внимая.
«Жизнь моя!» –
«Я – твоя!»
О, любовь в начале мая!
«Погляди на незабудки...»
Погляди на незабудки,
Милый друг, и не забудь
Нежной песни, звучной дудки,
Вздохов, нам теснивших грудь.
Не забудь, как безмятежно
Улыбался нам Апрель,
Как зарёй запела нежно
В первый раз твоя свирель.
Не забудь о сказках новых,
Что нашептывал нам Май,
И от уст моих вишнёвых
Алых уст не отнимай.
И, когда на дно оврага
Убежишь от зноя ты,
Где накопленная влага
Поит травы и цветы,
Там зашепчут незабудки:
«Не забудь её любви!»
Ты тростник для новой дудки,
Подзывать меня, сорви.
«Не дождь алмазный выпал...»
Не дождь алмазный выпал, –
То радугу рассыпал
Весёлый Май в росу.
Вдыхая воздух чистый,
Я по траве росистой
Мечты мои несусь.
Я не с высоких башен.
Моим ногам не страшен
Твой холодок, роса.
Не нужны мне рубины,
Фиалками долины
Осыпана коса.
Не пышные, простые,
Цветочки полевые,
Но все они в росе,
Как бриллианты, блещут,
Сияют и трепещут
В густой моей косе.
«Дождик, дождик, перестань...»
Дождик, дождик, перестань,
По ветвям не барабань,
От меня не засти света.
Надо мне бежать леском,
Повидаться с пастушком, –
Я же так легко одета.
Пробежать бы мне лесок, –

Близко ходит мой дружок,
Слышу я, – кричит барашек.
Уж давно дружок мой ждёт,
И меня он проведёт
Обсушиться в свой шалашик.
И тогда уж, дождик, лей,
лей, дождинок не жалея, –
Посидеть я с милым рада.
С милым рай и в шалаше.
Свежий хлеб, вода в ковше, –
Так чего же больше надо!
«Лизу милый друг спросил...»
Лизу милый друг спросил:
«Лиза, не было ль оплошки?
Не сеньор ли проходил
По песочной той дорожке?
Не сеньор ли подарил
И цепочку, и серёжки?»
Говорит она: «Колен!
Мой ревнивец, как не стыдно!
Отдала я сердце в плен,
Да ошиблася я, видно.
Ты приносишь мне взамен
То, что слышать мне обидно.
Ревность друга победить
Знаю я простое средство.
Уж скажу я, так и быть:
Старой бабушки наследство
Не даёт мне мать носить.
Это, видишь ли, кокетство.
И надела я тайком
И цепочку, и серёжки,
Чтоб с тобой, моим дружком,
По песочной той дорожке
Тихим, тёплым вечерком
Прогуляться без оплошки.
Не люблю сеньоров я,
Их подарков мне не надо.
Рвать цветочки у ручья,
Днём пасти отцово стадо,
Ночью слушать соловья, –
Вот и вся моя отрада.
На твоих кудрях венки,
У тебя сияют взоры,
Твой пленительный рожок
Будит в рощах птичьи хоры,
я люблю тебя, дружок, –
Так на что мне все сеньоры!»
«За кустами шорох слышен...»
За кустами шорох слышен.
Вышел на берег сеньор.
Губы Лизы краше вишен,
Дня светлее Лизин взор.
Поклонилась Лиза низко
И, потупившись, молчит,
А сеньор подходит близко
И пастушке говорит:
«Вижу я, стоит здесь лодка.
Ты умеешь ли гребсти?
Можешь в лодочке, красотка,
Ты меня перевезти?» –
«С позволенья вашей чести,
я гребсти обучена».
И в ладью садятся вместе,
Он к рулю, к веслу она.
«Хороша, скажу без лести.
Как зовут тебя, мой свет?» –
«С позволенья вашей чести,

Имя мне – Елизабет». –
«Имя славное, без лести.
Кем же взято сердце в плен?» –
«С позволенья вашей чести,
Милый мой – пастух Колен». –
«Где же он? Ушёл к невесте?
Знать, ему ты не нужна». –
«С позволенья вашей чести,
Я – Коленова жена».
Стукнул он о дно ботфортом,
Слышно звяканье шпор.
Наклонившись над бортом,
Призадумался сеньор.
«С позволенья вашей чести,
Я осмелюсь спросить,
Мы причалим в этом месте.
Или дальше надо плыть?» –
«Погулять с тобой приятно,
Но уж вижу – ты верна,
Так вези ж меня обратно
Ты, Коленова жена».
И, прощаясь, лобзает
Лизу прямо в губы он,
И, смеясь, опускает
За её корсаж дублон.
Три отрока
Александре Николаевне Чеботаревской

с сердечным приветом

«В лунном озарении...»
В лунном озарении,
В росном серебре
Три гадают отрока
На крутой горе.
Красный камень на руку
Положил один, –
Кровь переливается
В глубине долин.
Красный камень на руку
Положил второй, –
Пламя полыхается
В стороне родной.
Красный камень на руку
Третий положил, –
Солнце всходит ясное,
Вестник юных сил.
Странник, пробиравшийся
Ночью на восток,
Вопрошает отроков:
«Кто оставит срок?»
Отвечают отроки:
«Божий человек,
Мечут жребий ангелы,
День, и год, и век.
В землю кровь впитается,
Догорит огонь,
Колесницу вывезет
В небо светлый конь».
Госпожа Склока
Имя странное чуть слышу,
Говорит едва дыша,
Словно дождь упал на крышу,
Сором брошенным шурша.
«Я – медлительная Склока».
Знаю, знаю, кто она,
Та, что мучит нас жестоко,

Так угрюма и темна.
«Ждешь ли песни лебединой?»
Жду с надеждой, госпожа.
«Лебедь стонет пред кончиной».
Знаю, знаю, госпожа.
Ворожить и я умею.
Что за мудрость – ворожба!
Если ночью верить смею,
Что мне тёмная судьба!
Пусть приходит, пусть уносит
Всё, чем жизнь моя светла.
Плен душа охотно бросит,
Устремляясь, как стрела.
«Но боишься? Но трепещешь?»
Да, боюсь, госпожа.
«Душу каплями расплещешь».
Знаю, знаю, госпожа.
«Бессмертную любовью любит...»
Бессмертную любовью любит
И не разлюбит только тот,
Кто страстью радости не губит,
Кто к звёздам сердце вознесёт,
Кто до могилы пламенеет, –
Здесь на земле любить умеет
Один безумец Дон-Кихот.
Он видит грубую Альдонсу,
Но что ему звериный пот,
Который к благостному солнцу
Труды земные вознесёт!
Пылая пламенем безмерным,
Один он любит сердцем верным,
Безумец бедный, Дон-Кихот.
Преображает в Дульцинею
Он деву будничных работ
И, преклоняясь перед нею,
Ей гимны сладкие поёт.
Что юный жар любви мгновенной
Перед твоею неизменной
Любовью, старый Дон-Кихот!
Н. Г. Чулковой
Из Элизийской светлой дали
Ваш трогательный мальчик мне
Томленья кроткие печали
Порой приносит в тишине.
Я знаю, что в утрате Вашей
Утешиться Вам не дано.
Склоняйтесь над скорбной чашей
И пейте страстное вино,
Мы утешенья отвергаем,
Забвения не надо нам.
Земля не будет нашим раем,
Идём по камням к небесам.
Забвенья – слабому отрада.
Кто знает верные пути,
Тому забвения не надо.
Достойней тяжкий крест нести.
С судьбою беспощадной спорим,
Но и печаль душе мила.
Душа, измученная горем,
Ты безутешна, но светла.
«Милая мать, ты – Мадонна...»
Милая мать, ты – Мадонна,
А твой сын – младенец Христос.
Учи его умирать без стога,
Учи его страдать без слёз.
Больше ничего от тебя не надо,
Его судьбы ты никогда не поймёшь.
Завидишь сени Гефсиманского сада, –

Сама вонзи себе в сердце нож.
«Я испытал превратности судеб...»
Я испытал превратности судеб,
И видел много на земном просторе,
□□Трудом я добывал свой хлеб,
□□И весел был, и мыкал горе.
На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
□□И пусть таящийся во мгле
□□Меня стремительно повержет.
Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, –
□□Мой труд. Иных земных наград
□□Не жду за здешний дикий холод.
Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Пётр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» – меня он вниз
□□Железным посохом не сбросит.
Скажу: «Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
□□И вообще мои грехи,
□□Апостол Пётр, многообразны.
Но я – поэт». – И улыбнётся он,
И разорвёт грехов рукописанье.
□□И смело в рай войду, прощён,
□□Внимать святое ликование,
Не затеряется и голос мой
В хваленых ангельских, горящих ясно.
□□Земля была моей тюрьмой,
□□Но здесь я прожил не напрасно.
Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
□□В благоуханье райских трав
□□Вольётся благовонным дымом.

Машинописные книги стихов
<Стихотворения 1925–1927 годов>

Атолл

«Пой по-своему, пичужка...»
Пой по-своему, пичужка,
И не бойся никого.
Жизнь – весёлая игрушка,
И не стоит ничего.
Что бояться? Зачарует
Змей, таящийся в лесу, –
Или запах твой взволнует
Кровожадную лису, –
С высоты ли ястреб комом
На тебя вдруг упадёт, –
Из ружьишка ль с дряблым громом
Человечишко убьёт, –
Что ж такое! Миг мученья
Тонет в бездне роковой,
Но не гаснет вдохновенье.
Пой же, маленькая, пой!
В альбом («Я не люблю строптивости твоей...»)
Я не люблю строптивости твоей.
Оставь её для тех, кто смотрит долу.
Суровую прошёл я в жизни школу,
И отошёл далёко от людей.
Противоборствуя земному гнёту,
Легенду создал я, и опочил.
Я одного хотел, одну любил,
Одну таил в душе моей заботу.
Солгу ли я, но всё же ты поверь,
Что крепче всякой здешней правды это
Моё самовластительство поэта,
Эдемскую увидевшего дверь.
Сомкну мои уста, простивши веку

Всю правду тусклую земных личин.
Я жизни не хочу, и я один,
Иное возвестил я человеку.
Страницы книг моих, как ряд амфор,
Простых для невнимательного взгляда,
Наполнены нектаром, слаще яда.
Нектар мой пьян, и мой стилет остёр.
«Открыл, меня создавши, Ты...»
Открыл, меня создавши, Ты
Ларец лазоревой эмали,
И подарил мне три мечты,
Три шороха и три печали,
Я сплёл в пылающий веночек
Твои дары, скрепил их кровью.
Один я, но не одинок
С моей бессмертной любовью.
Приходят и проходят дни,
Слабеют страсти и желанья,
Но мой веночек в ночной тени
Хранит безмерные пыланья.
«Сатана вошёл во фраке...»
Сатана вошёл во фраке,
В лакированных туфлях,
С золотым сияньем в лаке
От широких пряжек-блях.
Руку полную целуя
У хозяйки, в шелест лент
Кинул он, её волнуя,
Очень тонкий комплимент.
Он смягчал свои сарказмы,
Укрощал он блеск очей,
Чтоб не сделались спазмы
У мамаш и дочерей,
Чтобы соль игры мятежной
Не совсем была остра,
Чтоб в груди у дамы нежной
Не открылась дыра,
Чтоб не пахло адской серой,
Ни один не встал бы рог,
Чтоб сегодня светской сферой
Ограничиться он мог.
Ведь недавно адский пламень
Из очей его сверкал,
И насквозь массивный камень
Он слезою прожигал.
Нет, огня теперь не надо,
Не уронит и слезы
Светский выходец из ада
Для болтливой егозы.
Вот, сидит пред ним Тамара, –
Как глупа и как смешна!
«Мне она совсем не пара!» –
Размышляет Сатана.
«Три девицы спорить стали...»
Три девицы спорить стали
О красавце молодом.
«Он влюблён в меня». – «Едва ли!
Чаще к нам он ходит в дом». –
«Ошибаетесь вы обе:
Он со мной в лесу гулял».
Шепчет им старуха: «В небе
У него свинец застрял.
Вы б его не сохранили:
Он далёкую любил.
Из земной докучной были
Он к Невесте поспешил».
«Сошла к земле небесная Диана...»
Сошла к земле небесная Диана,

И видит: перед ней Эндимион
Лежит, как бы возникший из тумана,
И спит, прекрасен, строен, обнажён.
Она к нему с улыбкой наклонилась.
«Небесный сон безумца посетил,
Но на земле ничто не изменилось,
Ты сон и явь навеки разделил.
Иди опять в пыли земной дороги,
Косней во тьме, – в том не твоя вина, –
И говори, что мы, святые боги, –
Создания мечтательного сна».
«Разве все язвы и шрамы...»
Разве все язвы и шрамы
Мстительно мы понесём
В эту обитель, куда мы
В смертный наш час отойдём?
«Создал Я мир для тебя ли? –
Злобного спросит Отец. –
Этой блистающей дали
Ты ли положишь конец?
Все колебанья эфира
Я из Себя излучил.
Даром все радости мира
Ты от Меня получил.
Гневную речь порочишь
Ты утомительный путь.
Иль, как ребёнок, ты хочешь
Сладкое только слизнуть?
Если уж так тебе надо,
Сам ты свой мир создай, –
Без раскалённого ада
Благоухающий рай.
В нём ты завоешь от скуки,
Вызов ты бросишь судьбе,
И недоступные муки
Станут желанны тебе.
Но не творец ты, игрою
Миродержавной рождён,
Я же тебе не открою
Тайны пространств и времён».
«Семь щитов кружатся перед солнцем...»
Семь щитов кружатся перед солнцем,
Источая стрелы всех цветов,
И за каждым их блестящим донцем
Новых стрел запас всегда готов.
Все цвета сплелись здесь в единый,
Неразрывен он и слитно-бел.
Проходя бестенную равниной,
Перед солнцем будь не слишком смел.
Любоваться горними щитами
И одну секунду ты не смей, –
Закружатся тотчас пред глазами
Фиолетовым гнездом семь змей.
Отуманен, странно опечален,
Не отклонишь ты от них твой взгляд,
И пойдёшь, одной из змей ужален,
Унося в себе смертельный яд.
Кто увидел пламенные круги
И кого ужалила змея,
Тот всегда живёт в эфирной вьюге,
В несказанном буйстве бытия.
«Послушай моё пророчество...»
Послушай моё пророчество,
И горькому слову поверь:
В диком холоде одиночества
Я умру, как лесной зверь.
Я окован суровою тайною
Всё крепче день ото дня.

Теперь даже лаской случайною
Никто не порадует меня.
Никто Великою субботою
Не станет на мой порог,
Не скажет с ласковою заботою:
«Отведай пасхальный творог».
В альбом («Какое б ни было правительство...»)
Какое б ни было правительство,
И что б ни говорил закон,
Твоё мы ведаем властительство,
О светозарный Аполлон.
Пускай мы жизнью закопычены, –
Уносит в вышину Пегас.
Нектары, словно мёды сычены,
В избытке дарит нам Парнас.
Что нам житейские волнения
И грохот неумолчных битв.
Мы рождены для вдохновения,
И для стихов, и для молитв.
В альбом («Весна пленительная ваша...»)
□Весна пленительная ваша, –
□Вернее, тёпленький апрель, –
□Напоминает мне, Наташа,
□Стихи Поэта про Адель:
    «Играй, Адель,
    □□□Не знай печали!
    □□□Хариты, Лель
    □□□Тебя венчали,
    □□□И колыбель
    □□□Твою качали!»
□Венка Адели не стряхнёте
□Вы с головы, – в нём много сил:
□Подумайте, ведь вы живёте
□В том доме, где сам Пушкин жил!
□На эллинские ваши глазки
□Здесь царскосельский веет хмель.
□В них будущего все завязки, –
□Какую ж избере́те цель?
□Хоть можно пошалить немножко, –
□Какой без шалостей Эдем, –
□Но всё ж не прыгайте в окошко
□Ни для чего и ни за чем.
□Недаром Пушкин настороже
□Там на скамеечке сидит, –
□Хоть призадумался, а всё же
□Всех нас он видит и следит,
«Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева».
«Всё невинно в Божьем мире...»
Всё невинно в Божьем мире,
Нет стыда, и нет греха.
Божья благодать в каждой лире,
В каждом трепете стиха,
И в улыбках, и в лобзаньях,
И в кровавом буйстве мук,
И в полуночных свиданьях,
И в томлениях разлук.
Тот, кто знает ярость моря,
Ценит сладостный покой.
Только тот, кто ведал горе,
Стоит радости земной.
Смертный! Страстной полнотою
Каждый день свой оживляй,
Не склоняйся пред судьбою,
Наслаждайся и страдай.
«Эллиптической орбитой...»
Эллиптической орбитой
Мчится вёрткая земля

Всё дорогой неизбитой,
Вечно в новые поля.
Солнце в фокусе сияет,
Но другой же фокус есть,
Чем он землю соблазняет,
Что он здесь заставил цвести.
Сокровенное светило.
Ты незримо для очей,
И в просторах ты укрыло
Блеск неведомых лучей.
К солнцу голову подьёмлет
От земли гелиотроп,
И тревожным слухом внемлет
Коней Феба тяжкий топ.
Но мечты к Иному правит
Вестник тайны, асфодель.
Сердцу верному он ставит
Средь миров иную цель.
«Слепит глаза Дракон жестокий...»
Слепит глаза Дракон жестокий,
Лиловая клубится тьма.
Весь этот мир, такой широкий, –
Одна обширная тюрьма.
Бесстрастный свод бытописаний,
Мечтаний радужных приют
И строй научных созерцаний
Всегда оковы нам куют.
Безвыходна тюрьма строений,
В ней всем начертаны пути,
И в области своих стремлений
Не удаётся нам уйти.
Под пыльною тюрьмой одежды
Хиреет тело, стынет кровь,
И увядают все надежды.
К покорству душу приготовь.
Под брэнною тюрьмою тела
Томится пленная душа.
Она в бессильи охладела,
Освободиться не спеша.
Но будет свергнут Змий жестокий,
Сожжётся новым Солнцем тьма,
И станет этот мир широкий
Свободный дом, а не тюрьма.
В альбом («Любовь сочетает навеки...»)
Любовь сочетает навеки.
В пыланьи безмерной любви
Проплывши чрез смертные реки,
В раю безмятежном живи.
В лирическом светлом покое
Противши земные грехи,
Душа прозревает иное,
Слова сочетая в стихи.
Какая бы нас ни томила
Земная и злая печаль,
Но песен чудесная сила
Уносит в звенящую даль,
Где ждёт госпожа Дульцинея,
И дивную пряжу прядёт,
Где, вечно пред ней пламенея,
Бессмертная роза цветёт.
«Бежал я от людей далёко...»
Бежал я от людей далёко.
Мой мир – коралловый атолл.
Живу спокойно, одиноко,
И, как в саду Эдема, гол.
Никто передо мной не в страхе,
Я всё живущее люблю,
Не убиваю черепахи,

Пугливых рыб я не ловлю.
Кокос, банан, – чего же надо
Ещё для счастья моего!
Тяжёлой кистью винограда
я довершаю торжество.
Порой гляжу на дно лагуны,
Где дремлет затонувший бот;
В часы отлива ночью лунной
Там золотой дукат блеснёт.
Быть может, там дукатов много;
Быть может, был бы я богат,
В часы отлива на отлогий
Спустившись прибережный скат.
Нет, мне не надо и червонца.
Мой мир – коралловый атолл,
Где ясны звёзды, ярко солнце,
Где я пред океаном гол.
«Не скажешь, какими путями...»
Не скажешь, какими путями
Приходит к нам в душу печаль,
Лицо умывая слезами,
Туманом окутавши даль.
Не скажешь, какую дорогой
Приходит к нам в сердце тоска,
Когда к безнадёжности строгой
Костлявая движет рука.
«Я становлюсь тем, чем был...»
я становлюсь тем, чем был.
Мы жили все до колыбели,
И бесконечный ряд могил
Начало приближает к цели,
И замыкается кольцо,
Навек начертанное строго,
И проясняется лицо
Владыки светлого чертога.
«Огни далёкие багровы...»
Огни далёкие багровы.
Под сизой тучею суровы,
Тоскою веют небеса,
И лишь у западного края
Встаёт, янтарно догорая,
Зари осенней полоса.
Спиной горбатой в окна лезет
Ночная мгла, и мутно грезит
Об отдыхе и тишине,
И отблески зари усталой,
Пред ней попятившись, вялой
Походкой подошли к стене.
Ну что ж! Непрошеную гостью
С её тоскующею злостью
Не лучше ль попросту прогнать?
Задвинув завесы, не кстати ль
Вдруг повернуть мне выключатель
И день искусственный начать?
«Как небо вечернее ясно!..»
Как небо вечернее ясно!
Какая там блещет звезда!
О жизни, погибшей напрасно,
Не надо грустить никогда.
Наносит удар за ударом
Жестокая чья-то рука.
Всё в жизни получено даром,
И радость твоя, и тоска.
Уродливо или прекрасно,
Но всякая жизнь догорит...
И небо вечернее ясно,
И ярко Венера блестит.
«Лишь в минуты просветленья...»

Лишь в минуты просветленья
Пробуждённая душа
И печаль, и наслажденья
Пьёт из полного ковша,
Расширяет кругозоры,
Расторгает небеса,
Видит светлые просторы,
Созидает чудеса.
Дни обычности нелепой
Скудной струйкою текут,
Загоняют душу в склепы,
Все проходы стерегут.
Впечатления все вялы.
Где же правда, где же ложь?
Точно ложечкою малой
Капли кисленькие пьёшь.
«Легкокрылою мечтою...»
Легкокрылою мечтою
Унесён ты от земли.
Посмотри, – перед тобою
Страны новые легли.
Вот бежит на сонный берег
Ветер, волны шевеля.
Дальше Африк и Америк
Эта новая земля.
Но не радужную грёзу
Видят дрёмные глаза,
И не призрачную розу
Поит росная слеза.
Видишь, – там твоей невесте
Принесли уже фату.
Мир иной, но с нашим вместе
Заклѳчѳн в одну черту.
Но, конечно, в Путь наш Млечный
Не вместится этот мир.
Близок нам он бесконечно,
Дальше он, чем Альтаир.
Мы туда путей не знаем,
Не умеем их найти.
Мы в пространствах различаем
Только три всего пути:
Вот длина лежит пред нами,
Ширина и высота.
Только этими путями
Нам Вселенная видна.
Все пути иные стёрты,
Мы запиханы в футляр,
Не умеем мы четвѳртый
Строить перпендикуляр.
«Угол падения...»
□□Угол падения
Равен углу отражения..
В Сириус яркий взглядишь:
□□Чьи-то мечтания
В томной тоске ожидания
К этой звезде вознеслись.
□□Где-то в Америке
Иль на бунтующем Тереке, –
Как бы я мог рассчитать?
□□Ночью бессонною
Эту мечту отражѳнную
Кто-то посмеет принять.
□□Далью великою
Или недолею дикою
Разлучены навсегда..
□□Угол падения
Равен углу отражения..
Та же обоим звезда.

«Сатанята в моей комнате живут...»

Сатанята в моей комнате живут.

Я тихонько позову их, – прибегут.

Хорошо, что у меня работ не просят,

А живут со мной всегда, меня не бросят.

Вкруг меня обсядут, ждут, чтоб рассказал,

Что я в жизни видел, что переживал.

Говорю им были дней, давно минувших,

Повесть долгую мечтаний обманувших.

А потом они начнут и свой рассказ.

Не стесняются ничуть своих проказ.

В людях столько зла, что часто сатанёнок

Вдруг заплачет, как обиженный ребёнок.

Не милы им люди так же, как и мне.

Им со мной побыть приятно в тишине.

Уж привыкли, знают, я их не обижу,

Улыбнусь, когда их рожицы увижу.

Почитаю им порой мои стихи,

И услышу ахи, охи и хи-хи.

Скажут мне: «Таких стихов не надо людям,

А вот мы тебя охотно слушать будем».

Да и проза им занята и мила:

Как на свете Лиза-барышня жила,

Как у нас очаровательны печали,

Как Невесты мудрые Христа встречали,

Как пути нашли в Эммаус и в Дамаск,

Расточая море слёз и море ласк.

«Два блага в мире есть, добро и зло...»

Два блага в мире есть, добро и зло,

Есть третье, но неведомое людям.

Оно в саду Эдема расцвело.

Хоть вспомним мы его, но позабудем.

Его назвать я не умею сам,

А приблизительно назвать не смею,

И утешаюсь лишь тем, что там

я этим благом снова овладею.

А потому земная жизнь моя

Сложилась, людям вовсе непонятна,

И мудрая Эдемская змея

Таит свои пленительные пятна.

Зелёные глаза сверкнут во мгле,

Раздвоенный язык она покажет,

Прошепчет свой завет немой земле,

И снова в свой глубинный мрак заляжет.

«Тебя я не устану славить...»

Тебя я не устану славить,

Любовь единая моя.

Не знаю я, куда мне править,

Но мчит стремительно ладья.

Незримый Кормчий не обманет.

Его словам моя рука

Повиноваться не устанет,

Хоть цель безмерно далека.

Весь мир окутан знойным бредом,

Но из ущелий бытия

К тебе стремлюсь я верным следом,

Любовь единая моя.

За Альтаиром пламенея,

Уже мне виден твой чертог.

Для вечной встречи Алетея

Сандалии снимает с ног.

В пути безмерном ты устала,

Устала так же, как и я,

Но скоро снимешь покрывало,

Любовь единая моя.

«В унылую мою обитель...»

В унылую мою обитель,

Вокруг которой бродит злость,

Вошёл Эдемский светлый житель,
Мальчишка милый, дивный гость.
Босыми шлёпая ногами
О мой натёртый гладко пол,
Он торопливыми шагами
Ко мне с улыбкой подошёл,
И в кресло тихо сел он, рядом
С моим столом, и посмотрел
В глаза мне прямо долгим взглядом,
Как бы струившим токи стрел.
«О, бедный друг мой, как исхожен
Перед душой твоей порог!
Ты всё ещё неосторожен,
И оградить себя не мог.
Впустил ты злость, тоску, тревогу,
И раздражение, и ложь.
С собою в дальнюю дорогу
Грехов ты много понесёшь». –
«Мой милый мальчик, мой вожатый,
Я вижу глаз твоих лучи,
Но тьма во мне, и, тьмой объятый,
Тебя прошу я: научи.
Скрывать я ничего не смею,
Тебя не смею обмануть.
Скажи мне вновь про Алетею
И укажи к ней верный путь.
Веди меня, вожатый милый,
А здесь всегда меня храни,
Из кельи тёмной и унылой
Гостей незваных изгони».
«Растревожил рану, а зачем?...»
Растревожил рану, а зачем?
Что прошло, о том не вспоминай.
Тёмен мир, и глух к тебе, и нем,
Не найдёшь потерянный твой рай,
И того, за что ты изгнан был,
Не искупишь смертною тоской
В час, когда суровый Азраил
Разлучит тебя с земной судьбой.
Только верь, что всё ж разлуки нет,
Что Господень мир неодолим,
Что за гранями несчётных лет
Мы в глаза друг другу поглядим.
«Моя молитва – песнь правдивая...»
Моя молитва – песнь правдивая,
Мой верный, нелукавый стих,
И жизнь моя трудолюбивая
Горела в ладанах святых.
Пускай для слабых душ соблазнами
Пылает каждая из книг, –
К Тебе идём путями разными,
И я в грехах Тебя постиг.
Душа пред миром не лукавила,
И не лукавил мой язык.
Тебя хулою песнь прославила, –
Багряной россыпью гвоздик.
Тебе слагалась песнь правдивая,
Тебе слагался верный стих,
И жизнь моя трудолюбивая
Горела в ладанах святых.
«Ты жизни захотел, безумный!..»
Ты жизни захотел, безумный!
Отвергнув сон небытия,
Ты ринулся к юдоли шумной.
Ну что ж! Теперь вся жизнь – твоя.
Так не дивися переходам
От счастья к горю: вся она,
И день и ночь, и год за годом,

Разнообразна и полна.
Ты захотел её, и даром
Ты получил её, – владей
Её стремительным пожаром
И яростью её огней.
Обжёгся ты. Не всё здесь мило,
Не вечно пить сладчайший сок, –
Так улетай же, легкокрылый
И легковесный мотылёк.
«Издетства Клара мне знакома...»
Издетства Клара мне знакома.
Отца и мать я посещал,
И, заставая Клару дома,
С неё портреты я писал.
Достигнул я в моём искусстве
Высокой степени, но здесь
В сентиментальном, мелком чувстве
Талант мой растворился весь.
Вот эту милую девицу
На взлёте рокового дня
Кто вознесёт на колесницу
Окаменелого огня?
А мне ль не знать, какая сила
Её стремительно вела,
Какую страстью опьянила,
Какую радостью зажгла!
«Вы мне польстили чрезвычайно!» –
Остановясь у полотна,
С какою-то укорой тайной
Вчера сказала мне она.
О, эта сладостная сжатость!
И в ней желанный ореол
Тебе, ликующая святость,
Я неожиданно нашёл!
Светло, торжественно и бело,
Сосуд, где закипают сны,
Невинно-жертвенное тело
Озарено из глубины.
«Балет классический, тебе ли...»
Балет классический, тебе ли
Одежда – мёртвое трико?
А впрочем, позабыв о теле,
И поглупеем мы легко.
Я не заспору с маской старой,
Приму котурны, как и все
Трагедии античной чары
В их остро-зыблемой красе.
Но скудная замена кожи
Издельем будничных машин
Так смехотворно не похожа
На радость эллинских долин.
«Ещё немного дней добавить...»
Ещё немного дней добавить,
И жизнь окончена моя.
Не надо ни хулить, ни славить
Ни зла, ни блага бытия.
Во времени зыбкотекущем
Земная затихает речь.
Не надо думать о грядущем,
И силы не на что беречь.
К последнему теснятся входу
Улыбчиво мои мечты.
Чтоб обрести свою свободу,
Душа, всё потеряла ты.
Уходишь нищая, с собою
Ты ничего не унесёшь,
Но, меткой брошена пращою,
Ты Алетею обретёшь.

«Чёрный щит и чёрный шлем...»
Чёрный щит и чёрный шлем,
Перед белым домом всадник,
Но закрыт пред ним и нем
В туберозах палисадник.
Тихо поднял он с лица
Скрежетавшее забрало...
Не дала ему кольца,
На крыльце не постояла...
По калитке он копьем
Стукнул раз, другой и третий,
Но молчал весь белый дом,
И кругом дивились дети.
«Дай в залог мне за неё, –
Говорит мальчишка смелый, –
Щит, и шлем твой, и копье,
И потом что хочешь делай.
Знаю, ты отважней всех,
Никогда не ведал страха.
Я покрою твой доспех
Чистым золотом бдолаха.
И тебе его отдам
В час свершенья светлой грёзы,
В час, когда с сестрою в храм
Ты пойдёшь от туберозы».
Рыцарь бросил быстрый взгляд.
«Вижу, мальчик – не плутишка.
Я тебе поверить рад,
Босоногий мой братишка,
Шлем, и щит мой, и копье,
Всё в залог тебе вручая:
У тебя, как у неё,
Светел взор лазурью рая».
Не успел закрыть лицо,
Сдвинув тяжкое забрало, –
Дева вышла на крыльцо,
И кольцо с руки снимала.
«Песню сложишь, в песню вложишь...»
Песню сложишь, в песню вложишь
Всё, что мреет и кружится
Где-то в тёмной глубине.
Песней душу растревожишь,
И померкнет всё, затмится
В этом белом, дневном сне.
Если песни мы слагаем,
Как мы больно душу раним
Прохождением верных слов,
Мы себя опустошаем
И потом тоскливо тянем
Сеть пустынную часов.
«Горький оцет одиночества...»
Горький оцет одиночества
В ночь пасхальную я пью.
Стародавние пророчества
Пеленают жизнь мою:
Ты ходил, куда хотелось,
Жди, куда тебя сведут.
Тело муки натерпелось,
Скоро в яму сволокнут.
«Подыши ещё немного...»
Подыши ещё немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Странно-зыблемый, как дым.
Что Творцу твои страданья!
Кратче мига – сотни лет.
Вот – одно воспоминанье,
Вот и памяти уж нет.

Страсти те же, что и ныне...
Кто-то любит пламя зорь...
Приближаясь к кончине,
Ты с Творцом твоим не спорь.
Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши ещё немного
Тяжким воздухом земным.

Грумант

П. Пестелю

Из кн. А. Барятинского, с фр.

Товарищ первый наш! Я думаю с тоской:
Четыре месяца в разлуке я с тобой.
Спокойных вечеров ты не забыл, конечно:
К беседам искренним влекомые сердечно,
Мы утешались содружеством умов.
Тогда ты отдыхал от множества трудов,
И к нашему ты шёл от строгих дум союзу.
Тогда твоя рука мою ласкала музу.
Тебе начезов двух я начертал грехи.
Прости ошибки мне, особенно стихи.
Письмо Ивашёву
Из кн. А. Барятинского, с фр.

Бездельник милый мой, пустынный Пермской сени,
Мой милый Ивашёв, проснёшься ли от лени.
Конечно, в чтении есть утех сладчайших мёд,
Но, словно мачеха, талант оно скуёт.
Сказали б, видя, как тобой владеет книга:
«Угаснул твой восторг, пиано свергло иго.
С Евтерпой за тебя ведёт Эрато бой,
Тебя ль страшит ярмо работы небольшой.
Страшней тебе презреть их ласковое рвенье,
Спеша на мост двойной молить о вдохновеньи».
Как мило Лафонтен тобой переведён.
Ты знаешь, – милостив к тебе сам Аполлон.
Читал твои стихи; они ему приятны.
(Парнасу языки племён земных все внятны.)
И старец благостный успех твой увенчал,
И вдохновение своё в тебе узнал,
И, почивающий в своей покойной грёзе,
Двойной рукоплескал своей метаморфозе.
...Смеялся он: пред ним заботливый Карвель
Томленья ревности, отрадная постель...
Но муза мне велит молчать: она – ребёнок.
Для этих вольностей чужих язык твой звонок,
И как искусно ты перенести умел
На русский мужей обмануток удел.
Любовник вкрался в дом под обликом лакея.
Чтоб удалить позор и уличить злодея,
Седой супруг в саду за грушей сторожил...
По воле всех троих, твой стих летит, блестит,
И мужа славного обманывая право,
Венчает старый лоб приметою лукавой.
А после твой восторг покойный сон облёк.
Красней... Но ты сердит на дружеский упрёк.
Что ж, милый Ивашёв, коль ты бежишь цензуры,
К пиано подойди изысканной структуры;
Мои стихи и мой урок забудешь вдруг.
Когда твой инструмент издаст волшебный звук.
Своими пальцами ты ловко так надавишь
На ряд склонённых вмиг и вновь подъятых клавиш.
Порой, чаруя слух, бежит твоя рука,
Доверив клавишам мечту твою, легка,
Вперёд или назад вдоль пёстрога их ряда,
И следует за ней блестящая рулада;
Порой звучит аккорд, замедлен, в тишине,

И отзывается в сердечной глубине.
Капризы яркие и нежные мечтанья
Наводят на душу нам всем очарованье.
О вы, которым грусть успела сердце сжать,
Придите прелестям концертов тех внимать.
Ногою лёгкою он трогает педали,
Чтоб за аккордами сладчайшие звучали.
Грозу ль, нептунов гнев ты нам изобразишь,
И вот вдоль клавишей ты громом прогремишь.
И руки лёгкие не ведают покоя,
Бежа одна другой, одна другую кроя.
Едва там каждый звук замрёт и замолчит,
Другой легчайший звук в ответ ему летит,
И мысль твоя ясна, в веселии иль в злости,
И жизнь твоя рука дарит слоновой кости.
Упрёки тщетные! Напрасная печаль!
И вдохновенье спит, и смолкнул твой рояль.
Увы! Перед тобой в чернильнице чернила,
Но пыль твоё перо бессильное покрыла.
Бумага близ него, нетронута, бела,
В порядке, пачками на длинный стол легла,
Подпёрши голову небрежною рукою,
Ты книгой увлечён, неведомо какую;
Другая же рука над лаковым твоим
Протянута столом, недвижным и немым,
И пальцы заняты игрою машинальной,
В бесплодной лёгкости и в лености фатальной.
В альбом («девушка в тёмном платье...»)
Девушка в тёмном платье
Пришла ко мне, и я думаю:
Какое на неё заклетье
Положила жизнь угрюмая?
Закрыв глаза, и мне кажется:
Она хорошо размерена,
Злое к ней не привяжется,
Её заклетье – уверенность.
В альбом («Камни плясали под песни Орфея...»)
Камни плясали под песни Орфея,
Но для чего же такой хоровод!
Каменной вьюги любить не умея,
Сердце иных плясунов призовет.
Близко прикинул к холодной и белой
Плоскости остро-внимательный взор,
И расцветает под кистью умелой
Вьюгою красочных плясок фарфор.
В красках и формах содеяны чары
Этой упорной работой очей,
И улыбаются мудрые лары
Тайне заклятий и силе огней.
А чародейка заплакать готова:
Тайну заклятий скрывает узор,
И сотворившей отгадного слова
Выдать не хочет коварный фарфор.
«Слышу песни плясовой...»
Слышу песни плясовой
Разудалый свист и вой.
Пьяный пляшет трепака,
И поёт у кабака:
«Тёмен был тяжёлый путь,
Негде было отдохнуть.
Злоба чёрта стерегла
Из-за каждого угла.
Только всё ж я хохотал,
В гулкий бубен грохотал,
Не боялся никого,
Не стыдился ничего.
Если очень труден путь,
Можешь в яме отдохнуть.

Можешь, только пожелай,
И в аду воздвигнуть рай». –
«Чьи, старик, поёшь слова?» –
«Эх, с мозгами голова!
Был когда-то я поэт,
А теперь поэта нет.
Пьяный, рваный, весь я тут.
Скоро в яму сволокут
И зарюют кое-как.
Дай полтинник на кабак!»
«Грумант покрыт стеклянной шапкой...»
Грумант покрыт стеклянной шапкой.
Под этой шапкой так тепло,
Что у девицы, очень зябкой,
Давно смущение прошло.
Что ей громады ледяные
И внешний ветер и мороз!
Ведь стёкла отразят сплошные
Разгул неистовых угроз.
Искусственное здесь сияет
Светило, грея дивный сад,
И роза здесь благоухает,
И зреет сочный виноград.
Где мирт вознёсся горделиво
На берегу прозрачных вод,
Нагие девы нестыдливо
Ведут весёлый хоровод.
Грохочут бубны и тимпаны
В руках у отроков нагих.
Но вот вином полны стаканы,
И шум веселия затих.
Настало время пожеланий.
Чего ж, однако, им желать,
Когда и льдины в океане
Уж начали истаевать!
Межатомное разложение
Постигло только грамм один,
И началось передвижение
И таяние последних льдин.
«Идешь, как будто бы летишь...»
Идешь, как будто бы летишь,
Как будто бы крылаты ноги,
Которыми ты золотишь
Взвешиваемую пыль дороги.
Спешешь в просторах голубых,
Упруго попирая землю.
Я звукам быстрых ног твоих,
Невольно улыбаясь, внемлю.
Мелькнула, – вот уж вдалеке
Короткой юбки вьются складки.
Остались кой-где на песке
Ног загорелых отпечатки.
«Ни презирать, ни ненавидеть...»
Ни презирать, ни ненавидеть
Я не учился никогда.
И не могла меня обидеть
Ничья надменность иль вражда.
Но я, как унтер Пришибеев,
Любя значенье точных слов,
Зову злодеями злодеев
И подлецами подлецов.
А если мелочь попадётся,
Что отшлифована толпой,
Одна мне радость остаётся, –
Назвать клопом или клопой.
«С Луны бесстрастной я пришла...»
С Луны бесстрастной я пришла.
Была я лунною царицей.

На всей планете я слыла
Красавицей и чаровницей.
Бывало, Солнце и Земля,
На небе пламенея вместе,
Сжигали лунные поля
Дыханьем беспредельной мести.
В подвалах укрывались мы
Или спешили к антиподам,
Чтоб отдохнуть в объятых тьмы
Под звёздным полуночным сводом.
Разъединялись потом
Огнём наполненные чаши,
И наслаждались ясным днём
И мы, и антиподы наши.
Великой силой волшебства
Себя от смерти я хранила,
Жила я долго, и слова
Пророчеств дивных говорила.
Открыла я, в течение дней
И двух светил всмотревшись зорко,
Что дни становятся длинней
И что земная стынет корка.
Смеялись моим словам,
Но, исполняя повеленье,
Подвалы рыли, чтобы там
Найти от гибели спасенье.
И всё, предсказанное мной,
Сбывалось в медленные годы,
И наконец над всей Луной
Воздвиглись каменные своды.
Наукой изощрённый ум
Все входы оградил в подвалы.
Машин могучих гулкой шум
Сменяли трубы и кимвалы.
И вот с поверхности Луны
Весь воздух выпит далью чёрной,
И мы спустились в глубины,
Царица и народ покорный.
Стекло влилось в пазы ворот,
Несокрушимая преграда!
В чертогах мой народ живёт,
Доволен он, царица рада.
Наверх не ступишь и ногой, –
Погибнет всяк, и стар, и молод:
Там в новоземье смертный зной,
А в полноземье смертный холод.
Наука и весёлый труд,
Владея тайной электронной,
Преобразили наш приют
В Эдем цветущий, благовонный.
Порой за стёклами ворот,
Дивясь на груды лунной пыли,
Народ теснится и поёт
Слегка прикрашенные были
О ветре, звёздах, о ручье,
О вешнем упоеньи хмельном,
Да о каком-то соловье,
Совсем ненужном и бесцельном.
Ну что же, отчего не спеть!
Но повторись всё, не захочет
Никто уйти, чтобы терпеть,
Как зной томит, как дождик мочит,
Глядеть, как, бешено крутясь,
Бушует вьюга на просторах,
Глядеть на лужи и на грязь,
Скользящую на косогорах.
«Всё новое на старый лад...»
Всё новое на старый лад:

У современного поэта
В метафорический наряд
Речь стихотворная одета.
Но мне другие – не пример,
И мой устав – простой и строгий.
Мой стих – мальчишка-пионер,
Легко одетый, голоногий.
«Что дальше, всё чудесней...»
Что дальше, всё чудесней
Цветёт наш мир земной
В лесу лесною песней,
И в поле – полевой.
Земля не оскудела,
Кропя росой прах,
И творческое дело
Свершается в веках,
И песня льётся снова
На весь земной простор.
До неба голубого
Восходит звучный хор.
«Земли поколебав основы...»
Земли поколебав основы,
Восстал закованный Атлант.
Его деяния суровы,
Но прав разгневанный гигант.
Поработители! Как ложен
Безумно-яростный ваш крик!
Атлант и в бунте осторожен,
Великодушен и велик.
Благое совершая дело,
Он защищает, а не мстит,
И землю он колеблет смело,
Но труд внимательно хранит.
«День окутался туманом...»
День окутался туманом
Ржаво-серым и хмельным.
Петербург с его обманом
Весь растаял, словно дым.
Город, выросший в пустыне,
Прихоть дикого Петра,
От которого поныне
Всё не вижу я добра,
Погрузится ли он в воду,
Новым племенем забыт,
Иль желанную свободу
Всем народам возвестит?
День грядущий нам неведом,
День минувший нам постыл,
И живём мы сонным бредом
Дотлевающих могил.
Это тленьё, или ропот
Набегающей волны,
Или вновь возникший опыт
Пробудившейся страны,
Что решит твой жребий тёмный,
Или славный, может быть?
Что придётся внукам вспомнить,
Что придётся позабыть?
«Спорит башня с чёрной пашней...»
Спорит башня с чёрной пашней:
«Пашня, хлеба мне давай!»
Спорит пашня с гордой башней:
«Приходи и забирай!»
Башня поиск высылает,
Панцирь звякает о бронь,
Остриё копья сверкает,
Шею гнёт дугою конь,
Пашня башне покорилась,

Треть зерна ей отдала,
А второй обсеменилась,
Третьей год весь прожила.
Шли века. Поникла башня,
И рассыпалась стена.
Шли века. Тучнеет пашня.
Согревая семена.

<Стихотворения 1926 года>

«Змея один лишь раз ужалит...»

Змея один лишь раз ужалит,
И умирает человек,
Но словом враг его не валит,
Хотя б и сердце им рассек.
О ты, убийственное слово!
Как много зла ты нам несёшь!
Как ты принять всегда готово
Под свой покров земную ложь!
То злоба, то насмешка злая,
Обид и поношений шквал, –
И, никогда не уставая,
Ты жалишь тысячами жал.
Надежды чистой обаянье
Умеешь ты огнём обжечь,
И даже самое молчанье –
Ещё несказанная речь,
И нераскрывшиеся губы
В своём безмолвии немом
Уже безжалостны и грубы,
Твоим отмечены значком.
Когда ты облечёшься лаской
Приветливых и милых чар,
Ты только пользуешься маской,
Чтоб метче нанести удар!

«Грумант покрыт стеклянной шапкой...»

Грумант покрыт стеклянной шапкой.

Под этой шапкой так тепло,
Что у девицы, очень зябкой,
Давно смущение прошло.
Что ей громады ледяные
И внешний ветер и мороз!
Ведь стёкла отразят сплошные
Разгул неистовых угроз.
Искусственное здесь сияет
Светило, грея дивный сад,
И роза здесь благоухает,
И зреет сочный виноград.
Где мирт вознёсся горделиво
На берегу прозрачных вод,
Нагие девы нестыдливо
Ведут весёлый хоровод.
Грохочут бубны и тимпаны
В руках у отроков нагих.
Но вот вином полны стаканы,
И шум веселия затих.
Настало время пожеланий.
Чего ж, однако, им желать,
Когда и льдины в океане
Уж начали истаевать!
Межатомное разложение
Постигло только грамм один,
И началось передвижение
И таянье последних льдин.

«Если б я был себе господином...»

Если б я был себе господином,
Разделился бы на два лица,
И предстал бы послушливым сыном
Перед строгие очи Отца.
Всё, что скрыто во мне, как стенами,

В этот час я пред ним бы открыл,
И, разгневан моими грехами,
Пусть бы волю свою Он творил.
Но одно нам доступно сознание
Иногда, и с трудом, раздвоить.
На костры рокового пыланья
Мы не можем по воле всходить.
Если даже костёр запылает,
Боязливо бежим от огней.
Тщетно воля порою дерзает, –
Наша слабость всей силы сильнее.
«Как нам Божий путь открыть?...»
Как нам Божий путь открыть?
Мы идём по всем тропинкам,
По песочкам и по глинкам,
По холмам и по долинкам,
И порой какая прыть!
Посмотри: мелькают пятки,
Икры стройные сильны,
Все движения вольны.
Мимо, ржи, и мимо, льны!
Быстро мчатся без оглядки.
На Кавказ, на Арзамас,
И на город, что поближе,
И на речку, что пониже,
Все бегут вразброд. Гляди же,
Сколько смеха и проказ!
Эти все пути людские,
Может быть, и хороши
Для земной, слепой души, –
Но, прозревший, поспеши
Отыскать пути прямые,
Те пути, что в вечный град
Нас приводят, в край далёкий,
Где стоит чертог высокий,
Где пирует Огнеокий,
Претворяя в нектар яд.
Если сам найти не можешь
Божьих праведных путей,
Отыщи среди людей
Одного из тех вождей,
Пред которым волю сложишь.
Для тебя он – лучший я,
Вознесённый над тобою
Не лукавою судьбою,
А твоею же душою,
Твой верховный судия.
«Сатана вошёл во фраке...»
Сатана вошёл во фраке,
В лакированных туфлях,
С золотым сияньем в лаке
От широких пряжек-блях.
Руку полную целуя
У хозяйки, в шелест лент
Кинул он, её волнуя,
Очень тонкий комплимент.
Он смягчал свои сарказмы,
Укрощал он блеск очей,
Чтоб не сделались спазмы
У мамаш и дочерей,
Чтобы соль игры мятежной
Не совсем была остра,
Чтоб в груди у дамы нежной
Не открылась дыра,
Чтоб не пахло адской серой,
Ни один не встал бы рог,
Чтоб сегодня светской сферой
Ограничиться он мог.

Ведь недавно адский пламень
Из очей его сверкал,
И насквозь массивный камень
Он слезою прожигал.
Нет, огня теперь не надо,
Не уронит и слезы
Светский выходец из ада
Для болтливой егозы.
Вот, сидит пред ним Тамара, –
Как глупа и как смешна!
«Мне она совсем не пара!» –
Размышляет Сатана.
«Идешь, как будто бы летишь...»
Идешь, как будто бы летишь,
Как будто бы крылаты ноги,
Которыми ты золотишь
Взвеваемую пыль дороги.
Спешишь в просторах голубых,
Упруго попирая землю.
Я звукам быстрых ног твоих,
Невольню улыбаясь, внемлю.
Мелькнула, – вот уж вдалеке
Короткой юбки выются складки.
Остались кой-где на песке
Ног загорелых отпечатки.
«Насилье царствует над миром...»
Насилье царствует над миром,
Насилье – благостное зло.
Свободу ставишь ты кумиром.
Но что, скажи, тебя спасло?
Среди народных возмущений,
Тебя лишивших всех охран
И выдавших на жертву мщений,
Пришел насильник и тиран.
Он захватил кормило власти,
Твой жалкий ропот презрел он,
И успокоилися страсти,
И вот уют твой огражден.
В своём бессилии сознайся,
Не суесловь и не ропщи,
Перед насильем преклоняйся,
Свободы лживой не ищи.
«Три девицы спорить стали...»
Три девицы спорить стали
О красавце молодом.
«Он влюблен в меня». – «Едва ли!
Чаще к нам он ходит в дом». –
«Ошибаетесь вы обе:
Он со мной в лесу гулял».
Шепчет им старуха: «В небе
У него свинец застрял.
Вы б его не сохранили:
Он далёкую любил.
Из земной докучной были
Он к Невесте поспешил».
«Сошла к земле небесная Диана...»
Сошла к земле небесная Диана,
И видит: перед ней Эндимион
Лежит, как бы возникший из тумана,
И спит, прекрасен, строен, обнажен.
Она к нему с улыбкой наклонилась.
«Небесный сон безумца посетил,
Но на земле ничто не изменилось,
Ты сон и явь навеки разделил.
Иди опять в пыли земной дороги,
Косней во тьме, – в том не твоя вина, –
И говори, что мы, святые боги, –
Создания мечтательного сна».

«Беспредельною тоскою...»
Беспредельною тоскою,
Как тяжёлою доскою,
Жизнь мне давит грудь давно.
Я глаза мои открою
Или снова их закрою, –
Одинаково темно.
Кто же снимет груз тяжёлый,
Кто же сделает весёлой
И беспечной жизнь мою?
Ангел милый, друг желанный,
В этот день больной, туманный
Спой мне: «Баюшки-баю».
Хоть во сне забуду горе,
И в твоём глубоком взоре
Потеряюсь хоть на час.
Друг желанный, ангел милый,
День безумный и унылый
Озари мерцаньем глаз.
«Разве все язвы и шрамы...»
Разве все язвы и шрамы
Мстительно мы понесём
В эту обитель, куда мы
В смертный наш час отойдём?
«Создал я мир для тебя ли? –
Злобного спросит Отец. –
Этой блистающей дали
Ты ли положишь конец?
Все колебанья эфира
Я из Себя излучил.
Даром все радости мира
Ты от Меня получил.
Гневною речью порочишь
Ты утомительный путь.
Иль, как ребёнок, ты хочешь
Сладкое только слизнуть?
Если уж так тебе надо,
Сам ты свой мир создай, –
Без раскалённого ада
Благоухающий рай.
В нём ты завоешь от скуки,
Вызов ты бросишь судьбе,
И недоступные муки
Станут желанны тебе.
Но не творец ты, игрою
Миродержавной рождён,
Я же тебе не открою
Тайны пространств и времён».
«Ни презирать, ни ненавидеть...»
Ни презирать, ни ненавидеть
Я не учился никогда.
И не могла меня обидеть
Ничья надменность иль вражда.
Но я, как унтер Пришибеев,
Любя значенье точных слов,
Зову злодеями злодеев
И подлецами подлецов.
А если мелочь попадётся,
Что отшлифована толпой,
Одна мне радость остаётся, –
Назвать клопом или клопой.
«Привыкли говорить мы „дома“...»
Привыкли говорить мы «дома»,
Но вспомним разные дома,
Где жили мы. Как нам знакома
Вся эта злая кутерьма!
И города всегда мы ищем:
Переменяя города,

Подобны мы скитальцам нищим,
Везде блуждающим всегда.
Мы требуем от жизни места,
И получаем мы места
Скромней куриного насеста;
Всегда удел наш – нищета.
«Целуя руку баронессы...»
Целуя руку баронессы,
Тот поцелуй я вспоминал,
С которым я во время мессы
К устам распятие прижал.
Мне Эльза тихо говорила:
«Благодарю, мой милый паж!
Весь грех мой я тебе открыла,
Меня врагам ты не предашь». –
«О госпожа, твой грех мне ведом,
Но и в грехе невинна ты.
Истомлена жестоким бредом,
Ты мне доверила мечты.
Я погашу врага угрозы,
Я затворю его уста,
И расцветут живые розы
Благоуханного куста.
Всё совершится неизбежно,
И ты супругом назовёшь
Того, кого ты любишь нежно,
Кому ты душу отдаёшь!»
«Мечта стоять пред милой дамой...»
Мечта стоять пред милой дамой
Владеет отроком-пажом,
Но двери заперты упрямо, –
Там госпожа с духовником.
В каких проступках покаянье
Она смиренно принесла?
Иль только слушать назиданье
Она прелата призвала?
Иль, мужа своего ревнуя,
Благого утешенья ждёт?
Иль совещается, какую
В обитель жертву принесёт?
Или?... Потупившись ревниво,
Стоит влюблённый паж, дрожа,
Но вот выходит торопливо
Монах, не глядя на пажа.
Его лицо всё так же бледно.
Стремится к Господу аскет,
В молитве страстной и победной
Давно отвергнувший весь свет.
О нет, любовью здесь не пахнет!
Ревнивым, милый паж, не будь:
В дыхании молитвы чахнет
Давно монашеская грудь.
Паж веселеет, входит смело.
Графиня милая одна.
Она работает умело
Над вышиваньем полотна.
Он Эльзу к поцелую нудит.
«Мальчишка дерзкий, не балуй!»
И паж трепещет, – что же будет,
Удар хлыста иль поцелуй?
Нет, ничего, она смеётся,
И как пажу не покраснеть!
«Тебе никак не удаётся
Твоею Эльзой овладеть!
Какую задал мне заботу –
Тебя искусству ласк учить!
Что ж, граф уехал на охоту, –
Уж научу я, так и быть!»

Она мальчишку раздевает,
Нагая перед ним легла,
И терпеливо обучает
Весёлым тайнам ремесла.
«Последуешь последней моде...»
Последуешь последней моде
Иль самой первой, всё равно,
В наряде, в Евиной свободе
Тебе не согрешить грешно.
И если даже нарумянишь
Свои ланиты и уста
И этим Кроноса обманешь,
Ты перед Эросом чиста.
Твои лукавые измены
Пусть отмечает Сатана,
Но ты, соперница Елены,
Пред Афродитою верна.
И если бы аскет с презреньем
Клеймил коварство женщин, «ты
Была б всегда опроверженьем
Его печальной клеветы».
Хвалители

Басня

□□□□Приглашены богатым Вором
□□В числе других Оратор и Поэт,
И восхваляют все его согласным хором,
□□Но кислые гримасы им в ответ.
□□□□Все гости подбавляли жара,
□□□□И яркий фейерверк похвал
□□Перед глазами Вора засверкал,
□□А он мычит: «Всё это – слабо, старо!»
□□□□От Вора вышед, за углом
□□□□Чуть приоткрывши щёлку злости,
Смущённые, так говорили гости:
    «Не сладить с этим чудачком!
□□□□Как ни хвали, всё не дохвалишь!
Сказать бы попросту: „Чего клыки ты скалишь?
□□□□□Разбойник ты и вор!“
□□□□Вот был бы верный разговор!»
□□Один из них, молчавший за обедом,
□□Теперь прислушавшись к таким беседам,
□□□□□□Им говорит:
«Вот это всё ему в глаза бы вы сказали!»
□□□□И на него все закричали:
    «Нельзя! Ужасно отомстит!
В бараний рог согнёт! Всю жизнь нам испоганит!»
□□Но, возраженьем не смущён,
□□□□Им отвечает он:
«А всё ж его хвалить кто за язык вас тянет?»
«Любовь, – но кто же это знает!..»
Любовь, – но кто же это знает! –
Одна любовь – мой верный путь,
И если время обольщает,
Любовь не может обмануть.
Моя любимая, Тобою
Живу, дышу и вижу мир,
И Ты лазурною стезёю
Меня ведёшь через эфир.
Куда приду с Тобой, не знаю,
Не знаю, что меня там ждёт,
Но мой завет не забываю:
Любовь вовеки не умрёт.
Разлуки нет, и нет печали,
И я, сжигаемый в огне,
Стремлюся за Тобою в дали,
Ещё неведомые мне.
Нетленных роз вовек не скосит
Она, грозящая косою, –

Она мой прах в могилу бросит
Но я соединюсь с Тобой.

Ропот пчёл

Басня

«Для чего мы строим наши соты?

□□Кто-то крадёт наш мёд.

□□Мы бы жили без заботы,

Если б сами ели наш мёд.

□□Для чего мы строим соты?» –

«Тот, кто крадёт ваш мёд,

Изменил чудесно всю природу.

□□Аромат цветов даёт

□□Сладость вашему мёду, –

Человек недаром крадёт мёд».

«Семь щитов кружатся перед солнцем...»

Семь щитов кружатся перед солнцем,

Источая стрелы всех цветов,

И за каждым их блестящим донцем

Новых стрел запас всегда готов.

Все цвета сплелися здесь в единый,

Неразрывен он и слитно-бел.

Проходя бестенную равниной,

Перед солнцем будь не слишком смел.

Любоваться горними щитами

И одну секунду ты не смей, –

Закружатся тотчас пред глазами

фиолетовым гнездом семь змей.

Отуманен, странно опечален,

Не отклонишь ты от них твой взгляд,

И пойдёшь, одной из змей ужален,

Унося в себе смертельный яд.

Кто увидел пламенные круги

И кого ужалила змея,

Тот всегда живёт в эфирной вьюге,

В несказанном буйстве бытия.

«Послушай моё пророчество...»

Послушай моё пророчество,

И горькому слову поверь:

В диком холоде одиночества

Я умру, как лесной зверь.

Я окован суровою тайною

Всё крепче день ото дня.

Теперь даже лаской случайною

Никто не порадует меня.

Никто Великою субботою

Не станет на мой порог,

Не скажет с ласковою заботою:

«Отведай пасхальный творог».

«Мениса молодая...»

Мениса молодая,

Покоясь в летний зной,

Под тенью отдыхая,

Внимает песне той,

Которую в долине

Слагает ей пастух.

В томленьи да в кручине

Он напевает вслух.

Что сердце ощущает,

Что чувствует душа,

Всё в песню он влагает:

«Мениса хороша!

И всё в ней так приятно,

И всё прелестно в ней,

Но милой непонятна

Печаль души моей.

С зарёю просыпаюсь,

При утренней звезде

К ней сердцем устремляюсь.

Ищу её везде.
Увижу и смущаюсь,
Боюсь при ней дышать,
Не смею, не решаюсь
Ей о любви сказать.
Пленившись случайно,
Томлюся и стыжусь,
Люблю Менису тайно,
Открыться ей боюсь.
Вовек непобедима
К тебе, Мениса, страсть.
Вовек несокрушима
Твоя над мною власть».
Мениса песню слышит,
И сердце в ней горит,
Она неровно дышит,
Томится и дрожит.
Привставши на колени,
Раздвинув сень слегка.
Она из томной тени
Глядит на пастушка.
«Я ноги в ручейке омыла...»
Я ноги в ручейке омыла,
Меня томил полдневный зной.
В воде прохладной так мне было
Приятно побродить одной.
Но тихий плеск воды услышал
Тирсис у стада своего.
На берег ручейка он вышел,
И я увидела его.
О чём он говорил, не знаю,
Но он так нежно говорил,
И вот теперь я понимаю,
Что он меня обворожил.
Я, расставаясь с ним, вздыхала.
Куда-то стадо он увёл.
Я целый день его искала,
Но, зная, далёко он ушёл.
Всю ночь в постепи я металась,
На миг я не закрыла глаз,
Напрасно сна я дожидалась,
И даже плакала не раз.
Когда румяною зарёю
Восток туманы озлатил,
Мне стало ясно, что со мною:
Тирсис меня обворожил.
Теперь мне страшно выйти в поле
И страшно подойти к ручью,
Но всё ж я вышла поневоле,
И вот я у ручья стою.
Вода ручья меня пугает,
Я пламенею и дрожу,
Рука же юбку поднимает,
И робко я в ручей вхожу.
Тирсис к ручью идёт с улыбкой.
Ручей меня не защитил,
Не сделал золотою рыбкой:
Тирсис меня обворожил.
«Анюте шестнадцатый год...»
Анюте шестнадцатый год.
Она, словно роза, цветёт,
И цвет её щёчек румян,
Но к юношам очень сурова,
□□И молвить ей слова
□□Не смеет Лукьян.
Но знойное лето приходит,
И в рощу Анюту уводит
Далёко от милых полян

Красавец весёлый и страстный,
□□Избранник прекрасной,
□□Всё тот же Лукьян.
С Анюты платочек снимает
и белую грудь обнажает,
Где стрелы любви и колчан.
Теперь уже он не робеет,
□□Ласкать её смеет
□□Счастливым Лукьян.
«Матрос Джон Смит совсем не рад...»
Матрос Джон Смит совсем не рад,
Хоть и приехал он в Капштадт.
«Матрос, матрос, в далёком порте
Ты почему сидишь на чёрте?» –
«Письмо, я думал, получу,
И от восторга закучу.
Письмо о том, как всходит тесто,
Должна была прислать невеста.
Но мне в Капштадте нет письма,
И на душе ночная тьма.
На что мне бочки алкоголя,
Коль нет известий из Бристоля». –
«Но всё ж на берег ты сойдёшь?» –
«Невесел будет мой кутёж». –
«На что тебе о тесте справки?
Иль ты – хозяин хлебной лавки?» –
«О том была с невестой речь,
что пудинг в тесто то запечь,
и год хранить его в подвале,
чтоб мы на свадьбе пировали.
Но кто ж мне даст теперь ответ,
Готово тесто или нет,
и в тесте пудинг иль без теста,
и что же думает невеста?»
В. В. Смиренскому
Какое б ни было правительство
и что б ни говорил закон,
Твоё мы ведаем властительство,
О светозарный Аполлон.
Пускай мы жизнью закопычены, –
Уносит в вышину Пегас.
Нектары, словно мёды сычены,
В избытке дарит нам Парнас.
Что нам житейские волнения
и грохот неумолчных битв.
Мы рождены для вдохновения,
и для стихов, и для молитв.
«Всё новое на старый лад...»
Всё новое на старый лад:
У современного поэта
в метафорический наряд
Речь стихотворная одета.
Но мне другие – не пример,
и мой устав – простой и строгий.
Мой стих – мальчишка-пионер,
Легко одетый, голоногий.
Наташе Медведевой
□□Весна пленительная ваша, –
□□Вернее, тёпленький апрель, –
□□Напоминает мне, Наташа,
□□Стихи Поэта про Адель:
    «Играй, Адель,
□□□Не знай печали!
□□□Хариты, Лель
□□□Тебя венчали,
□□□И колыбель
□□□Твою качали!»
□□Венка Адели не стряхнёте

□Вы с головы, – в нём много сил:
□Подумайте, ведь вы живёте
□В том доме, где сам Пушкин жил!
□На эллинские ваши глазки
□Здесь царскосельский веет хмель.
□В них будущего все завязки, –
□Какую ж изберёте цель?
□Хоть можно пошалить немножко, –
□Какой без шалостей Эдем, –
□Но всё ж не прыгайте в окошко
□Ни для чего и ни за чем.
□Недаром Пушкин настороже
□Там на скамеечке сидит, –
□Хоть призадумался, а всё же
□Всех нас он видит и следит,
«Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева».
«Что дальше, всё чудесней...»
Что дальше, всё чудесней
Цветёт наш мир земной
В лесу лесною песней,
И в поле – полевой.
Земля не оскудела,
Кропя росую прах,
И творческое дело
Свершается в веках,
И песня льётся снова
На весь земной простор.
До неба голубого
Восходит звучный хор.
«На пламенных крыльях стремлений...»
На пламенных крыльях стремлений
Опять ты ко мне прилетел,
Полночный, таинственный гений,
Земной озаривший удел.
Не знаю, какому началу
Ты служишь, добру или злу,
Слагаешь ли гимны Ваалу,
Иль кроткой Марии хвалу.
Со мной ты вовек не лукавил,
И речь твоя вечно проста,
И ты предо мною поставил
Непонятый образ Христа.
Всегда ты правдив, мой вожатый,
Но, тайну святую храня,
Не скажешь ты мне, кто Распятый,
Не скажешь ты мне, кто же я!
«Жилец неведомой планеты...»
Жилец неведомой планеты
Недавно у меня гостил,
Усвоил наши все приметы,
Любезен был и очень мил.
Порой он странно содрогался,
Взглянувши на земных людей,
И тёмный пламень зажигался
Во глубине его очей.
Не любопытство и не злоба,
Иное что-то было в нём,
Когда мы пробирались оба
В смятении нашем городском.
И вот упорным размышленьем
Я тайну гостя разгадал:
На нас смотрел он с отвращеньем
И нас неволью презирал.
Меня зовёт к себе он в гости,
Но как-то страшно мне порой,
Что я отраву здешней злости
Перенесу туда с собой.

«Всё невинно в Божьем мире...»
Всё невинно в Божьем мире,
Нет стыда, и нет греха.
Божья благодать в каждой лире,
В каждом трепете стиха,
И в улыбках, и в лобзаннях,
И в кровавом буйстве мук,
И в полуночных свиданьях,
И в томлениях разлук.
Тот, кто знает ярость моря,
Ценит сладостный покой.
Только тот, кто ведал горе,
Стоит радости земной.
Смертный! Страстной полнотою
Каждый день свой оживляй,
Не склоняйся пред судьбою,
Наслаждайся и страдай.
«Эллиптической орбитой...»
Эллиптической орбитой
Мчится вёрткая земля
Всё дорогой неизбитой,
Вечно в новые поля.
Солнце в фокусе сияет,
Но другой же фокус есть,
Чем он землю соблазняет,
Что он здесь заставил цвести.
Сокровенное светило.
Ты незримо для очей,
И в просторах ты укрыло
Блеск неведомых лучей.
К солнцу голову подымет
От земли гелиотроп,
И тревожным слухом внемлет
Коней Феба тяжкий топ.
Но мечты к Иному правит
Вестник тайны, асфодель.
Сердцу верному он ставит
Средь миров иную цель.
«Слепит глаза Дракон жестокий...»
Слепит глаза Дракон жестокий,
Лиловая клубится тьма.
Весь этот мир, такой широкий, –
Одна обширная тюрьма.
Бесстрастный свод бытописаний,
Мечтаний радужных приют
И строй научных созерцаний
Всегда окопы нам куют.
Безвыходна тюрьма строений,
В ней всем начертаны пути,
И в области своих стремлений
Не удастся нам уйти.
Под пыльною тюрьмой одежды
Хиреет тело, стынет кровь,
И увядают все надежды.
К покорству душу приготовь.
Под брэнною тюрьмою тела
Томится пленная душа.
Она в бессильи охладела,
Освободиться не спеша.
Но будет свергнут Змий жестокий,
Сожжётся новым Солнцем тьма,
И станет этот мир широкий
Свободный дом, а не тюрьма.
«Вот подумай и пойми...»
Вот подумай и пойми:
В мире ты живёшь с людьми, –
Словно в лесе, в тёмном лесе,
Где напихан бес на бесе, –

Зверь с такими же зверьми.
Вот и дом тебе построен.
Он уютен и спокоен,
И живёшь ты в нём с людьми,
Но таятся за дверьми
Хари, годные для боен.
Человек иль злобный бес
В душу, как в карман, залез,
Наплевал там и нагадил,
Всё испортил, всё разладил
И, хихикая, исчез.
Смрадно скучившись у двери,
Над тобой хохочут звери:
«Дождался, дурак, чудес?
Эти чище, чем с небес,
И даются всем по вере». –
«Дурачок, ты всем нам верь, –
Шепчет самый гнусный зверь, –
Хоть блевотину на блюде
Поднесут с поклоном люди,
Ешь и зубы им не щерь».
«Побеждает тот, кто зол...»
Побеждает тот, кто зол.
Добрый малый, ты – осёл!
Не хвались, что ты силен, –
Попадёшься ты в полон.
Тот, кто зол, неутомим,
И не справишься ты с ним.
Не помогут яд и нож, –
Пустит в дело злую ложь.
Лжи поверят, правде – нет,
И сойдётся клином свет.
«Соткался в тучах терем...»
Соткался в тучах терем,
Закатом позлащен,
Но мы ещё не верим
В вечерний тихий сон.
Желаньем нашим мерим
Дорогу пред собой,
И, может быть, поверим
В победу над судьбой.
Но счёта нет потерям,
Дорога всё трудней,
И мы уже не верим
В приход счастливых дней.
«Что дурак я, знаю сам...»
«Что дурак я, знаю сам,
Но ведь это не нарочно.
Что ж нам делать, дуракам?»
Посмеялись: «Это – точно!»
«Отчего же нас бранят,
Всюду ставят нам ловушки?»
«Значит, вам добра хотят!» –
Отвечают мне старушки.
И толкуют старики,
Ипуская запах гнили:
«Знать, на то и дураки,
Чтоб их били да бранили».
А за ними ну вопить
И мальчишки, и девчонки:
«Дураков-то как не бить!»
И мелькают кулачонки.
В альбом Зоргенфрея
Любовь сочетает навеки.
В пылани безмерной любви
Проплывши чрез смертные реки,
В раю безмятежном живи.
В лирическом светлом покое

Простивши земные грехи,
Душа прозревает иное,
Слова сочетая в стихи.
Какая бы нас ни томила
Земная и злая печаль,
Но песен чудесная сила
Уносит в звенящую даль,
Где ждёт госпожа Дульцинея,
И дивную пряжу прядёт,
Где, вечно пред ней пламенея,
Бессмертная роза цветёт.
«Скажу простейшими словами...»
Скажу простейшими словами,
В чём вера крепкая моя:
Кто ходит голыми стопами,
Тот ближе к правде бытия;
Нагое открывая тело
Светилу пламенного дня,
Себя мы погружаем смело
В купель всемирного огня;
Входя в струящуюся воду,
Где каледьш прост и каждый смел,
В себе находим мы свободу
Для совершенья мощных дел;
А где свободный ветер веет
И грудь вздыхает глубоко,
Там наша воля пламенеет,
И всё свершается легко.
Дружи со светом и с землёю,
С водою, с воздухом земным,
И всё, навеянное тьмою,
Легко ответится, как дым.
Толкающий людей к обманам,
Царящий над землёю Змий
Низвергнут будет ураганом
С толпой сдружившихся стихий.
«Земли поколебав основы...»
Земли поколебав основы,
Восстал закованный Атлант.
Его деяния суровы,
Но прав разгневанный гигант.
Поработители! Как ложен
Безумно-яростный ваш крик!
Атлант и в бунте осторожен,
Великодушен и велик.
Благое совершая дело,
Он защищает, а не мстит,
И землю он колеблет смело,
Но труд внимательно хранит.
«Бежал я от людей далёко...»
Бежал я от людей далёко.
Мой мир – коралловый атолл.
Живу спокойно, одиноко,
И, как в саду Эдема, гол.
Никто передо мной не в страхе,
Я всё живущее люблю,
Не убиваю черепахи,
Пугливых рыб я не ловлю.
Кокос, банан, – чего же надо
Ещё для счастья моего!
Тяжёлой кистью винограда
Я довершаю торжество.
Порой гляжу на дно лагуны,
Где дремлет затонувший бот;
В часы отлива ночью лунной
Там золотой дукат блеснёт.
Быть может, там дукатов много;
Быть может, был бы я богат,

В часы отлива на отлогий
Спустившись прибережный скат.
Нет, мне не надо и червонца.
Мой мир – коралловый атолл,
Где ясны звёзды, ярко солнце,
Где я пред океаном гол.
«Я становлюся тем, чем был...»
Я становлюся тем, чем был.
Мы жили все до колыбели,
И бесконечный ряд могил
Начало приближает к цели,
И замыкается кольцо,
Навек начертанное строго,
И проясняется лицо
Владыки светлого чертога.
«Не скажешь, какими путями...»
Не скажешь, какими путями
Приходит к нам в душу печаль,
Лицо умывая слезами,
Туманом окутавши даль.
Не скажешь, какую дорогой
Приходит к нам в сердце тоска,
Когда к безнадёжности строгой
Костлявая движет рука.
«Огни далёкие багровы...»
Огни далёкие багровы.
Под сизой тучею суровы,
Тоскою веют небеса,
И лишь у западного края
Встаёт, янтарно догорая,
Зари осенней полоса.
Спиной горбатой в окна лезет
Ночная мгла, и мутно грезит
Об отдыхе и тишине,
И отблески зари усталой,
Пред ней попятившись, вялой
Походкой подошли к стене.
Ну что ж! Непрошеную гостью
С её тоскующею злостью
Не лучше ль попросту прогнать?
Задвинув завесы, не кстати ль
Вдруг повернуть мне выключатель
И день искусственный начать?
«В твоём стремлении крылатом...»
В твоём стремлении крылатом
В просторах, вечно голубых,
Пойми, ты – только малый атом
Средь многих атомов иных.
Всегда меж нами есть преграда.
В предустановленной судьбе,
По слову мудреца, монада
Самозамкнулася в себе.
Чего же каждый атом стоит?
Внимай вещаньям мудреца:
В путях вселенской жизни строит
Глагол Небесного Отца
Предустановленной от века
Гармонию душ и тел
Тоску и радость человека,
Его блистательный удел.
«Божественной комедии...»
Божественной комедии
Давно прошла пора.
Промотано наследие
Злодейства и добра.
Всё некогда великое
Рассыпалось в пыль,
И смотрит племя дикое

На чёртов водевиль.
«Как небо вечернее ясно!..»
Как небо вечернее ясно!
Какая там блещет звезда!
О жизни, погибшей напрасно,
Не надо грустить никогда.
Наносит удар за ударом
Жестокая чья-то рука.
Всё в жизни получено даром,
И радость твоя, и тоска.
Уродливо или прекрасно,
Но всякая жизнь догорит...
И небо вечернее ясно,
И ярко Венера блеснит.
«Лишь в минуты просветленья...»
Лишь в минуты просветленья
Пробуждённая душа
И печаль, и наслажденья
Пьёт из полного ковша,
Расширяет кругозоры,
Расторгает небеса,
Видит светлые просторы,
Созидает чудеса.
Дни обычности нелепой
Скудной струйкою текут,
Загоняют душу в склепы,
Все проходы стерегут.
Впечатления все вялы.
Где же правда, где же ложь?
Точно ложечкою малой
Капли кисленькие пьёшь.
«Островерхая крыша...»
Островерхая крыша
Придавила весь дом.
Здесь живущие дышат
С превеликим трудом.
Здесь косматые, злые
Лихорадки живут,
И туманы седые
На болотах прядут.
Портят всякое дело
Здесь Авось да Небось,
А земля захирела
И промокла насквозь.
«Утром встану...»
Утром встану,
В окна гляну, –
Бел туман.
Сердце бьётся,
Удаётся
Чей обман?
Что, старуха,
Слышит ухо?
Это – свой.
Улыбнулся,
Повернулся
К ней спиной.
Выждал время,
Стукнул в темя
Топором.
Сделал лихо,
Вынес тихо
Тюк с бельём.
Сел в пролётку,
Да находку
Не сберёг, –
Страшно что-то.
Шмыг в ворота

Со всех ног.
Кнут под мышки.
Вот делишки.
Не сплошал,
Раньше ль, позже ль,
Дёрнул вожжи,
Ускакал.
Только ль рано
Мглой тумана
Обманул?
Целы сутки
Шутит шутки
Вельзевул.
«Легкокрылою мечтою...»
Легкокрылою мечтою
Унесён ты от земли.
Посмотри, – перед тобою
Страны новые легли.
Вот бежит на сонный берег
Ветер, волны шевеля.
Дальше Африк и Америк
Эта новая земля.
Но не радужную грёзу
Видят дрёмные глаза,
И не призрачную розу
Поит росная слеза.
Видишь, – там твоей невесте
Принесли уже фату.
Мир иной, но с нашим вместе
Заклүчён в одну черту.
Но, конечно, в Путь наш Млечный
Не вместится этот мир.
Близок нам он бесконечно,
Дальше он, чем Альтаир.
Мы туда путей не знаем,
Не умеем их найти.
Мы в пространствах различаем
Только три всего пути:
Вот длина лежит пред нами,
Ширина и вышина.
Только этими путями
Нам Вселенная видна.
Все пути иные стёрты,
Мы запиханы в футляр,
Не умеем мы четвёртый
Строить перпендикуляр.
«Три ладьи мои снастят...»
Три ладьи мои снастят.
Это – всё, чем я владею.
Хоть я нынче не богат,
Но уж разбогатею.
Освер, щедрый в декабре,
Мне миллионы даст селёдок.
Камергер я в январе,
Оснащу я двести лодок.
Гаакону подарю
Самых крупных сельдей бочку.
Скажет он: «Благодарю!»
Фрейлиной назначит дочку.
Дочка в школах учена,
И на барышню похожа.
На балу в дворце она
Не ударит в лужу рожей.
Распевает голоском
Очень звонким, как у птички.
Правда, ходит босиком,
Да ведь это по привычке.
Не пойдёт за рыбака,

Не возьмётся уж за вёсла.
Да утешит старика:
Будет муж ей – консул в Осло.
«Давно наука разложила...»
Давно наука разложила
Всё, что возможно разложить.
К чему же это послужило,
И легче ли на свете жить?
Умней и лучше мы не стали,
Как ни плевали на алтарь,
И те же дикие печали
Тревожат сердце, как и встарь.
Холодный дождь нас так же мочит,
В лицо нам так же веет снег,
Глупец по-прежнему хохочет,
Осмеивая всё и всех.
Вновь повторяем шутку ту же
При каждой новой смене дней:
«Бывали времена похуже,
□□Но не было подлей».
«Ничего не проворонит...»
Ничего не проворонит,
Даром слова не проронит,
Только всё, что скажет, сплошь
Клевета и злая ложь.
Называют её Лиза,
Прозывают же Подлиза.
Брат в обмане уличил,
Да от зла не излечил.
Мать вчера её бранила
За обиду дяди Нила,
Ну а сам-то дядя Нил
Брани той не оценил:
«Как её вы ни браните,
Не найдёте прочной нити
Из души исторгнуть зло.
С нею вам не повезло».
«Угол падения...»
□□Угол падения
Равен углу отражения...
В Сириус яркий взглядысь:
□□Чьи-то мечтания
В томной тоске ожидания
К этой звезде вознеслись.
□□Где-то в Америке
Иль на бунтующем Тереке, –
Как бы я мог рассчитать?
□□Ночью бессонною
Эту мечту отражённую
Кто-то посмеет принять.
□□Далью великою
Или недолею дикою
Разлучены навсегда...
□□Угол падения
Равен углу отражения...
Та же обоим звезда.
«Сатанята в моей комнате живут...»
Сатанята в моей комнате живут.
Я тихонько позову их, – прибегут.
Хорошо, что у меня работ не просят,
А живут со мной всегда, меня не бросят.
Вкруг меня обсядут, ждут, чтоб рассказал,
Что я в жизни видел, что переживал.
Говорю им были дней, давно минувших,
Повесть долгую мечтаний обманувших.
А потом они начнут и свой рассказ.
Не стесняются ничуть своих проказ.
В людях столько зла, что часто сатанёнок

Вдруг заплачет, как обиженный ребёнок.
Не милы им люди так же, как и мне.
Им со мной побыть приятно в тишине.
Уж привыкли, знают, я их не обижу,
Улыбнусь, когда их рожицы увижу.
Почитаю им порой мои стихи,
И услышу ахи, охи и хи-хи.
Скажут мне: «Таких стихов не надо людям,
А вот мы тебя охотно слушать будем».
Да и проза им занятна и мила:
Как на свете Лиза-барышня жила,
Как у нас очаровательны печали,
Как Невесты мудрые Христа встречали,
Как пути нашли в Эммаус и в Дамаск,
Расточая море слёз и море ласк.
«Валерьяна экзальтата...»
Валерьяна экзальтата,
Серпий, ладан для кота.
Ночью ярость аромата
Им обильно пролита.
Кот нюхнёт, на крышу лезет,
Спину горбит, хвост трубой,
О подруге дико грезит,
И врага зовёт на бой
Злобно фыркает, мяучит,
Когти выпустит мой кот,
И врага терзает, мучит,
С крыши на землю швырнёт.
В кровь изорвана вся шкура,
Но победе храбрый рад.
Возвещает власть Амура
Валерьяны терпкий яд.
«Вернулся блудный сын. Глядит из подворотни...»
Вернулся блудный сын. Глядит из подворотни
Девчонка шустрая и брату говорит:
«Упитанных тельцов пускай зарежут сотни,
Всё блудный сын пожрёт, и всё ж не станет сыт».
И точно, – расточил отцовское наследство,
И вновь остался нищ, и взялся он за нож.
Ему осталось одно лишь только средство:
□□□□Грабёж.
«В чём слова ты обвиняешь?...»
В чём слова ты обвиняешь?
С тихой лаской все их встретить.
Если речь понять желаешь,
Слово каждое приметъ.
От природы все невинны,
Все теснятся в речь гурьбой.
Коротки они иль длинны,
Все, как дети, пред тобой.
Ты пойми, – они не грубы,
Самых дерзких не брани.
Лишь пройдя чрез наши губы,
Иногда язвят они.
Все звучали очень гордо
В час рожденья своего.
Из Тримурти стала морда,
Ну так что же из того?
И со мною то бывало,
Что, сложившись невзначай,
Так пленительно звучала
Кличка: милый негодяй.
«День окутался туманом...»
День окутался туманом
Ржаво-серым и хмельным.
Петербург с его обманом
Весь растаял, словно дым.
Город, выросший в пустыне,

Прихоть дикого Петра,
От которого поныне
Всё не вижу я добра,
Погрузится ли он в воду,
Новым племенем забыт,
Иль желанную свободу
Всем народам возвестит?
День грядущий нам неведом,
День минувший нам постыл,
И живём мы сонным бредом
Дотлевающих могил.
Это тленьё, или ропот
Набегающей волны,
Или вновь возникший опыт
Пробудившейся страны,
Что решит твой жребий тёмный,
Или славный, может быть?
Что придётся внукам вспомнить,
Что придётся позабыть?
«Мала ворона...»
Мала ворона,
Да рот широк.
Живёт Матрёна, –
Ну язычок!
Кого подцепит,
Никто не рад.
Словечко вlepит,
Все повторят.
Из подворотни
Таскает сор.
Сплетаёт сплетни,
Разносит вздор.
«Как попала на эстраду...»
Как попала на эстраду
□□Деревенщина,
В теле чувствует усладу
□□Эта женщина.
Здесь за ширмою она
□□Ну румяниться.
На эстраду введена,
□□Ну жеманиться.
Распевает она песни
□□Очень сальные,
И от хохота хоть тресни,
□□Шкеты зальные.
Свищут, грохают, стучат
□□Всюду валенки...
...Мирно спит мальчонка
□□В тихой спаленке.
И во сне встречаться сладко
□□С ангелом-хранителем.
Слабо теплится лампадка
□□Пред Спасителем...
...Для чего грешит всю ночь
□□Эта женщина?
Уходи с эстрады прочь,
□□Деревенщина!
«Два блага в мире есть, добро и зло...»
Два блага в мире есть, добро и зло,
Есть третье, но неведомое людям.
Оно в саду Эдема расцвело.
Хоть вспомним мы его, но позабудем.
Его назвать я не умею сам,
А приблизительно назвать не смею,
И утешаюсь лишь тем, что там
я этим благом снова овладею.
А потому земная жизнь моя
Сложилась, людям вовсе непонятна,

И мудрая Эдемская змея
Таит свои пленительные пятна.
Зелёные глаза сверкнут во мгле,
Раздвоенный язык она покажет,
Прошепчет свой завет немой земле,
И снова в свой глубинный мрак заляжет.

«Тебя я не устану славить...»
Тебя я не устану славить,
Любовь единая моя.
Не знаю я, куда мне править,
Но мчит стремительно ладья.
Незримый Кормчий не обманет.
Его словам моя рука
Повиноваться не устанет,
Хоть цель безмерно далека.
Весь мир окутан знойным бредом,
Но из ущелий бытия
К тебе стремлюсь я верным следом,
Любовь единая моя.

За Альтаиром пламенея,
Уже мне виден твой чертог.
Для вечной встречи Алетея
Сандалии снимает с ног.
В пути безмерном ты устала,
Устала так же, как и я,
Но скоро снимешь покрывало,
Любовь единая моя.

«В унылую мою обитель...»
В унылую мою обитель,
Вокруг которой бродит злость,
Вошёл Эдемский светлый житель,
Мальчишка милый, дивный гость.
Босыми шлёпая ногами
О мой натёртый гладко пол,
Он торопливыми шагами
Ко мне с улыбкой подошёл,
И в кресло тихо сел он, рядом
С моим столом, и посмотрел
В глаза мне прямо долгим взглядом,
Как бы струившим токи стрел.
«О, бедный друг мой, как исхожен
Перед душой твоей порог!
Ты всё ещё неосторожен,
И оградить себя не мог.
Впустил ты злость, тоску, тревогу,
И раздражение, и ложь.

С собою в дальнюю дорогу
Грехов ты много понесёшь». –
«Мой милый мальчик, мой вожатый,
Я вижу глаз твоих лучи,
Но тьма во мне, и, тьмой объятый,
Тебя прошу я: научи.

Скрывать я ничего не смею,
Тебя не смею обмануть.
Скажи мне вновь про Алетею
И укажи к ней верный путь.
Веди меня, вожатый милый,
А здесь всегда меня храни,
Из кельи тёмной и унылой
Гостей незваных изгони».

«Человечек Божий...»

Человечек Божий,
Ни на что не гожий,
Был набит рогожей
И обтянут кожей.
□□Водку пил,
С пьяной, красной рожей
□□Он ходил,

Часто суесловью
или буесловью
□□Предан был.
Звался по сословью
□□Мещанин,
А жену Прасковью
□□Мял, как блин,
Тряс её, как грушу.
□□Вдруг конец, –
Отдал Богу душу
□□Молодец;
И жена завывала:
«Очень мой Данила
□□Был хорош,
И теперь другого,
Славного такого,
□□Как ты хошь,
Муженька лихого.
Парня удалого
□□Не найдёшь!»
«Дивной жизни преизбытка...»
Дивной жизни преизбытка
Ты ещё не испытал,
И блаженного напитка
Ты донине не вкушал;
Но когда судьба приблизит
Кубок тот к твоим устам,
Он тебя или унизит,
Иль поднимет к небесам.
Причастившись, спасенье
Люди не всегда найдут:
Грешник примет причащенье
В обличение и в суд.
Опасайтесь преизбытка
Первородных диких сил,
Чтоб священного напитка
Жгучий яд не отравил.
«Словами установишь срок...»
Словами установишь срок
Для исполненья и для встречи.
Слова лежат в узорах строк,
Слова кипят в изустной речи.
Непрочно пишет карандаш.
Тогда лишь, в важном деле всяком,
Векам ты слово передашь,
Когда его покроешь лаком, –
Но что написано пером,
Не вырубишь и топором,
А впрочем, сжечь бумагу можно
Нарочно иль неосторожно.
Живое слово всех прочней.
Ты это часто испытываешь.
Оно, как юркий воробей,
Раз вылетело, не поймаешь.
Хоть средство есть, – внимать изволь
Народной мудрости уроки:
Поймаешь, коль на хвост сороке
Успеешь ты насыпать соль.
Иначе речь и ту, и эту,
Всё, что сказал ты в простоте,
Сорока тотчас на хвосте
Уж разнесёт-таки по свету.
Ночь («Чёрная корова...»)
Чёрная корова
Весь мир поборола.
Месяц под ногами,
Звёзды за боками.
Чёрную корову

Повстречали дрёмой,
Величали храпом
Да великим страхом.
Вот уж на востоке,
Раздувая боки,
Рыжий конь топочет.
Чёрная корова
Уж не так сурова,
Уж она комола,
И убраться хочет.
Прыгая спросонок,
Чахлый жеребёнок,
Ухмыляясь, мочит
Ноги ей росой,
Земною слезою.
Ладыя
Летом молодица,
А зимой вдовица.
Летом парень рад
С нею прокатиться, –
Пусть народ дивится:
Вишь, её наряд –
Вёсла или парус.
За веслом стеклярус,
Парус ветра вздох
Надувает пышно, –
И скользит неслышно.
Да не будь же плох:
Станет миру жалко,
коль тебя русалка
По стремнине вод
Понесёт, заманит,
И с молодкой втянет
В свой водоворот.
Летом молодица,
А зимой вдовица.
Заперта в сарай,
И одна томится,
И народ глумится:
«Ништо, поскучай!»
«Покуковала, улетела...»
Покуковала, улетела,
И уж не слышится ку-ку,
А вновь примись она за дело,
Так наводила бы тоску.
Но что же! Слышу однозвучный,
Всегда один и тот же тук.
Ах, как приятен был бы скучный,
Но всё же милый сердцу звук!
Теперь живёшь и не гадаешь,
Ну, сколько жить ещё мне лет.
Ведь всё равно, так верно знаешь,
что настоящей жизни нет.
«На подённую работу...»
На подённую работу
Ходит Глаша каждый день.
О сынке несёт заботу:
Накорми, учи, одень.
Простираешь день, устанешь,
Спину ломит, ну так что ж!
Мужа нет, и жилы тянешь
Из себя за каждый грош.
Он румяный да весёлый,
Набрался он свежих сил.
Босоногий, полуголый
Он всё лето проходил.
Только всё же в пионеры
Он не хочет поступить:

Не оставил нашей веры,
Хочет крестик свой носить.
«Тщетно позабыли...»
Тщетно позабыли
Люди про богов:
Волю подчинили
Разуму их слов.
Вы, богоубийцы,
Что же весь ваш гам!
Вечно Олимпийцы
Недоступны вам.
Колосится поле,
Где стоял алтарь, –
Вы покорны воле
Той же, что и встарь.
«Растревожил рану, а зачем?...»
Растревожил рану, а зачем?
Что прошло, о том не вспоминай.
Тёмен мир, и глух к тебе, и нем,
Не найдёшь потерянный твой рай,
И того, за что ты изгнан был,
Не искупишь смертною тоской
В час, когда суровый Азраил
Разлучит тебя с земной судьбой.
Только верь, что всё ж разлуки нет,
Что Господень мир неодолим,
Что за гранями несчётных лет
Мы в глаза друг другу поглядим.
«Моя молитва – песнь правдивая...»
Моя молитва – песнь правдивая,
Мой верный, нелукавый стих,
И жизнь моя трудолюбивая
Горела в ладанах святых.
Пускай для слабых душ соблазнами
Пылает каждая из книг, –
К Тебе идём путями разными,
И я в грехах Тебя постиг.
Душа пред миром не лукавила,
И не лукавил мой язык.
Тебя хулою песнь прославила, –
Багряной россыпью гвоздик.
Тебе слагалась песнь правдивая,
Тебе слагался верный стих,
И жизнь моя трудолюбивая
Горела в ладанах святых.
«Проклу всё немило в мире...»
Проклу всё немило в мире, –
Обезумела жена...
Но в Фокейской Антикире
Исцелилась она.
Тайной силой чемерицы
Побеждён печальный бред;
Улетели, словно птицы,
Вереницы тёмных бед.
Проклу счастье улыбнулось, –
Снова с ним его жена;
В мир ликующий вернулась,
Исцелённая, она.
Снова радость ей знакома,
И забавны снова ей
У супружеского дома
Крики звонкие детей.
Осенив земные недра
И пронзив любовью мрак,
Сеешь ты, Деметра, щедро
Нам на пользу всякий знак.
Проклу, дивная, тобою
Радость светлая дана:

Снова он ласкает Хлою,
Снова с ним его жена.
«Ты жизни захотел, безумный!..»
Ты жизни захотел, безумный!
Отвергнув сон небытия,
Ты ринулся к юдоли шумной.
Ну что ж! Теперь вся жизнь – твоя.
Так не дивися переходам
От счастья к горю: вся она,
И день и ночь, и год за годом,
Разнообразна и полна.
Ты захотел её, и даром
Ты получил её, – владей
Её стремительным пожаром
И яростью её огней.
Обжёгся ты. Не всё здесь мило,
Не вечно пить сладчайший сок, –
Так улетай же, легкокрылый
И легковесный мотылёк.
«И зло для нас премудро строит...»
И зло для нас премудро строит
Глагол предвечного Отца, –
Оно святым туманом кроет
Невыносимый блеск венца.
Приникнуть к дивному пределу –
Какое было б торжество!
Но неразумную Семелу
Испепелило божество.
«Для наслаждений входит бес...»
Для наслаждений входит бес
В приуготовленное тело,
Когда отвергнут дар небес
И благодать в нём оскудела.
Но плоть священна. Перед ней
Обитель жизни бесконечной.
Стремит к ней светлый чародей,
Миродержавный, Эрос вечный.
Блажен, кто пламенный призыв
Услышав, Эросу ответит!
Он в мире беспредельном жив,
И снова Алетею встретит.
Святою благостью небес
Сожжётся пепел вожелений,
И посрамится гнусный бес,
Искатель низких наслаждений.
«Подъявший крест мучений жаждет...»
Подъявший крест мучений жаждет.
Стремясь к Господу, аскет
По воле непрерывно страждет,
Чтобы увидеть вечный свет.
Покорным духу стало тело,
Смирился гнев, низложен страх,
Заря спасенья заалела
В непостижимых небесах.
«Являлся девою прелестной...»
Являлся девою прелестной,
Антония не соблазнил,
И силой подвига чудесной
Он наконец повержен был.
Предстал тогда, как отрок чёрный,
И, злобой адскою томим,
Склонился он в тоске покорной
Перед отшельником святым.
Сказал аскет ему: «Лукавый,
Смирись, смирися до конца,
И преклонись перед державой
Миры создавшего Отца».
Но бес, отвергнув Божье бремя,

Исчез, закутавшись в дым.
Доколе не настанет время,
Пребудет он неукротим.
«Тебя, Бога, хвалим!..»
«Тебя, Бога, хвалим!
Заповеди валим, –
Божия скрижаль,
Стоя, нам нужна ль!
Тебя, Бога, славим,
Пред Тобой лукавим,
Ладаном кадим,
Адом всё смердим.
Бога величаем,
И спасенья чаем, –
Богу всякий грош,
Видимо, хорош». –
«Славьте и хвалите,
Величайте, ждите, –
Отвечает бас, –
Будет шиш для вас».
Тенор продолжает:
«Бог вас не желает
В светлый рай впустить,
Чистоту смутить».
И поют сопраны:
«Печки уж убраны,
И дудит в дуду
Чёрт для вас в аду».
Дисканты и альты
Зазвенели: «Шваль ты!
Убирайся вниз!
Сверху мы пис-пис!»
«Соболино одеяльце в ногах...»
Соболино одеяльце в ногах,
Да потоплены подушки в слезах.
Через золото часты слёзы льются, –
Возлюбленный с разлучницей смеются.
Старушонка-чародейка пришла,
Приворотный корешок принесла.
«Не жалею золотых, раскрасавица,
Муженьку эта девка разнравится».
Льётся золото во старухин карман.
Путру молодец выпил стакан,
Побледнел, повалился, и не встанет,
На разлучницу никогда не взглянет.
«Издетства Клара мне знакома...»
Издетства Клара мне знакома.
Отца и мать я посещал,
И, заставая Клару дома,
С неё портреты я писал.
Достигнул я в моём искусстве
Высокой степени, но здесь
В сентиментальном, мелком чувстве
Талант мой растворился весь.
Вот эту милую девицу
На взлёте рокового дня
Кто вознесёт на колесницу
Окаменелого огня?
А мне ль не знать, какая сила
Её стремительно вела,
Какую страстью опьянила,
Какую радостью зажгла!
«Вы мне польстили чрезвычайно!» –
Остановясь у полотна,
С какою-то укорой тайной
Вчера сказала мне она.
О, эта сладостная сжатость!
И в ней желанный ореол

Тебе, ликующая святость,
я неожиданно нашёл!
Светло, торжественно и бело,
Сосуд, где закипают сны,
Невинно-жертвенное тело
Озарено из глубины.
«Хоть умом не очень боек...»
Хоть умом не очень боек, –
Ведь не всем умом блистать, –
Но зато уж очень стоек,
Если надо не зевать.
Всё, что надо, держит память,
Каждый пункт и каждый срок,
И никто переупрямить
До сих пор его не мог.
С ним попробуй в спор ввязаться!
«Слово дал, а с ним и честь,
Так куда ж теперь податься?
Интерес-то в чём же есть?
Вот видны как на ладони
Слово, честь и интерес,
И не стащат даже кони
Ни в болотину, ни в лес!»
«Балет классический, тебе ли...»
Балет классический, тебе ли
Одежда – мёртвое трико?
А впрочем, позабыв о теле,
И поглупеем мы легко.
Я не заспору с маской старой,
Приму котурны, как и все
Трагедии античной чары
В их остро-зыблемой красе.
Но скудная замена кожи
Издельем будничных машин
Так смехотворно не похожа
На радость эллинских долин.
«Не от полночного испуга ль...»
Не от полночного испуга ль
Зажглась губящая гроза?
Черны и пламенны, как уголь,
Там заметались глаза,
И в липком веянии праха
Лиловых молний зыбкий смех
Дрожит, как на спине рубаха
Дрожит от мстительного страха,
Содомский источая грех,
И самый светлый, крепкий уголь
Так многоцветно отвердел
Не от предвечного испуга ль
Предосуждённых в небе дел?
Из старых былей
Чиновник молча взял прошение,
Пожал плечью, – нельзя не взять.
«Когда же будет мне решение?»
Сухой ответ был: «Надо ждать».
Проситель каждый день приходит,
И слышит тот же всё ответ,
И наконец на ум наводит
Его какой-то сердцевед.
«Поймите, сударь, это слово:
Ведь надо ж дать, вам говорят.
Ну и давайте хоть целковый,
Покуда не пойдёт на лад».
И точно, первая же взятка
Могла уж кой-что изменить, –
Чиновник, улыбаясь сладко,
Промолвил: «Надо доложить».
Понятно стало всё, что надо.

Проситель более не ждёт,
И для солидного доклада
Он документы достаёт.
«Ещё немного дней добавить...»
Ещё немного дней добавить,
И жизнь окончена моя.
Не надо ни хулить, ни славить
Ни зла, ни блага бытия.
Во времени зыбкотекущем
Земная затихает речь.
Не надо думать о грядущем,
И силы не на что беречь.
К последнему теснятся входу
Улыбчиво мои мечты.
Чтоб обрести свою свободу,
Душа, всё потеряла ты.
Уходишь нищая, с собою
Ты ничего не унесёшь,
Но, меткой брошена пращою,
Ты Алетею обретёшь.
«Чёрный щит и чёрный шлем...»
Чёрный щит и чёрный шлем,
Перед белым домом всадник,
Но закрыт пред ним и нем
В туберозах палисадник.
Тихо поднял он с лица
Скрежетавшее забрало...
Не дала ему кольца,
На крыльце не постояла...
По калитке он копьём
Стукнул раз, другой и третий,
Но молчал весь белый дом,
И кругом дивились дети.
«Дай в залог мне за неё, –
Говорит мальчишка смелый, –
Щит, и шлем твой, и копьё,
И потом что хочешь делай.
Знаю, ты отважней всех,
Никогда не ведал страха.
Я покрою твой доспех
Чистым золотом бдолаха.
И тебе его отдам
В час свершенья светлой грёзы,
В час, когда с сестрою в храм
Ты пойдёшь от туберозы».
Рыцарь бросил быстрый взгляд.
«Вижу, мальчик – не плутишка.
Я тебе поверить рад,
Босоногий мой братишка,
Шлем, и щит мой, и копьё,
Всё в залог тебе вручая:
У тебя, как у неё,
Светел взор лазурью рая».
Не успел закрыть лицо,
Сдвинув тяжкое забрало, –
Дева вышла на крыльцо,
И кольцо с руки снимала.
Комментарии
Изборник

В настоящем издании воспроизводится книга избранных стихотворений, которая представляет собой макет с вклеенными стихотворениями, вырезанными из ранних поэтических сборников Ф. Сологуба, преимущественно из томов Собрания сочинений издательств «Шиповник» и «Сирин», книг «Пламенный круг» и «Алый мак». Нумерация листов не авторская, всего указано 203 л.

Печатается по композиционному плану и археографическому описанию, которые любезно предоставлены М. М. Павловой, за что составитель выражает ей глубокую

Собрание стихотворений. Том 7. Изборник. Рукописные книги. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
признательность.

Составить изборник своих стихотворений Федору Сологубу было предложено «Издательством М. и С. Сабашниковых» (Москва), которое с подобной просьбой обратилось также к М. Кузмину, К. Бальмонту, А. Блоку и другим. Договор с Сологубом был подписан 15 апреля 1918 года, срок представления материалов в издательство был определен 1 января 1919 года. В конце 1918 года Сологуб передал макет «Изборника» в издательство Сабашниковых, однако издание не было осуществлено из-за типографских и финансовых затруднений. В настоящее время макет книги недоступен.

Знаком астериска отмечены ниже те стихотворения, которые указал сам автор: «Стихи <отмеченные>*, мною из тома вырваны» (запись на странице 7).

Предисловие извлечено из восьмой книги стихов Ф. Сологуба «Пламенный круг» (по сведениям М. М. Павловой).

Стихи о милой жизни

Пять экземпляров книги написаны в Петрограде в период с 12 октября по 2 ноября 1920 г. Первый экземпляр завершен 12 октября, пронумерован и передан издательству «Петрополис» 31 октября. Второй завершен 15 октября, пронумерован 4 ноября, третий – 27 октября, пронумерован 5 ноября (оба переданы издательству «Петрополис» 6 ноября). Четвертый завершен 30 октября, пронумерован 6 ноября, передан в Дом Литераторов 12 ноября. Пятый завершен 2 ноября, пронумерован 8 ноября, продан Ф. С. Гольштейн.

Один экземпляр книги написан в Москве 22 января, продан в «Книжную лавку писателей» 24 января 1921 г.

Туманы над Волгою

Пять экземпляров книги написаны в Петрограде в период с 13 октября по 6 ноября 1920 г. Первый экземпляр завершен 13 октября, пронумерован и передан издательству «Петрополис» 31 октября. Второй завершен 15 октября, третий – 4 ноября, пронумерованы 5 ноября, переданы издательству «Петрополис» 6 ноября. Четвертый завершен 5 ноября, пронумерован 8 ноября, передан в Дом Литераторов 12 ноября. Пятый завершен 6 ноября, пронумерован 23 ноября, передан Ф. Ф. Зелинскому 1 января 1921 г.

Один экземпляр книги написан в Москве 15 января, продан в «Книжную лавку писателей» 24 января 1921 г.

Одна любовь

Пять экземпляров книги написаны в Петрограде в период с 5 ноября 1920 г. по 2 января 1921 г. Первый и второй экземпляры завершены и пронумерованы 5 ноября, переданы в издательство «Петрополис» 6 ноября 1920 г. Третий завершен 8 ноября, пронумерован 23 ноября, подарен О. А. Судейкиной. Четвертый завершен 24 ноября, пронумерован и продан Д. И. Митрохину 29 декабря 1920 г. Пятый завершен, пронумерован и продан И. Я. Кальфа 2 января 1921 г.

Три экземпляра книги написаны в Москве в период с 7 января по 4 мая 1921 г. Первый экземпляр завершен 7 января, второй – 9 января, оба проданы в «Книжную лавку писателей» 12 января 1921 г. Третий экземпляр именной, завершен и подарен А. Г. Оргу 4 мая 1921 г.

Небо голубое

Два экземпляра книги написаны в Петрограде. Первый завершен и пронумерован 11 ноября, передан в Дом Литераторов 12 ноября 1920 г. Второй завершен 13 ноября, пронумерован 23 ноября 1920 г., продан Курилко.

Экземпляр книги, написанный в Москве 11 января, был продан в «Книжную лавку

Собрание стихотворений. Том 7. Изборник. Рукописные книги. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru писателей» 12 января 1921 г.

Чары слова

Единственный экземпляр написан в Москве 12 января 1921 г. В этот же день продан в «Книжную лавку писателей».

Кануны

Два экземпляра написаны в Москве. Первый завершен 17 января 1921 г., в этот же день подарен Л. Д. Троцкому. Второй завершен 18 января 1921 г., подарен А. И. Пучкову 21 января.

Три экземпляра написаны в Петрограде. Первый написан и подарен Белицкому 2 марта 1921 г. Второй завершен 6 марта 1921 г. Третий написан и подарен И. И. Ионову 14 марта 1921 г.

Neures mélancoliques

Единственный экземпляр написан в Москве 23 января 1921 г., продан 24 января в «Книжную лавку писателей».

Утешения

Единственный экземпляр написан и подарен Т. Н. Чеботаревской 25 января 1921 г.

Лиза и Колен

Первый экземпляр написан 29 мая 1921 г., передан Е. К. Мроз 31 мая. На обороте обложки авторская запись: «Написано автором в пяти экземплярах».

Три отрока

В библиографическом указателе книга не упомянута.

<Стихотворения 1925–1927 годов>

Печатается по машинописному экземпляру книги без обложки. Заглавие не сохранилось.

<Стихотворения 1926 года>

Печатается по машинописному экземпляру книги.

Вероятно, книга составлена Ивановым-Разумником, на что указано в мемуарном очерке «Федор Сологуб»: «Сологуб <...> передал мне пять толстых тетрадей со стихами 1926–1927 годов <...> Я взял эти тетради, чтобы из нескольких сот отобрать несколько десятков последних стихотворений Ф. Сологуба <...> К середине октября работа была завершена, стихотворения отобраны и отбор этот санкционирован Ф. Сологубом; после этого жена моя переписала весь этот сборник на пишущей машинке в трех экземплярах...» (Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремьы и ссылки. М., 2000. С. 41, 42)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Собрание стихотворений. Том 7. Изборник. Рукописные книги. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!